This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

a39015 01810903 6b

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

Klimkov, Vasilii

961
К. 49

56.

417814

71037

5-532

Василій Климковъ.

Расправы и разстрѣлы.

(Письма, очерки и наброски спеціальнаго корреспондента газеты „Русь" („Молва").

Содержаніе:

I. Декабрьскіе кровавые дни въ Москвѣ.
II. Письма изъ Прибалтійскаго края.
III. Красная повязка. (Этюдъ изъ современной жизни).
IV. Въ Польшѣ.
V. Карательныя экспедиціи на Кавказѣ. (Выдержки изъ слѣдственнаго матеріала).

Съ иллюстраціями въ текстѣ.

Воронежская областная библиотека им. И. С. Никитина

МОСКВА.
Складъ изд.: Моховая, д. Бенкендорфъ, кн. маг. Д. П. Ефимова.
1906.

DK
263
.K63

П. Полтавскаго, Ямлинъ пер., соб. домъ.

Stacks
Rus
Lenin Lib
7-10-73
974971-293

Василій Климковъ.

Расправы и разстрѣлы.

„Вѣдь правда? Можно еще, если не оправдать, то, по крайней мѣрѣ, понять самое жестокое иногда подавленіе, самые безпощадные разстрѣлы виновныхъ, *но виновныхъ и по суду*

Но тогда должно быть твердо установлено, доказано участіе каждаго обвиняемаго въ возстаніи съ оружіемъ въ рукахъ.

Это было бы жестоко и безразсудно, но не было бы подло и грязно, марающе націю и армію, какъ было это теперь, когда разстрѣливали невинныхъ и еще истязали ихъ передъ смертью, безъ всякаго суда, или, устроивъ комедію изъ суда, разстрѣливали по иниціативѣ приставовъ и околоточныхъ или даже, что ужаснѣе всего, просто, по шпіонскимъ спискамъ.

Такимъ дѣламъ нѣтъ и не можетъ быть прощенія. Это позорныя дѣла. Они должны быть раскрыты, и виновные въ нихъ наказаны.

Иначе это останется ужаснымъ, грязнымъ пятномъ на націи и арміи.

Позоръ легъ теперь на нихъ, и онъ долженъ быть снятъ непремѣнно“.

Николай Кирилловъ.

(Газ. „Русь“).

Василій Климковъ.

I.

Декабрьскіе кровавые дни въ Москвѣ.

„Ахъ, если не легенда святая Вифлеемская ночь, если правда, что въ синей декабрьской тьмѣ, при таинственномъ трепетѣ мистической золотой звѣзды, ступаютъ по мягкому русскому снѣгу младенческія ножки новорожденнаго Христа,—онѣ будутъ въ крови, эти дѣтскія, святыя ножки! Адм. Дубасовъ слишкомъ выразительно позаботился приготовить для нихъ красный, дымящійся коверъ. Пропустимъ безъ вниманія всѣ безчисленныя показанія свидѣтелей-очевидцевъ „дикой расправы", которую мужественный адмиралъ отрицаетъ съ усердіемъ, энергіей, но и съ наивностью истаго морского волка. Читайте его самого: „отдалъ приказаніе къ 24 числу, т.-е. къ кануну великаго праздника Рождества Христова, совершенно очистить всѣ кварталы столицы" и т. д. и т. д. Что значитъ на языкѣ г. Дубасова „очищать"—Россія хорошо освѣдомлена. Изо дня въ день читаемъ мы объ этихъ полицейскихъ и солдатскихъ „колядкахъ" въ статьяхъ возмущенныхъ корреспондентовъ и въ письмахъ страдающихъ обывателей".

Александръ Амфитеатровъ.

(„Молва", № 16, 1905 г.).

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

„В. Климковъ, военный корреспондентъ „Рус. Слова", отправился въ Москву по нашему порученію разсказать, что тамъ творится. Мы поручили ему описать прямую правду своихъ впечатлѣній безъ умолчанія и какихъ бы то ни было преувеличеній".

(Отъ ред. „Молвы").

То, что предлагается вниманію читателей о памятныхъ декабрьскихъ кровавыхъ дняхъ въ Москвѣ въ настоящей книгѣ — результатъ моихъ непосредственныхъ впечатлѣній и разслѣдованій на мѣстѣ.

Это бѣглые наброски съ натуры, частью уже печатавшіеся на страницахъ «Молвы», но значительно дополненные и прокорректированные.

Конечно, тѣ сложныя условія, при которыхъ приходилось работать пишущему эти строки, исключаютъ всякую возможность претензіи на капитальное значеніе этихъ очерковъ. Разумѣется, — это только страницы, только частица матеріала для будущаго историка неизгладимой кровавой московской драмы.

Приходилось записывать эти страницы, рискуя не только жизнью, но и возможностью попасть въ руки... увы! своихъ же *русскихъ дикарей* и подвергнуться оскорбленіямъ, какъ то и случилось съ моими товарищами по перу г. г. Рыкачевымъ Брокманъ [1]).

Напримѣръ, разслѣдованіе разстрѣловъ забастовщиковъ л. гв. Семеновскимъ полкомъ на ст. Люберцы (Моск. Казанск. ж. д.) мнѣ пришлось дѣлать тогда еще, когда тамъ «хозяйничали» семеновцы и ни пѣшій ни конный не ускользалъ отъ ихъ вниманія. При мнѣ въ Люберцахъ производились обыски, царствовалъ терроръ и земля еще не обвѣтрилась на свѣжихъ могилахъ жертвъ произвола.

---

[1]) Какъ извѣстно, гг Рыкачевъ и Брокманъ по приказанію офицера были избиты солдатами л. гв. Семеновскаго полка только потому, что при нихъ оказались корреспондентскія удостовѣренія. *В. К.*

И честью увѣряю—я не переживалъ такихъ тяжелыхъ минутъ и на поляхъ Манчжуріи подъ огнемъ японцевъ, не испытывалъ такого угнетенія и предъ дикими желтолицыми хунхузами, когда однажды подвергнулся ихъ нападенію... нѣтъ! чувство ужаса и сожалѣнья, да именно сожалѣнья къ своимъ дикарямъ сильнѣе, мучительнѣе...

И это не былъ животный страхъ за свою участь!...

Невыразимо тяжело видѣть враговъ въ тѣхъ, кого привыкъ считать своими братьями и за кого еще такъ недавно ратовалъ и скорбѣлъ душою.

Можно ли говорить о какихъ либо преувеличеніяхъ при описаніи междуусобной борьбы?..

Развѣ пролитая невинная братская кровь и всѣ эти ужасы произвола жестокихъ правителей не вопіютъ къ небу?... Развѣ это не міровая трагедія?...

И можетъ ли фантазія ума человѣческаго придумать подробности ужаса сильнѣе дѣйствительныхъ?

Что же касается цѣли настоящей книги, смѣю думать, она ясна.

Мнѣ хотѣлось еще разъ напомнить обществу страницы нашей кровавой были, страницы далеко не исчерпанныя, ибо во время печатанія этого труда обнаружились ужасные случаи изнасилованія казаками женщинъ на Кавказѣ и въ другихъ мѣстахъ нашей многострадальной родины.

Мнѣ хотѣлось бы убѣдить общество въ необходимости настойчиваго требованія *слѣдствія и суда* надъ дѣятелями произвола и насильниками.

Развѣ всѣ здѣсь приводимые факты, эти вопіющіе факты, не доказываютъ, что правительственный терроръ, съ смертными казнями, пытками и насиліями, отнюдь не успокаиваетъ населеніе, и вызываетъ, въ свою очередь, отвѣтный терроръ, какъ результатъ прискорбнаго, безвыходнаго, озлобленнаго отчаянія...

Предали бы, напримѣръ, суду изверга Аврамова—истязателя Спиридоновой—и конечно, онъ не палъ бы жертвой самосуда, а слѣдствіе, быть можетъ, установило бы, какіе факторы образовали подобный чудовищный типъ, что было бы очень важно.

Примѣровъ множество. Долой же произволъ! Долой смертную казнь!

Слѣдствія и суда!

В. Климковъ.

I.

Петербургъ — Москва.

Въ Петербургѣ наступили дни забастовки.

Забастовали фабрики, заводы, мастерскія... но суровый старый бюрократъ — Петербургъ не измѣнилъ своей обычной физіономіи.

Электричество не погасло, нарядная толпа, экипажи и конки двигались по улицамъ, торговля не прекращалась, соблазняя блестящими выставками публику... Театры, концерты, рестораны,—словомъ, «жизнь» въ полномъ разгарѣ...

Лишь тамъ, гдѣ-то за заставами, бродили толпы мрачныхъ, озабоченныхъ рабочихъ и рѣшали вопросъ: бастовать или не бастовать — быть или не быть?.. (или голодать?..)

И бастовали...

Но запахъ предпраздничнаго рождественскаго гуся пріятно щекоталъ чиновничій носъ эгоистичнаго Петербурга, не замѣчавшаго волненій за далекими заставами...

А изъ Москвы раздались громкіе, рѣзкіе протесты, прозвучали первые буревѣстники!

И мрачныя печальныя вѣсти о междуусобной кровавой борьбѣ посыпались одна за другою...

II.

Въ поѣздѣ.

Я на петербургскомъ Николаевскомъ вокзалѣ покупаю билетъ на курьерскій поѣздъ.

— Что, есть мѣста?

— Помилуйте! — улыбается кассиръ,—весь составъ почти свободенъ... Кто же теперь въ Москву поѣдетъ?

Дѣйствительно, время не для поѣздокъ.

Но намъ, журналистамъ, много разсуждать не приходится.

Головокружительный потокъ событій требуетъ безпрерывнаго освѣщенія ..

Калейдоскопъ такъ быстро вращается, что отъ современнаго бытописца требуется чисто стенографическая скорость.

Давно ли я, въ качествѣ военнаго корреспондента, описывалъ злополучную манчжурскую эпопею, и вотъ... опять ѣду на войну!.. увы, еще болѣе печальную, ужасную...

Да не сонъ ли это? Неужели тамъ, въ Москвѣ, дѣйствительно льется кровь, братская кровь?..

Увы, все говоритъ за дѣйствительность.

Вотъ молодой драгунскій офицеръ съ георгіевской ленточкой въ петлицѣ—это одинъ изъ моихъ немногихъ спутниковъ.

И онъ—невольникъ долга—ѣдетъ на вторую войну...

Его провожаетъ молодая красивая дама. Она такъ разстроена, такъ трагически прощается, какъ только можно прощаться, провожая въ далекій опасный путь.

— Берегись, дорогой!—чуть не плача кричитъ она, но мѣрный механическій шумъ колесъ тронувшагося поѣзда заглушаетъ ея голосъ.

Въ мое купэ входитъ кондукторъ.

— Не пригасить ли свѣтъ, баринъ? Неравно обстрѣляютъ дорогой...—тревожнымъ голосомъ говоритъ онъ.

Очевидно мы вступили на боевой путь.

III.

Боевая прелюдія.

Ясное морозное утро.

— Ба-а-бахъ!..—гулко раздается въ морозномъ воздухѣ орудійный выстрѣлъ.

— ...Ахъ! ахъ!.. ахъ!..—перекатывающимся стономъ отдается эхо въ каменныхъ громадахъ столицы.

Мы въ Москвѣ.

На перронѣ суетятся носильщики и еще какіе-то люди.

Движенія у всѣхъ необычайно торопливыя, лица блѣдныя, испуганныя.

Вотъ виднѣется шеренга запасныхъ, только что прибывшихъ съ Дальняго Востока.

Изъ-подъ мохнатыхъ шапокъ выглядываютъ недоумѣвающія, оторопѣлыя лица солдатъ.

Въ багажномъ залѣ расположился караулъ одного изъ гренадерскихъ московскихъ пѣхотныхъ полковъ.

Солдаты, въ полномъ боевомъ вооруженіи, не безъ тревоги всматриваются въ лица публики.

И горе любопытному, вздумавшему задать какой-нибудь вопросъ одному изъ караульныхъ

— Ну, ну, проходи! То-о-же разговариваетъ!..— слышится грубый отвѣтъ, и винтовка принимаетъ рѣшительное, грозное положеніе.

На наружной площадкѣ на насъ устремляется не менѣе пяти паръ глазъ, пронизывающихъ, стремящихся заглянуть въ душу и... карманы, жандармскихъ глазъ!..

На площади между Николаевскимъ и Рязанскимъ вокзалами гарцуютъ казаки съ винтовками наперевѣсъ.

Передъ вокзаломъ цѣпь спѣшенныхъ драгунъ также съ винтовками наготовѣ.

Вдали виднѣются стѣны и уголъ дома, подбитаго вчера артиллеріей. Темныя развороченныя впадины — слѣды снарядовъ — словно съ нѣмымъ укоромъ неподвижно уставились на площадь съ военнымъ бивуакомъ.

Мнѣ посчастливилось захватить единственнаго извозчика, только что кого-то доставившаго на поѣздъ.

Мы тронулись къ Покровкѣ. Черезъ площадь шагали люди съ носилками, преградившіе намъ путь.

Знакомая грустная картина!..

Первыя носилки прикрыты грязнымъ окровавленнымъ полотномъ.

На вторыхъ—кто-то мучительно метался, оглашая улицу душу раздирающими криками.

На третьихъ—послѣднихъ носилкахъ—было также тихо, какъ и на первыхъ...

Только длинныя, въ темныхъ драповыхъ рваныхъ рукавахъ, безжизненныя руки свѣсились съ носилокъ...

Извозчикъ истово перекрестился, ожесточенно стегнувъ свою лошаденку.

Вотъ Красныя ворота. Направо и налѣво отъ воротъ тянется полуразрушенная баррикада, построенная изъ сломанной желѣзной рѣшетки, обвитая телеграфною проволокою.

Немного далѣе повисъ на проводахъ спиленный телеграфный столбъ

У самыхъ воротъ расположился взводъ артиллеріи при двухъ орудіяхъ, повидимому приготовленный къ стрѣльбѣ.

Согласно всѣмъ правиламъ военнаго искусства, артиллерію окружало «прикрытіе» изъ конныхъ драгунъ.

Я пристально всматривался въ даль (впрочемъ, «площадь обстрѣла» была довольно ограничена), но нигдѣ не замѣтилъ грознаго непріятеля.

На улицѣ сновали рѣдкіе пѣшеходы, пугливо прижимаясь къ стѣнамъ.

Конные драгуны суетливо гарцовали около орудій.

— Проходи скорѣй! Проѣзжай... такой и этакій!.. Не останавливайся!.. — слышались ихъ грозные окрики, сопровождаемые движеніемъ винтовки на прицѣлъ.

Мой возница старательно понукалъ лошаденку, пугливо озираясь на грозныя дула орудій.

Мы быстро подвигались впередъ.

— Тр..рахъ...трахъ—трахъ!—загремѣли въ лабиринтѣ улицъ ружейные залпы...

Въ отвѣтъ прозвучали короткіе, глухіе, вѣроятно, револьверные выстрѣлы.

Мой невзрачный извозчикъ положительно превратился въ лихача.

— Стойте! стойте! Умоляю, ради Бога!—послышался съ тротуара женскій голосъ.

Я едва успѣлъ остановить извозчика.

Ко мнѣ подошла пожилая, съ блѣднымъ, истомленнымъ лицомъ, женщина.

— Простите, но я вижу у васъ чемоданъ... Значитъ, вы съ поѣзда? Значитъ, поѣзда пошли?—закидала она меня вопросами.

— Да, я пріѣхалъ изъ Петербурга.

— Изъ Петербурга?!..—разочарованно произнесла она.—А я думала... дѣти вѣдь у меня... Уѣхать надо, а нельзя...

Безнадежно махнувъ рукою, она отошла отъ саней.

Мы тронулись по мертвымъ улицамъ съ наглухо заколоченными магазинами и воротами.

Гдѣ-то опять раскатисто прозвучалъ орудійный выстрѣлъ.

Совершенно близко затрещали винтовки.

Но я уже остановился у одного изъ домовъ на Покровкѣ, гдѣ рѣшилъ устроить свою штабъ-квартиру.

IV.

Письмо въ «Молву» отъ 12 декабря.

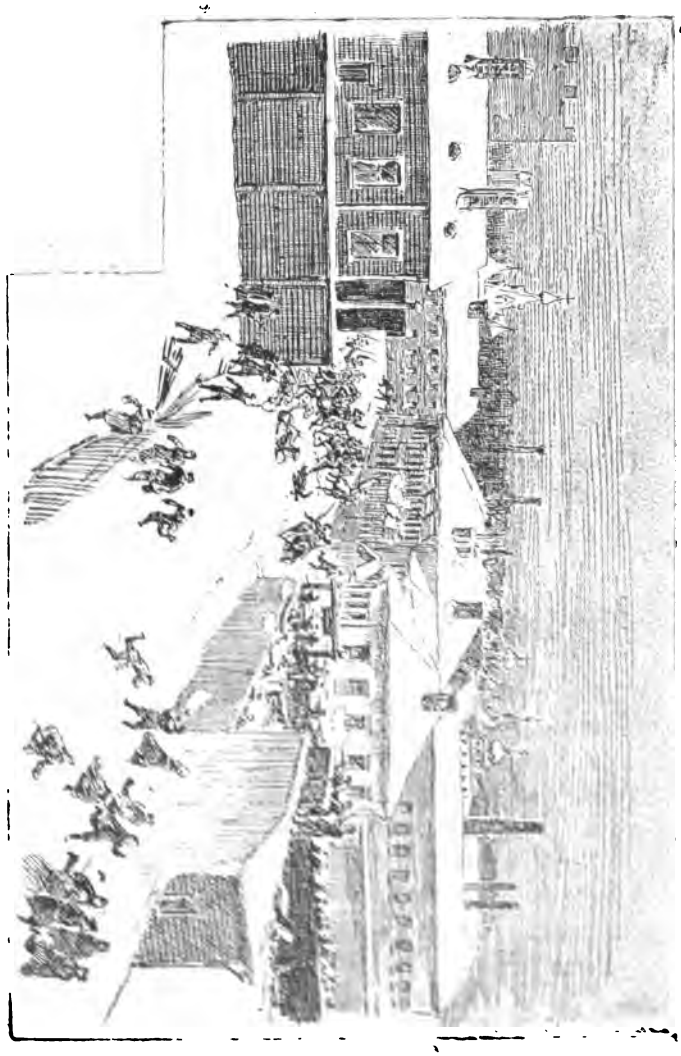
Первыя впечатлѣнія.— Къ осадѣ дома Фидлера.— Жестокости.— Провокація.— Дружины „русскихъ людей".— Приказъ Дубасова.

Москва не узнаваема. Уже при выходѣ съ Николаевскаго вокзала видны слѣды разрушенія. Противъ вокзала, нѣсколько наискось, зіяютъ темными развороченными впадинами два дома, обстрѣлянные вчера гранатами. Артиллерія выбивала оттуда боевыхъ дружинниковъ. Сегодня при мнѣ съ мѣста побоища выносили жертвы.

Количество жертвъ пока установить очень трудно, но несомнѣнно, цифры ужасныя. Вчера, напримѣръ, по разсказу д-ра Ш., на углу 4-й Мѣщанской и Садовой улицъ дворъ частнаго дома былъ переполненъ ранеными, собранными съ баррикадъ. Д-ръ Ш. лично перевязалъ до 60 человѣкъ. Перевязочныхъ средствъ не хватаетъ. Раны тяжелыя, рваныя, въ большинствѣ — осколками снарядовъ и шрапнельными пулями. Такихъ импровизированныхъ перевязочныхъ пунктовъ разсѣяно по городу много.

Сегодня съ утра грохочетъ орудійная канонада, не смолкающая третій день, трещатъ ружейные залпы и одиночные выстрѣлы, мѣрно барабанятъ пулеметы... По городу снуютъ драгуны, казаки, пѣ-

хота, передвигается артиллерія. У Красныхъ воротъ видѣли два орудія въ боевой готовности. На Прѣснѣ у Зоологическаго сада съ часу дня открытъ частый орудійный огонь, обстрѣливающій



„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". Сцена на улицѣ въ дни баррикадъ

дороги, гдѣ могли бы пройти рабочіе фабрики Прохорова, завода Шмидта, части Всѣхсвятскаго и всего Прѣсненскаго района. По-

явились орудія и на Покровкѣ противъ зданія 4-й гимназіи, но ихъ куда-то услали.

На Тверскую никого не пропускаютъ. Особенно тщательно охраняется войсками генералъ-губернаторскій домъ. Адм. Дубасова не видно. Кудринская площадь оцѣплена войсками.

Населеніе крайне возмущено обстрѣливаніемъ домовъ артиллерійскими снарядами безъ достаточныхъ основаній. Провокаторскій выстрѣлъ изъ окна, а иногда и просто открытое окно съ любо-

„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". Къ осадѣ дома Фидлера.

пытными — вызываетъ угрозы и даже пальбу. Вчера артиллерійской бомбардировкой поврежденъ домъ рядомъ съ Сандуновскими банями. Домъ Фидлера удержался, но въ стѣнахъ зіяютъ бреши, окна выбиты, потолки треснули. Въ квартиру Фидлера никого не впускаютъ, но мнѣ удалось проникнуть въ сосѣднее помѣщеніе музея гигіены и санитарной техники. Граната, пробивъ двѣ капитальныя стѣны, разорвалась, внося ужасное разрушеніе. Разбиты дорогія модели, электрическіе приборы и машины. Къ счастью для людей, музей былъ закрытъ.

По показаніямъ очевидцевъ въ домѣ Фидлера собралась только незначительная часть боевой организаціи, а именно 5 отрядовъ, всего до 250 человѣкъ, преимущественно молодежи. Убито, какъ говорятъ, 6 и ранено до 30 революціонеровъ. Многіе ранены сабельными ударами въ тотъ моментъ, когда осажденные сдались и солдаты ворвались въ домъ. Самъ Фидлеръ раненъ въ руку. Осажденные выбросили съ крыши дома двѣ бомбы, при разрывѣ которыхъ убито и ранено нѣсколько драгунъ и пѣхотинцевъ.

Повторяю, населеніе въ высшей степени раздражено «чрезвычайными» мѣрами. Артиллерійская канонада по малѣйшему поводу, стрѣльба залпами и одиночная, не разбирая правыхъ и виноватыхъ, вслѣдствіе чего много убитыхъ женщинъ и дѣтей, пальба въ окна квартиръ мирныхъ обывателей — вотъ «чрезвычайныя мѣры» потерявшихъ, повидимому, голову властей...

Вооруженное возстаніе безусловно разростается благодаря этимъ «мѣрамъ».

Въ сущности, массоваго сосредоточенія революціонеровъ — за исключеніемъ дома Фидлера и у вокзаловъ — не наблюдалось. Если бы не случайныя, увы! многочисленныя жертвы, то ретивымъ усмирителямъ пришлось бы стрѣлять изъ пушекъ по... воробьямъ!..

Кровавая борьба переходитъ въ партизанскія дѣйствія. Дружинники разсыпались на мелкія группы и даже по одному — при встрѣчѣ съ войсками стрѣляли изъ револьверовъ, спасаясь затѣмъ бѣгствомъ.

Масса проявленій излишней жестокости. Вчера въ Большомъ Козихинскомъ пер. за стекломъ одного изъ оконъ показалась женская голова. Изъ рядовъ проѣзжавшихъ по улицѣ драгунъ грянулъ выстрѣлъ и несчастная упала убитая наповалъ.

10 декабря войска заперли всѣ выходы съ Тверского бульвара, оставивъ только одинъ—въ Богословскій пер., куда и сгоняли публику картечными выстрѣлами.

Но были съ другой стороны и случаи убійства на улицѣ одиночныхъ офицеровъ, не пожелавшихъ отдать дружинникамъ оружія или стрѣлявшихъ въ толпу.

Никогда еще небывалое, безпримѣрное, тревожное время переживаютъ москвичи... Городъ хуже осажденнаго. Вечерами мракъ, абсолютный мракъ, и на улицѣ и на лицевыхъ фасадныхъ окнахъ, зловѣщая тишина, нарушаемая выстрѣлами да топотомъ коней кон-

ныхъ отрядовъ. Мѣстами зарево пожаровъ. Сегодня сожгли огромную типографію Сытина въ Замоскворѣчьѣ. Пожарные не содѣйствовали прекращенію пожара, ибо власти подозрѣвали, что тамъ печатаются «Извѣстія московскаго совѣта рабочихъ депутатовъ». Сейчасъ вспыхнуло зарево въ сторонѣ Рязанскаго вокзала. Съ той же стороны раздается канонада.

Днемъ на улицахъ слабое, пугливое движеніе. Населеніе терроризовано, но хулиганы и черносотенцы не проявляютъ дѣятельности. Пресловутая Щербатовская дружина «русскихъ людей» ограничила свою дѣятельность только двумя молебнами.

„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". На улицѣ.

Забастовка всюду очень дружная. Забастовщиковъ насчитываютъ до 150 тысячъ, изъ коихъ до 10 тысячъ организованной вооруженной дружины [1]), хотя вооруженіе рабочихъ — преимущественно револьверы, пригодные для дѣйствія въ одиночку и для самообороны.

1) Впослѣдствіи выяснилось, что активное участіе въ вооруженной борьбѣ приняла [illegible] часть дружины.

БИБЛИОТЕКА им. М. С. [illegible]

На улицахъ во многихъ мѣстахъ солдатскіе посты, обыскивающіе прохожихъ. Оружіе отбирается.

Движеніе по улицамъ крайне опасное.

Извозчиковъ очень мало и къ нимъ примѣняютъ обструкцію, сдирая номера и халаты. Ночью извозчиковъ нѣтъ. Конки, трамваи, учрежденія (кромѣ полицейскихъ), торговля, заводы, мастерскія, театры, конторы, телефоны, словомъ все, все бастуетъ... Бастуютъ даже банки, вопреки постановленію совѣта рабочихъ депутатовъ. Это здѣсь объясняется желаніемъ банковъ воспользоваться случаемъ для отсрочки выдачи вкладовъ.

Въ общемъ настроеніе волнующихся массъ пока стойкое, крайне напряженное. Жадно ждутъ извѣстій изъ другихъ городовъ.

Характерно, что жители, за эти дни, словно на войнѣ, свыклись съ боевымъ положеніемъ и по слуху опредѣляютъ, гдѣ пулеметы, гдѣ ружейная стрѣльба, а гдѣ—гремятъ орудія.

Сейчасъ (10 час. вечера) попробую пробраться на Николаевскій вокзалъ, чтобы переслать эти замѣтки. Телефонъ сегодня прерванъ и соединиться съ Петербургомъ мнѣ нигдѣ не позволяли.

Сегодня появилось приказаніе адм. Дубасова, объявляющее, что домовладѣльцы и квартиросодержатели подвергаются отвѣтственности за выстрѣлы изъ оконъ домовъ въ размѣрѣ штрафа до 3,000 тыс. рублей или тюремному заключенію до трехъ мѣсяцевъ.

V.

Москва ночью.

Уже давно стемнѣло.

Грохотъ орудій все рѣже и рѣже. Словно утомились за цѣлый день эти чудовища, надорвали свои стальныя смертоносныя глотки...

Мнѣ необходимо попасть на Николаевскій вокзалъ, чтобы съ «оказіей», т.-е. съ кондукторомъ, отправить въ Петербургъ замѣтки.

— Будьте осторожнѣе, — говоритъ мнѣ мой домовладѣлецъ г. П.—Только что сейчасъ и къ намъ на дворъ залетѣла шальная пуля, едва не угодившая въ нашего управляющаго. Онъ арту-

рецъ, всю осаду высидѣлъ благополучно, а здѣсь чуть къ прaотцамъ не угодилъ.

— Ну, что же, рискъ хотя и непріятное, но, какъ говорятъ, благородное дѣло,—отвѣчаю я.

Со мной въ спутники до вокзала вызывается нѣкій г. Смирновъ.

— Все спокойнѣе будетъ,—говоритъ онъ,—ранятъ одного—другой поддержитъ...

По темной, мрачной лѣстницѣ (электричество бастовало, да и опасно освѣщать лицевой фасадъ) мы спустились внизъ и вышли на улицу.

На улицѣ пустынно. Словно вымерло все.

Нѣтъ и освѣщенія, присущаго столичной улицѣ. Надъ мрачными каменными громадами съ потухшими окнами кротко мерцаютъ міріады серебристыхъ, яркихъ звѣздочекъ...

Всякій звукъ, всякій шорохъ рѣзко раздается въ зловѣщей тишинѣ морознаго воздуха.

Вдали, по направленію къ Николаевскому вокзалу, пылало огромное зарево. Съ той же стороны доносились частые ружейные залпы.

А вотъ и опять загрохотали пушки...

Мы медленно двигались по Покровкѣ. Привычный избалованный глазъ горожанина высматривалъ извозчика, но тщетно.

Вотъ на углу, поддуваемое вѣтромъ, мечется пламя костра. Въ яркомъ красномъ отблескѣ пламени вырисовывается группа солдатъ.

Часть изъ нихъ, составивъ ружья въ козлы, топчется у костра, отогрѣвая озябшія руки и ноги, а двое, съ ружьями наперевѣсъ, съ примкнутыми блестящими штыками, неподвижно стояли у панели.

— Прочь!—закричалъ намъ одинъ изъ нихъ.—Переходи на другую сторону, а то стрѣлять буду...

Мы поспѣшно перешли на противоположную сторону улицы.

Едва успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ опять раздался грозный окрикъ.

— Куда прешь? Вертай назадъ!..

— Гдѣ же можно пройти?

— Еще разговаривай! Сказано, вертай!— кричитъ солдатъ.

Я пристально всматриваюсь въ лицо «усмирителя»,—знакомая

туповато-добродушная физіономія, какихъ не мало видѣлъ я въ Манчжурской арміи, но на этотъ разъ черты лица солдата искажены нервной недовѣрчивостью. Онъ подозрительно слѣдилъ за нашими руками, готовый въ любой моментъ пустить пулю въ лобъ.

И грустное, и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелое чувство шевельнулось въ моей груди...

Мы измѣнили нашъ путь къ вокзалу, направившись въ обходъ по кривымъ переулкамъ.

Жутко, пустынно жутко на улицахъ московской столицы.

Что за страшная кровавая ночь!

Зарево, ярко багровое зарево все шире и шире разливалось по небосклону. Морозный воздухъ прорѣзывали боевые раскаты канонады, и на бѣломъ саванѣ укатаннаго блестящаго снѣга отливались отблески кроваваго огня...

По улицѣ промчалась санитарная карета. Прерывающійся стонъ раненыхъ огласилъ окрестность.

Совершенно близко отъ насъ щелкнулъ ружейный выстрѣлъ, сопровождаемый короткимъ сухимъ ударомъ объ одну изъ каменныхъ стѣнъ какого-то дома. Вѣроятно, шальная пуля сдѣлала рикошетъ. За глухими запертыми воротами домовъ раздался бѣшеный концертъ цѣпныхъ псовъ.

Изъ подворотни темнаго дома робко выдвинулась женская фигура, закутанная въ большой теплый платокъ. Блѣдное лицо женщины искажено смертельнымъ ужасомъ.

Глаза, безумные глаза, расширенные, устремляются на насъ.

— Родимые! Правду баютъ, что вся Москва сгоритъ, а Николаевская чугунка уже сгорѣла?..

— Врутъ, тетка! — успокоительнымъ тономъ отвѣчаетъ мой спутникъ.

— О-охъ!.. Бѣжать мнѣ... Отбилась я отъ своихъ-то...

И, робко прижимаясь къ стѣнамъ при звукѣ каждаго выстрѣла, женщина скрывается въ кровавомъ сумракѣ.

Очевидно, это одна изъ сегодняшнихъ жертвъ, обезумѣвшая отъ пережитыхъ ужасовъ дня, блуждающая по темному лабиринту улицъ.

Насъ нагоняетъ какой-то парный извозчикъ.

— Голубчикъ, довези насъ до Николаевскаго вокзала, — взмолились мы,—а если можно, то и обратно!

— Страшновато, ваша милость... Ну, да два рублика ежели положите...

Сдѣлка состоялась, и мы быстро тронулись въ путь.

— А я изъ Подольска (городокъ близъ Москвы), — барина туда возилъ, — заговорилъ нашъ возница, — тамъ страсть народъ бунтуетъ. Скоро сюда на подмогу придутъ. Чай, тысячъ пятьсотъ дружины соберется!

Несмотря на всю серьезность минуты, положительно нельзя было не улыбнуться при послѣдней цифрѣ.

Гдѣ-то опять затрещали ружейные выстрѣлы, а со стороны Николаевскаго вокзала грянула пушка.

У Красныхъ воротъ солдатскій постъ.

— Стой! — кричатъ намъ.

Покоряемся. Насъ обшариваютъ солдаты, разыскивающіе оружіе. Отъ нихъ пахнетъ водкой.

Наконецъ церемонія обыска кончена, и мы двигаемся къ вокзалу.

Вотъ и вокзалъ. На площади толпятся войска. Артиллерія уже куда-то уѣхала.

Рядомъ съ Рязанскимъ вокзаломъ догораютъ остатки зданія склада Общества Потребителей.

Здѣсь, на площади, только-что происходила стычка.

VI.

У московскаго Николаевскаго вокзала.

Николаевскій вокзалъ, какъ ключъ къ единственной линіи для подвоза къ войскамъ подкрѣпленій, охранялся особенно тщательно.

Дни и ночи вокзалъ окружала пѣхота въ полной боевой готовности. На площади передъ вокзаломъ гарцовали казаки и драгуны съ ружьями на перевѣсъ.

Площадь можно было переѣзжать или очень быстро или бѣгомъ, но чуть кто случайно замѣшкался, раздавалась ругань кава-

лериста и раскатисто гремѣлъ выстрѣлъ... Здѣсь нерѣдко бывали раненые.

Боевыя дружины революціонеровъ вполнѣ понимали серьезное стратегическое значеніе вокзала. Если бы удалось овладѣть вокзаломъ и далѣе линіей революціонеры надолго бы обезпечили себѣ успѣхъ, ибо до прихода подкрѣпленій изъ Твери и Петербурга власти положительно растерялись. Войскъ въ Москвѣ было не много, и дружинники ловкими маневрами развлекли ихъ по окраинамъ и назойливыми партизанскими набѣгами измучили и истомили солдатъ...

Революціонеры, разсчитывая вначалѣ на добровольную забастовку желѣзнодорожниковъ на Николаевской линіи, впослѣдствіи неоднократно возобновляли попытку овладѣть вокзаломъ. Они забирались въ вагоны противоположной Рязанской линіи и въ лавку О-ва Потребителей, занимали частные дома противъ вокзала и оттуда открывали ружейный огонь.

Со стороны вокзала отвѣчала пѣхота. Разгорѣлась сильная перестрѣлка. Для удобства прицѣла солдаты даже взбирались на крышу вокзала, стрѣляя оттуда. На помощь войскамъ подоспѣла артиллерія... Нѣсколько „ударныхъ“ шрапнелей и вспыхнулъ пожаръ— загорѣлся складъ О-ва Потребителей...

Дружинники, отстрѣливаясь, скрылись.

VII.

Письмо въ „Молву“ отъ 14 декабря.

Обезоруженіе воинскихъ эшелоновъ.—„Извѣстія московскаго совѣта рабочихъ депутатовъ“.—Жертвы.—Пожары.

Положеніе очень серьезное. Настроеніе населенія крайне напряженное. Энергія революціонеровъ повидимому не ослабѣваетъ. Сбитыя войсками баррикады быстро воздвигаются вновь. Войска озлоблены и утомлены безпрерывной службой. Сегодня съ утра неумолчная пушечная пальба, ружейная и револьверная трескотня. Вчера особенно сильно обстрѣляны артиллеріей Малая Дмитровка

и Долгоруковская ул. На Тверской повреждены дома Коровина, Гиршмана (бывшій Пороховщикова) и другіе. Раіонъ Грузинъ съ Брестскимъ вокзаломъ занятъ дружинами, упорно самообороняющимися. На окраинахъ появляются огромныя толпы рабочихъ, вооруженныхъ холоднымъ оружіемъ, револьверами и частью винтовками. Ближайшія къ Москвѣ станціи Курской ж. дор. въ рукахъ революціонеровъ, пропускающихъ въ Москву только войска Манчжурской арміи. На послѣдней станціи предъ Москвой классные вагоны осматриваются и сильная вооруженная партія революціонеровъ отбираетъ у офицеровъ оружіе. Офицеръ, прибывшій только-что съ Дальняго Востока, подтверждаетъ, что по 21 ноября въ Харбинѣ было спокойно, но дорогой изъ Манчжуріи въ Россію запасные не признаютъ никакихъ властей, оскорбляютъ офицеровъ, занимаютъ классные вагоны. Войска, возвращающіяся съ Дальняго Востока, совершенно деморализованы.

Частое примѣненіе артиллеріи и приказъ генералъ-губернатора открывать ружейный огонь по появляющимся на улицахъ группамъ свыше 3 человѣкъ сильно терроризируютъ населеніе. Рискнувшіе открыть кой-гдѣ свои магазины торговцы вскорѣ ихъ снова закрывали.

Сегодня я былъ свидѣтелемъ злоупотребленій на почвѣ вышесказаннаго приказа. У Николаевскаго вокзала публика обступила газетчика, покупая только что прибывшія изъ Петербурга газеты. Раздались окрики казаковъ, и вслѣдъ затѣмъ немедленно затрещали казачьи винтовки Одинъ изъ публики упалъ, сраженный пулею, остальные разбѣжались. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ города драгуны стрѣляли по группамъ, читавшимъ воззванія генералъ-губернатора, расклеенныя на стѣнахъ. Револьверные выстрѣлы изъ оконъ въ большинствѣ случаевъ провокаторскіе, ибо дружинники стрѣляютъ изъ засадъ, имѣющихъ удобные выходы на случай бѣгства. Выстрѣлъ, хотя бы и провокаторскій, вызываетъ разрушительное дѣйствіе артиллеріи на весь домъ, и страдаютъ и правые, и виноватые.

Публика сильно негодуетъ на отсутствіе газетъ. Ходъ событій узнается изъ петербургскихъ консервативныхъ органовъ, дающихъ совершенно невѣрную окраску. «Извѣстія московскаго совѣта рабочихъ депутатовъ» пока выходятъ ежедневно, но въ очень ограниченномъ количествѣ. Соціальдемократы, преобладающіе въ московскомъ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ, энергично опровергаютъ

сообщеніе консервативной печати, что будто бы вооруженное возстаніе было объявлено съ извѣстнаго дня и часа. Въ дѣйствительности постановлено по этому поводу такъ: объявить въ Москвѣ со среды, 7-го декабря, въ 12 часовъ дня, всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее въ вооруженное возстаніе. Далѣе, не отрицая неоднократныхъ вооруженныхъ попытокъ завладѣть Николаевскимъ вокзаломъ, с.-д. рѣшительно заявляютъ, что пока въ планъ ихъ дѣйствій не входило ни взятіе городской думы, ни штурмъ генералъ-губернаторскаго дома. Дѣйствія революціонеровъ

„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". На баррикадѣ.

пока выразились въ слѣдующемъ: осуществленіе всеобщей въ Москвѣ забастовки, что и выполнено дружно, революціонизированіе массъ на митингахъ, уличныя манифестаціи и наконецъ развитіе партизанской и баррикадной войны на возможно обширнѣйшемъ раіонѣ. Дальнѣйшій планъ выяснить трудно, какъ и невозможно опредѣлить теперь исходъ кровавой борьбы. Можно лишь еще разъ подтвердить, что положеніе очень и очень серьезно, а успокоительные мѣры или признаки пока ни въ чемъ не проявляются.

Сильное броженіе на окраинахъ. Упорно циркулируетъ слухъ, что со стороны Орѣхова-Зуева подвигается до 30.000 вооруженныхъ рабочихъ [1]). Мелкія стычки партизанскихъ отрядовъ дружинниковъ съ войсками, жандармами и полиціей всюду. Населеніе уже перестало обращать вниманіе на ружейные и револьверные выстрѣлы, прислушиваясь только къ артиллерійской канонадѣ, отъ которой въ ближайшихъ домахъ лопаются стекла. Офицеры передвигаются по городу подъ сильнымъ конвоемъ; одиночныхъ немедленно обезоруживаютъ дружинники, а при сопротивленіи убиваютъ.

Больницы Басманная, Ново-Екатерининская и другія городскія, частныя и тюремныя переполнены ранеными жертвами борьбы, которыхъ насчитывается приблизительно болѣе 2,000 чел. Среди раненыхъ много женщинъ и дѣтей. За недостаткомъ помѣщеній раненыхъ отправляютъ въ глазную и спеціальную женскую больницы.

Вслѣдствіе массовыхъ арестовъ всѣ московскія тюрьмы и арестантскія помѣщенія переполнены. По городу расклеено объявленіе Дубасова, въ которомъ благонамѣреннымъ жителямъ предлагается оказывать содѣйствіе властямъ въ подавленіи мятежа словомъ и дѣломъ. На улицахъ появились хулиганы. И вечеромъ выстрѣлы не утихаютъ до глубокой ночи. Ночью небо охвачено заревомъ пожаровъ. На Щипкѣ, въ Александровской купеческой больницѣ, находилось 25 раненыхъ на баррикадахъ у типографіи Сытина; 5 человѣкъ уже умерло. Изъ разсказовъ рабочихъ Сытина выясняется, что огромное зданіе подожжено не рабочими, а войсками. Пожарные отстаивали только окружающіе типографію дома. Убытки Сытина огромные. Даже типографскіе ученики пытались отстоять помѣщеніе, но тщетно. Сейчасъ горятъ дома на Міусской площади, угрожая распространеніемъ огня на многочисленные здѣсь лѣсные склады, стоющіе милліоны рублей. Пожаръ возникъ отъ дѣйствія артиллеріи. Пожарные не допускаются. Въ раіонѣ Камеръ-Колежскаго Прѣсненскаго Вала настроено много баррикадъ въ 6 рядовъ. На Бронной улицѣ и другихъ мѣстахъ появились баррикады изъ мѣшковъ, насыпанныхъ пескомъ и политыхъ водою Есть баррикады изъ вагоновъ. Проволочныя загражденія тянутся

---

[1]) Слухъ этотъ не подтвердился, но во всякомъ случаѣ имѣлъ свое вліяніе на массы. Печатаю это письмо, какъ отражающее впечатлѣніе и настроеніе того времени. В. К.

до 20 верстъ. Полтавскія бани и аптека Рубановскаго на Садовой улицѣ громились артиллеріей.

VIII.

Злоключеніе съ телефономъ.

Всѣ эти дни — съ 14 декабря мнѣ не давали пользоваться междугороднымъ телефономъ, мотивируя отказъ порчей проводовъ. Сегодня начальникъ телефоновъ объявилъ мнѣ, что послѣдовало распоряженіе адм. Дубасова, запрещающее пользованіе междугороднымъ телефономъ сотрудникамъ газетъ безъ особаго отдѣльнаго на то разрѣшенія генералъ-губернатора.

Дѣлать нечего — ѣду въ канцелярію генералъ-губернатора.

На мой неоднократный звонокъ у дверей канцеляріи появляется какой-то курьеръ.

— Пріема по воскресеньямъ нѣтъ...— не впуская меня въ прихожую, говоритъ онъ.

— Не можетъ быть, чтобы въ такое тревожное время канцелярія генералъ-губернатора была-бы закрыта!— настойчиво заявляю я, — потрудитесь доложить дежурному чиновнику.

Минутъ черезъ пять послѣ томительнаго ожиданія на морозѣ меня впускаютъ, предварительно осмотрѣвъ съ головы до ногъ, нѣтъ ли чего подозрительнаго.

Выходитъ дежурный чиновникъ, которому я и излагаю свою просьбу.

— Позвольте ваши документы,— говоритъ онъ — и я доложу г. управляющему.

Документы вручены, минутъ черезъ 15 возвращается съ доклада чиновникъ.

— Потрудитесь написать прошеніе на имя г. генералъ-губернатора, и тогда послѣдуетъ резолюція.

Тугъ же пишу прошеніе и подаю. Жду, жду, наконецъ, опять появляется чиновникъ.

— Резолюція послѣдуетъ, вѣроятно, завтра,—рѣшительно заявляетъ онъ.

* * *

На слѣдующій день мнѣ объявили резолюцію:

— Г. генералъ-губернаторъ не находитъ возможнымъ разрѣшить вамъ пользованіе междугороднымъ телефономъ!..

IX.

Письмо въ «Молву» отъ 15 декабря.

Митинги.—Слѣды разгромовъ.—Къ пожару типографіи Сытина.—Революція и „отцы города".—Медицинская помощь.—Обстрѣливаніе медицинскаго персонала и перевязочныхъ пунктовъ.—Приказы Дубасова.

Сегодня положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. Орудійная пальба началась только около часу дня и продолжается съ большими перерывами. Артиллерія преимущественно громитъ на улицахъ баррикады. Кое-гдѣ гулко звучатъ выстрѣлы.

Въ общемъ замѣчается сравнительное затишье. Забастовка все еще держится твердо, хотя на нѣкоторыхъ улицахъ магазины раскрылись, не снимая однако ставенъ. Торгуетъ и Охотный рядъ. При рѣдкихъ орудійныхъ раскатахъ торговцы поспѣшно закрываютъ лавки.

Движеніе на улицахъ нѣсколько оживилось. Появились и извозчики.

На окраинахъ собираются многолюдные митинги. Повидимому, обсуждается дальнѣйшій планъ дѣйствій.

Существуетъ слухъ — правда очень гадательный — что революціонная вооруженная борьба завтра же или послѣ завтра прекратится на неопредѣленное время.

Партизанскія стычки съ войсками и полиціей продолжаются, но значительно рѣже предыдущихъ дней.

На многихъ улицахъ держатся еще сильныя баррикады, съ водруженными на нихъ красными флагами, какъ, напримѣръ, на М. Бронной, на М. Дмитровкѣ, на Садовой, въ Гуськовомъ пер. и т. д. Между Бутырской и Тверской заставами — на Долгоруковской, Малой Никитской, 4-й Тверской-Ямской — цѣлый рядъ очень сильныхъ баррикадъ, которыя артиллерія до сихъ поръ не

можетъ разгромить. Домовладѣльцы и квартиранты этой мѣстности покидаютъ свои жилища, перебираясь въ гостиницы и меблированныя комнаты.

Свободныя помѣщенія занимаются боевой дружиною.

Попытки боевой дружины овладѣть Бутырской тюрьмой и освободить политическихъ—отражены войсками.

Въ городѣ всюду слѣды разрушительнаго дѣйствія войскъ. На Тверской цѣлый рядъ домовъ съ разбитыми стеклами, отбитыми

„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". На баррикадѣ.

карнизами, брешами. Окна наскоро забиты коврами, одѣялами, шторами.

Положеніе квартирантовъ отчаянное.

Нефтяные склады все еще въ рукахъ забастовщиковъ, и во многихъ домахъ за отсутствіемъ отопленія жильцы сидятъ у себя въ квартирахъ въ шубахъ.

Ощущается сильный недостатокъ съѣстныхъ и колоніальныхъ припасовъ.

На Нижегородской и Курской желѣзныхъ дорогахъ продолжается грабежъ товарныхъ складовъ.

На Міусской цѣлыя улицы съ изуродованными артиллеріей домами. Несчастное населеніе въ паническомъ ужасѣ металось по кварталу. Женщины теряли своихъ дѣтей. Очень много раненыхъ и убитыхъ. На Міусской же у Пыховскаго проѣзда тлѣетъ огромное пожарище—догораетъ домъ Громова, подожженый вчера артиллеріей. Сосѣдніе огромные лѣсные склады Аристова и другихъ какимъ то чудомъ уцѣлѣли.

Въ редакціи «Русск. Слова» большая часть оконныхъ стеколъ пробита пулями. Въ участкѣ редакціонному дворнику сообщили, что сегодня ожидается разгромъ редакціи будто бы со стороны черносотенниковъ.

Офицерскіе и нижніе чины 2-го Арбатскаго полицейскаго участка переѣхали сегодня въ частный домъ изъ боязни нападенія боевой дружины.

Вчера на полицейскій участокъ въ Оружейномъ переулкѣ напали дружинники. Въ перестрѣлкѣ ранены околоточный и городовой.

Вчера же подъ вечеръ къ Николаевскому вокзалу нахлынули газетчики за вечерними газетами. Драгуны дали залпъ. Нѣсколько газетчиковъ ранено и убито.

Въ 4-хъ верстахъ отъ Москвы на Нижегородской дорогѣ рабочіе остановили поѣздъ съ пулеметами.

Поѣздъ безъ машиниста направили въ тупикъ, гдѣ платформа съ пулеметами свалилась подъ откосъ и разбилась.

По поводу пожара типографіи И. Д. Сытина сотрудникъ «Русск. Слова» г. Боіовичъ проситъ меня сообщить: 1) въ огнѣ никто не погибъ, 2) типографію сожгли безусловно войска, а не рабочіе и 3) ранены рабочіе не въ типографіи, а на улицѣ.

Сегодня въ 5 час. вечера назначенъ совѣтъ у генералъ-губернатора съ представителями отъ города. На засѣданіи думы назначены депутатами гг. Геннертъ и Перепелкинъ.

На сегодняшнемъ засѣданіи думы по поводу происходящихъ событій постановлено: „признать, что событія, имѣвшія мѣсто въ Москвѣ, за послѣдніе дни нашли себѣ, къ сожалѣнію, благопріятную почву въ отсутствіи законовъ, регулирующихъ свободы, возвѣщенныя манифестомъ 17 октября, и въ чувствѣ недоброжелательности и недовѣрія къ дѣйствіямъ правительства, каковое создано въ населеніи замедленіемъ выполненій обѣщаній, возвѣщенныхъ пра-

вительствомъ. Дума выражаетъ твердую увѣренность, что эти событія не задержатъ и не помѣшаютъ проведенію либеральныхъ реформъ, которыя однѣ въ состояніи вывести страну на путь мирнаго развитія".

Оживленныя пренія между гласными вызвало предложеніе организовать городскую милицію. Рѣшеніе вопроса отложено до завтра.

Городской голова Н. И. Гучковъ сообщилъ, что генералъ-губернатору разрѣшено увеличить штаты полиціи на 1000 человѣкъ, и что сегодня въ Москву прибываетъ артиллерія и одинъ полкъ гвардейской пѣхоты. Близко къ Москвѣ подошелъ и еще одинъ пѣхотный полкъ, но застрялъ вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки.

Среди гласныхъ слышались громкіе протесты противъ уже организуемой, при посредствѣ полицейскихъ участковъ, милиціи. Пристава приступили къ поборамъ на эту милицію съ домовладѣльцевъ и квартирантовъ.

Ярымъ сторонникомъ подобной дружины выступилъ гласный г. Шмаковъ.

Но по характеристикѣ возражавшаго ему гласнаго М. В. Челнокова—такая организація является, какъ слѣдствіе потери всякаго самообладанія, и носитъ черносотенный характеръ.

— Въ Хамовническомъ участкѣ, — разсказываетъ гласный — одинъ изъ такихъ милиціонеровъ, здоровенный дѣтина въ полушубкѣ, вооруженный винтовкой и револьверомъ, остановилъ на улицѣ мирно проходившую барышню съ грубыми ругательствами, закричавъ: „Вотъ они интеллигенты-то эти самые!..."

Къ счастью, кто-то выручилъ барышню отъ своеобразнаго защитника мирныхъ гражданъ.

Милиція отъ города и милиція отъ полиціи — конечно двѣ діаметрально противуположныя вещи. Но намъ усердно подсовываютъ идущее отъ участковыхъ приставовъ, а все идущее отъ города почитается „крамолой". До сихъ поръ!

Въ медицинскомъ персоналѣ, работающемъ въ эти страшные кровавые дни не покладая рукъ, большія сѣтованія на администрацію, допустившую стрѣльбу по «Красному Кресту» (Богъ мой, какъ мы шумѣли, когда въ началѣ войны это продѣлали японцы!).

Не говоря уже о частныхъ организаціяхъ врачебной помощи, напримѣръ, со стороны революціонеровъ, власти съ большимъ по-

дозрѣніемъ относились и къ дѣятельности «общественнаго» центральнаго комитета при бюро всероссійскаго медицинскаго союза.

Союзомъ было организовано до 24 летучихъ санитарныхъ отрядовъ.

На мѣста стычекъ и сраженій высылаются санитары-развѣдчики, вызывающіе затѣмъ остальной персоналъ.

На М. Бронной въ домѣ Романова перевязочный пунктъ былъ обстрѣлянъ артиллеріей и ружейными залпами. Ранено 5 санитаровъ.

У Бутырской тюрьмы администрація предложила убрать перевязочный пунктъ, грозя въ противномъ случаѣ артиллеріей.

Вчера по неизвѣстному поводу полиція арестовала весь врачебный персоналъ перевязочнаго пункта при лечебницѣ ремесленниковъ. Арестованъ военный врачъ Абрамовъ и фельдшерицы Маіорова и Яшнова.

Тѣмъ не менѣе организація союза оказала помощь 650 раненымъ и зарегистровала до 200 убитыхъ.

Городскія и полицейскія больницы, пункты и околотки были совершенно переполнены и запрещеніе адм. Дубасова частнымъ организаціямъ оказывать раненымъ помощь идетъ противъ самой первоначальной человѣчности.

А разстрѣлъ неприкосновенныхъ работниковъ гуманной идеи «Креста» навсегда налагаетъ позорное темное пятно на репутацію руководящихъ администраторовъ!..

Въ вышесказанное число не входятъ раненые и убитые, убранные въ лазареты при тюрьмахъ, въ полицейскіе дома, въ военныя больницы... и т. д. Принимая во вниманіе многочисленныя частныя больницы и временные амбулаторные пункты, количество жертвъ несомнѣнно слѣдуетъ считать болѣе, чѣмъ вдвое противъ цифры 850.

Раненый Фидлеръ содержится въ Бутырской тюрьмѣ.

Продолжаются многочисленные аресты.

На Николаевскій вокзалъ доступъ разрѣшенъ только при предъявленіи пассажирскихъ билетовъ.

Генералъ-губернаторъ запретилъ жителямъ Москвы послѣ 6 час. вечера выходить на улицу подъ страхомъ обыска, а за появленіе на улицѣ послѣ 9 час. вечера—грозитъ заключеніемъ въ тюрьмѣ или крѣпости до 3 мѣсяцевъ.

Воспрещены также всякія народныя, общественныя и частныя собранія за исключеніемъ засѣданій правительственныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденій.

X.

Письмо въ „Молву“ отъ 16 декабря.

Сегóдня рѣзкій поворотъ къ затишью. Выстрѣлы почти замолкли. Какъ слышно, на многолюдныхъ митингахъ большинство высказалось за пріостановку борьбы до ранней весны. Только со стороны Прѣсни доносится грохотъ отдаленной, кажется, ружейной канонады.

Эта ужасная десятидневная бойня недешево обошлась москвичамъ. Всѣ больницы переполнены. Выясняется, что больше всего пострадали случайные и любопытные изъ публики. Очень много раненыхъ женщинъ и дѣтей. Дружинники, благодаря партизанской системѣ и дѣйствіямъ изъ засадъ, понесли сравнительно небольшой уронъ. Потерпѣли и войска. Въ военномъ госпиталѣ находится 15 раненыхъ нижнихъ чиновъ разнаго рода оружія и зарегистровано 4 убитыхъ.

Точное количество жертвъ опредѣлить невозможно.

Центральнымъ комитетомъ при всероссійскомъ медицинскомъ союзѣ зарегистровано 850 жертвъ, изъ коихъ до 200 убитыхъ. Въ это число вошли раненые, помѣщенные въ городскія больницы, но не входятъ цифры ни полицейскихъ частей, ни военныхъ, ни тюремныхъ, ни частныхъ пунктовъ и лечебницъ. Много было секретныхъ медицинскихъ организацій помощи. Во всякомъ случаѣ количество жертвъ болѣе 2,000.

Много убитыхъ и раненыхъ полицейскихъ и жандармовъ. Убитъ начальникъ сыскного отдѣленія Войлошниковъ, помощникъ пристава Сахаровъ и нѣсколько околоточныхъ.

Матеріальные убытки населенія огромны. Одинъ Сытинъ потерялъ около милліона. Есть цѣлые кварталы съ полуразрушен-

ными домами. Въ общемъ, убытки населенія отъ разрушительнаго дѣйствія войскъ огнемъ и мечемъ выразятся въ нѣсколькихъ милліонахъ рублей. Убытки города и казны доходятъ до колоссальныхъ размѣровъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидается отмѣна чрезвычайныхъ мѣръ. Среди усмиряющихъ войскъ замѣчается разнузданность, не мало и пьяныхъ.

Вчера противъ зданія думы, днемъ, драгунъ, повидимому пьяный, безъ всякой причины произвелъ выстрѣлъ изъ винтовки. Этого „усмирителя“ при содѣйствіи офицера едва удалили на думскій дворъ.

Чуть ли не диктаторская власть, данная каждому дикому солдату, порождаетъ не мало случаевъ жестокаго произвола.

На углу 4-й Ямской и Лѣсной ул., около трактира Пустошкина, днемъ проходилъ какой-то господинъ. Стоявшій невдалекѣ солдатъ совершенно неожиданно выстрѣлилъ, уложивъ незнакомца на мѣстѣ.

Въ Москвѣ дѣйствуютъ л.-гв. Семеновскій полкъ и л.-гв. артиллерійская бригада.

Сегодня открылись банки, биржа, конторы магазины. Вышелъ „Русскій Листокъ“, а завтра вѣроятно выйдутъ и другія многія газеты, такъ какъ адм. Дубасовъ объявилъ, что тѣ газеты, которыя не выйдутъ завтра—будутъ запрещены на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ.

XI.

Письмо въ „Молву“ отъ 17 декабря.

Вчера и сегодня до сихъ поръ не удавалось соединиться по телефону, провода котораго неоднократно прерываютъ около Твери.

Изъ Твери сообщаютъ о грандіозныхъ волненіяхъ. Тверскіе драгуны дѣйствуютъ въ Москвѣ, а туда вызваны войска изъ Петербурга.

Зѣсь въ центрѣ и прилегающихъ улицахъ спокойно. Жизнь медленно начинаетъ входить въ свою колею. Подготавливаютъ движеніе конки, открылись магазины, банки, конторы. Вышли „Русск. Лист.“ и „Моск. Вѣд.“. Появилось электричество. Но грохотъ

орудій со стороны Прѣсни, грозный приказъ Дубасова, запрещающій выходить на улицу послѣ 6 час. вечера, всюду расположенные военные посты, городовые съ револьверами наготовѣ въ рукахъ—ни на минуту не даютъ позабыть, что далеко еще не все кончено.

На Прѣснѣ сегодня съ 7 час. утра началось артиллерійское дѣло. Артиллерія громитъ Прохоровскую фабрику и заводъ Шмидта, гдѣ сосредоточено будто-бы около 10 тысячъ рабочихъ и часть боевой дружины. Войска—пѣхота, артиллерія и кавалерія—окружили Прѣсненскій раіонъ. Вчера производился только ружейный огонь, такъ какъ артиллеріи мѣшали подойти баррикады, сегодня сбитыя. Съ 7 час. утра и до 5 час. веч. не прекращался артиллерійскій огонь. Возникъ цѣлый рядъ пожаровъ. Вся Прѣсня и часть Грузинъ объяты огнемъ и черными дымными тучами. Изъ домовъ выбѣгаютъ обезумѣвшіе старики, женщины, дѣти и попадаютъ подъ разстрѣлъ пѣхоты, а главнымъ образомъ драгунъ. Тотъ ужасъ, то людское горе, очевидцемъ котораго я былъ сегодня, не поддаются описанію. Ужасы манчжурской бойни блѣднѣютъ передъ этой кровавой расправой. Говорятъ, что рабочіе и дружины готовы были сдать оружіе, но съ тѣмъ, чтобы власти гарантировали имъ неприкосновенность личности. Городская дума хлопотала объ этомъ у генералъ-губернатора, но повидимому тщетно. Безпощадный, безжалостный разстрѣлъ продолжается!..

Между тѣмъ вчера исполнительный комитетъ рабочихъ депутатовъ единогласно, за исключеніемъ двухъ воздержавшихся голосовъ, постановилъ было продолжать борьбу, но собравшійся затѣмъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ рѣшилъ: признать возстаніе удавшимся и вслѣдствіе чрезмѣрнаго утомленія дружинъ и другихъ тактическихъ соображеній временно прекратить дѣйствія.

А на Прѣснѣ все еще продолжается бой. Льется братская кровь, гибнутъ люди и не слышно властнаго гуманнаго голоса, возгласившаго бы: Довольно крови!

Въ Прѣсненскомъ раіонѣ самоотверженно работаетъ одинъ изъ санитарныхъ отрядовъ организаціи центральнаго комитета при медицинскомъ всероссійскомъ союзѣ.

Высокой признательности заслуживаютъ эти дѣятели, страдающіе не только отъ огня, но и отъ совершенно непостижимыхъ гоненій администраціи.

XII.

Прѣсненскій разгромъ.

Администрація, наконецъ, предложила вооруженнымъ рабочимъ сдать оружіе въ конторы своихъ фабрикъ и заводовъ, обѣщая при этомъ полную неприкосновенность личности.

„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". На Прѣснѣ.

На многихъ фабрикахъ и домахъ вчера же около 4 час. дня рабочіе выкинули бѣлые флаги. Артиллерійскій огонь почти прекратился, но ружейный разстрѣлъ продолжается еще и сегодня, 18 декабря.

Между тѣмъ, по разсказамъ очевидцевъ, которымъ удалось вырваться изъ оцѣпленнаго войсками Прѣсненскаго раіона, рабо-

чихъ тамъ совсѣмъ немного. Разсказы объ окруженныхъ десяти тысячъ рабочихъ неправдоподобны, такъ какъ большая часть рабочихъ и дружины успѣли покинуть раіонъ. Такимъ образомъ, ужасный артиллерійскій и ружейный обстрѣлъ поражалъ преимущественно мирное населеніе.

Вчера дѣло происходило такъ: артиллерія, расположенная у Ваганьковскаго кладбища, съ Москвы рѣки и у Зоологическаго сада весь день громила Прѣсню. Войска, повидимому, стремились выбить дружинниковъ изъ домовъ, сосредоточивъ ихъ гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ для захвата.

„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". На Прѣснѣ.

Изъ какого-то дома на Нижне-Прудовой улицѣ дружинники отвѣчали войскамъ револьвернымъ и ружейнымъ огнемъ. Артиллерія открыла бѣглый огонь. Учащенная канонада длилась около 6 часовъ и затѣмъ продолжалась еще болѣе часа съ небольшими перерывами. Прѣсню засыпали гранатами и шрапнелью. Къ полудню запылалъ цѣлый рядъ пожаровъ. Окрестность окуталась густыми черными клубами дыма.

«Усмиреніе» приняло характеръ страшной кровавой бойни.

Пламя, тучи дыма, грохотъ пушекъ, оглушительные разрывы снарядовъ, ружейные залпы, вопли и крики несчастнаго населенія—вотъ общій фонъ вчерашней ужасной батальной картины.

Уже съ Кудринской площади драгуны и пѣхота стрѣляли по всѣмъ направленіямъ. Тутъ же были и только что прибывшіе семеновцы.

На кривыхъ улицахъ и переулкахъ въ паническомъ ужасѣ суетились люди, тщетно стремящіеся укрыться отъ пуль.

Я хотѣлъ проникнуть поближе къ Прохоровской мануфактурѣ, около которой кипѣлъ самый ожесточенный бой или лучше сказать бойня... Но мнѣ удалось пробраться только въ ближайшіе за Кудринской площадью переулки и улицы. Дальше я всюду натыкался на заставы и часовыхъ.

Но и то, что мнѣ пришлось увидѣть, было ужасно. Изъ пылавшихъ домовъ выбѣгали мирные жители. Нѣкоторые изъ ютящейся здѣсь бѣдноты пытались спасти свой домашній скарбъ, иные совершенно потерявшіе разсудокъ отъ ужаса оглашали воздухъ воплями и съ проклятьями бросались въ сторону войскъ подъ пули. Многихъ, спасшихся отъ пожара и гранатъ, на улицѣ поджидали шальныя пули, не разбирающія своихъ жертвъ.

Количество жертвъ по приблизительному подсчету болѣе 300. Пострадали, какъ всегда, преимущественно мирные жители—случайныя, невольныя жертвы...

Неизвѣстно число жертвъ, погибшихъ въ огнѣ и подъ развалинами домовъ.

Войска также понесли порядочный уронъ. У семеновцевъ убитъ офицеръ Мартьяновъ, и ранено 9 нижнихъ чиновъ. Въ общемъ въ дѣлѣ на Прѣснѣ войска потеряли болѣе 50 человѣкъ.

Дружинники и рабочіе—по отзывамъ очевидцевъ—понесли сравнительно съ такимъ сильнымъ огнемъ небольшія потери, искусно пользуясь прикрытіями и иногда спасаясь бѣгствомъ.

Все же крови пролито не мало.

Убытки частныхъ лицъ отъ огня исчисляются свыше 10 милліоновъ рублей!

Положеніе безпріютныхъ, обездоленныхъ прѣсненскихъ обывателей ужасное.

Сегодня центральный комитетъ при всероссійскомъ союзѣ приготовилъ на Садовой ул. домъ для пріюта несчастныхъ погорѣльцевъ.

„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". На Прѣснѣ.

* * *

Сегодня я вторично попытался проникнуть въ Прѣсненскій раіонъ, но тщетно. Прѣсня попрежнему оцѣплена войсками.

Все еще тамъ происходятъ отдѣльныя столкновенія. До сихъ поръ почти не умолкаетъ ружейный огонь.

Когда я, въ числѣ многихъ лицъ, желающихъ пройти на Прѣсню, шелъ по Кудринской ул.—солдаты открыли по насъ ружейный огонь. Пришлось спасаться бѣгствомъ, такъ какъ разстояніе между нами и цѣпью солдатъ было очень небольшое.

Изъ оцѣпленнаго раіона то и дѣло выбѣгаютъ вырвавшіеся изъ царства ужаса и смерти люди.

„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". Остатки фабрики Шмидта.

*
* *

Всю ночь надъ Прѣсней пылало кровавое зарево.

Несдерживаемый никакими попытками къ локализаціи (да и до того ли было въ этомъ кромѣшномъ аду), огонь опустошилъ здѣсь цѣлые кварталы.

Выгорѣли, частью полуразрушены фабрики Мамонтова, Шмидта, Прохоровская, сгорѣли нѣкоторыя постройки Зоологическаго сада, Прѣсненскія бани, дома Бабурина, Купчинской, зданіе промышленной школы, сильно разгромлено студенческое общежитіе и выгорѣлъ

еще цѣлый рядъ — нѣсколько десятковъ — домовъ по Большой и Средней Преснѣ, по Кудринской и другимъ прилегающимъ улицамъ

Не мало жертвъ погибло отъ артиллерійскаго и ружейнаго

„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". Сдача рабочихъ Прохоровской фабрики.

огня. Много народу погибло и подъ развалинами рухнувшихъ зданій...

Очевидцы свидѣтельствуютъ о чрезвычайномъ мужествѣ и упорствѣ дружинниковъ, засѣвшихъ на фабрикѣ Шмидта. Огромнымъ

костромъ запылала фабрика, осыпаемая градомъ пуль и гранатъ. Раздались взрывы. Крыши, потолки и полы фабрики рушились внизъ, увеличивая адскій трескъ... А на огненныхъ развалинахъ въ послѣдній моментъ появлялись люди, отважные, безгранично преданные своей идеѣ, люди... Они стрѣляли, посылая свои послѣднія пули, и гибли подъ обломками въ огнѣ ..

Картину ужаса усиливали мирные жители, не успѣвшіе вслѣдствіе запоздалаго предупрежденія очистить осажденный раіонъ.

Сколько тутъ было слезъ, безумныхъ воплей, ужасныхъ трагедій...

Наконецъ, вчера подъ вечеръ бой затихъ. На Прохоровской фабрикѣ дружинники выкинули бѣлый флагъ. Вскорѣ появились такіе же флаги и на другихъ зданіяхъ. Дружины складывали въ груды оружіе и удалялись, хотя болѣе 200 человѣкъ арестовано (не дружинниковъ, а рабочихъ).

Кровавый бой затихъ.

Всю ночь и еще утромъ сегодня собирали и развозили по покойницкимъ полицейскихъ частей трупы. Сколько ихъ?.. Народная молва называетъ ужасныя цифры, а мы, журналисты, представители гласности, лишены возможности освѣтить вопросъ. Власти облекли это таинственностью, не допуская въ покойницкія для осмотра съ цѣлью опознанія труповъ. Говорятъ, что не мало покойниковъ уплыло подъ ледъ Москвы-рѣки, часть труповъ успѣли похоронить въ общихъ обширныхъ могилахъ, а десятки, быть можетъ и сотни, жертвъ отправлены въ вагонахъ по желѣзнымъ дорогамъ за городъ...

Бой затихъ...

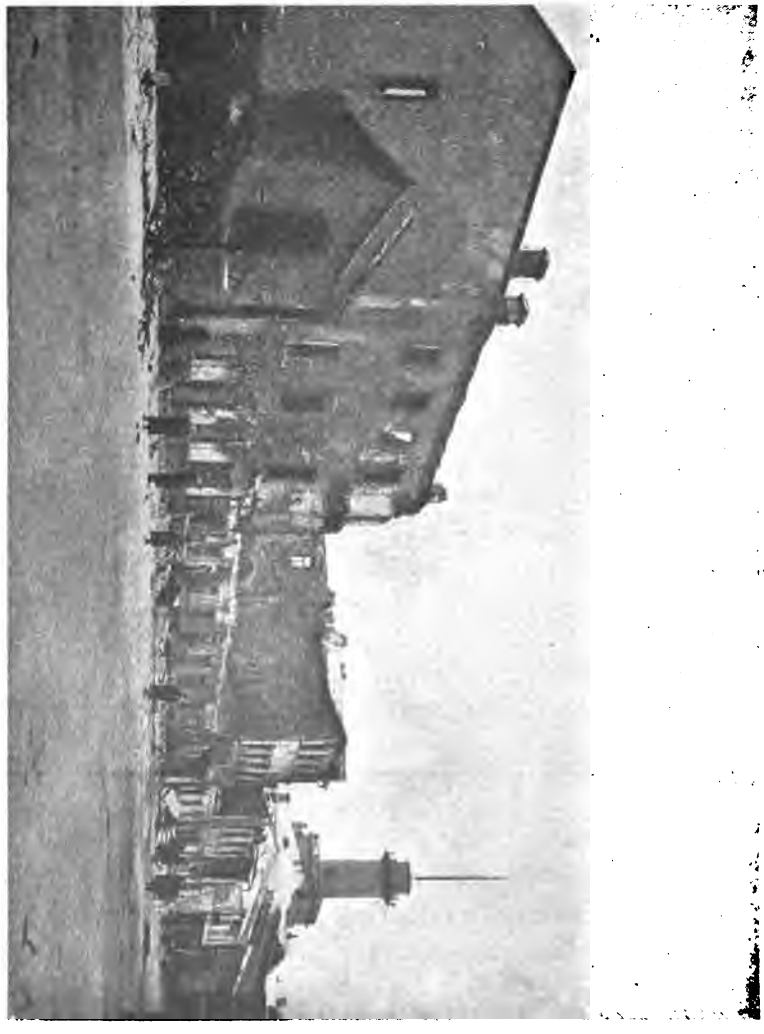
Ну, а гдѣ же побѣжденные и побѣдители?..

Ихъ нѣтъ.

Переполнены больницы и тюрьмы, десятки тысячъ рабочихъ, истерзанныхъ, обездоленныхъ, безработныхъ, выкинуты на улицу. Тысячи обездоленныхъ гражданъ обречены справлять кровавый сочельникъ...

Бѣлые флаги, флаги побѣжденныхъ, свѣсились съ развалинъ полуразрушенныхъ кварталовъ... Но развѣ это побѣжденные?.. Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Не побѣжденные, не успокоенные, а есть только истерзанные, придавленные желѣзнымъ гнетомъ, изнуренные непосильной борьбой люди...

А побѣдители? Мы не будемъ говорить о войскахъ, исполнявшихъ свой печальный, тяжелый, мучительный долгъ... Они творили волю пославшаго ихъ. Но гдѣ же побѣдители? Найдутся ли



„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". На Пресняхъ.

они? Посмѣютъ ли они отпраздновать свою кровавую побѣду?.. Неужели вся сила власти въ артиллеріи, штыкахъ и... нагайкѣ?..

Еще такъ недавно маленькая Японія доказала намъ, что и эту силу можно побѣдить.

Довольно крови!

Вспомните же не о «чрезвычайныхъ» мѣрахъ, не о разстрѣлахъ и кровавыхъ подавленіяхъ, а о гуманныхъ, необходимыхъ, неотложныхъ реформахъ!..

Сегодня я объѣхалъ весь разгромленный Прѣсненскій раіонъ.

Еще дымятся развалины выгорѣвшихъ домовъ, разбитыя и и пробитыя стекла въ уцѣлѣвшихъ зданіяхъ, пробитыя гранатами

„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". На Прѣснѣ.

бреши въ стѣнахъ, всюду слѣды пуль, словомъ—страшный хаосъ, напоминающій историческіе погромы татарскихъ нашествій...

Трескучій морозъ.

На развалинахъ копошатся окоченѣлые полуодѣтые люди, разыскивающіе остатки своего скуднаго домашняго скарба...

Цѣлыя вереницы ручныхъ саней и извозчичьихъ розвальней тянутся изъ Прѣсни съ безпріютными, разоренными жителями и остатками ихъ имущества.

Городская дума озаботилась предоставить несчастнымъ погорѣльцамъ нѣсколько домовъ для пріюта. Но этого всего мало.

Нужна, немедленно нужна, самая широкая общественная помощь для несчастныхъ, пострадавшихъ въ эти кровавые декабрьскіе дни...

Если бы вы только видѣли, какое здѣсь горе, какая нужда, сколько нищеты и страданій!

* * *

20 декабря.

Сегодня затишье.

И на Прѣснѣ и въ Грузинахъ выстрѣлы замолкли. Надъ полуразрушенными фабричными зданіями все еще виднѣются бѣлые флаги. У всѣхъ жителей Прѣсни на рукахъ красуются бѣлыя повязки, одѣтыя по требованію военнаго начальства въ знакъ лояльности.

Большой городской манежъ оцѣпленъ войсками, тамъ, какъ говорятъ, сосредоточено болѣе тысячи лицъ, арестованныхъ по обвиненію въ принадлежности къ революціонерамъ. Здѣсь собраны рабочіе, студенты, курсистки, лица различныхъ либеральныхъ профессій и друг. Участь арестованныхъ никому неизвѣстна.

Повальные обыски и аресты продолжаются съ усиленной энергіей.

Въ городѣ постепенно приступаютъ къ занятіямъ всѣ учрежденія. Желѣзнодорожныя правленія отказались уплатить служащимъ жалованье за время забастовки, напримѣръ, на Кіево-Воронежской дорогѣ.

До сихъ поръ продолжающіеся на улицѣ обыски совершенно изводятъ мирныхъ гражданъ. Теперь не только что оружіе, но жители опасаются брать съ собой бумажники и кошельки, ибо за свидѣтельствованъ цѣлый рядъ хищеній при «вечернихъ обыскахъ».

* * *

Я навожу свой «кодакъ» на одно изъ разрушенныхъ артиллеріей и пожаромъ еще тлѣющее зданіе.

Смотрю — въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ меня появляется пѣхотинецъ съ ружьемъ «на прицѣлъ».

Очевидно—мишень это я!..

Собравъ все присутствіе духа, энергично кричу:

— Что ты, любезный!.. Ошалѣлъ что ли? Стрѣлять вздумалъ... или фотографіи никогда не видывалъ?..

Ружье медленно опускается и слышится отвѣтъ, сконфуженно улыбающагося воина:

— Такъ што ничего!.. Снимайте... Мы думали што либо што—такъ оно попужать!..

„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". На Прѣснѣ.

Солдать пріосанивается, повидимому, желая самъ попасть на снимокъ.

Уже спокойно щелкаю затворомъ и снимокъ готовъ.

Но мои злоключенія этимъ еще не закончились.

Дѣлаю нѣсколько шаговъ впередъ по улицѣ.

— Стой! Руки вверхъ!..

Карманы мои обшариваютъ драгуны.

— А попался, голубчикъ!—торжествующимъ тономъ говоритъ одинъ изъ нихъ и вытаскиваетъ изъ моего кармана «кодакъ».

— Это что за штукенція?.. А?..

— Аппаратъ,— отвѣчаю я,— обыкновенный фотографическій аппаратъ!

— Аппаратъ?.. Пойдемъ, братъ, въ часть: тамъ разберутъ... Покорно двигаюсь за солдатомъ къ Прѣсненской части.

„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". На Прѣсняхъ.

Входимъ во дворъ части. Здѣсь толпятся городовые, пожарные, солдаты. То и дѣло—появляются подъ конвоемъ арестованные, у нѣкоторыхъ страшно истерзанный видъ, лица окровавленныя. При мнѣ же во дворъ вкатились широкія сани-розвальни съ

какимъ-то грузомъ, прикрытымъ грязными окровавленными рогожами. Вглядываюсь и съ ужасомъ замѣчаю торчащія изъ подъ рогожъ безжизненныя руки и ноги, много рукъ и ногъ...

О, ужасъ!.. Это трупы, подобранные на улицахъ!.

Изъ какого-то помѣщенія появляется полицейскій чиновникъ съ узенькими классными погонами.

— Это кто?—первымъ долгомъ спрашиваетъ онъ сопровождающаго меня драгуна...

— Такъ што, ваше б-діе, съ аппаратомъ задержалъ...

— Кто вы такой? Ваши документы?..— отрывисто говоритъ мнѣ чиновникъ, внимательно разглядывая аппаратъ.

Я представляю свой паспортъ и удостовѣреніе редакціи.

Прочитавъ «удостовѣреніе», полицейскій неожиданно возвращаетъ мнѣ аппаратъ и быстро и рѣшительно говоритъ:

— Уходите! Немедленно уходите! Много васъ тутъ ходитъ, пока не нарветесь!..

Скажу откровенно, обрадованный такимъ оборотомъ дѣла, а главное—сохранностью снимковъ и аппарата, я не заставилъ себя долго просить...

* * *

Гг. усмирители проявляли свою антипатію не только къ представителямъ печати, но и къ художникамъ.

Г. П. сообщилъ эпизодъ съ художникомъ.

На Прѣснѣ противъ одного изъ разрушенныхъ зданій расположился художникъ и принялся набрасывать эскизъ. Къ нему подходитъ пѣхотный офицеръ (къ сожалѣнію, художникъ не умѣлъ опредѣлить форму полка):

— Послушайте, вы что это здѣсь дѣлаете?..

— Рисую, какъ видите.

— Зачѣмъ же это?..

— Да меня это интересуетъ, какъ сюжетъ.

— Интересуетъ?.. Ну, а раньше до разгрома вы не интересовались вѣдь Прѣсней?..

— Да, раньше не интересовался,— спокойно отвѣчаетъ художникъ.

— Ну, такъ вотъ что, любезный,— грубымъ тономъ произнесъ офицеръ,—изволь убираться къ чорту, пока по шеѣ не на-

клали. Иди въ Кремль—тамъ много найдется интересныхъ сюжетовъ для рисованія, а отсюда проваливай!

Сопротивляться было бы безполезно и опасно, и художнику пришлось удалиться, не закончивъ эскиза.

XIII.

Пытки и разстрѣляніе арестованныхъ на Прѣснѣ.

(Изъ показаній арестованнаго).

Для полноты характеристики Прѣсненскихъ ужасовъ позволю себѣ привести извлеченія изъ «показанія» г. Москвича, помѣщеннаго въ № 8 (за 1906 г.) «Молвы».

Достовѣрность источниковъ «показанія» по порученію редакціи «Молвы» провѣрялъ именно я и получилъ полное поручительство за достовѣрность изложеннаго.

Вотъ начало этого ужаснаго правдиваго повѣствованія:

Показаніе.

«Безъ всякой причины я былъ арестованъ и избитъ солдатами Семеновскаго полка въ воскресенье 18 декабря, въ 10 — 11 час. утра, когда проходилъ съ Кудринской площади на Кудринскую улицу. Отвели меня къ Горбатому мосту въ какую-то рамочно-багетную фабрику (кажется Брея) и все время, когда вели, казаки, городовые и солдаты били нагайками; нѣсколько разъ отъ ударовъ въ затылокъ я летѣлъ кубаремъ. Все это дѣлалось на глазахъ у проходившей и проѣзжавшей публики.

Въ этомъ пунктѣ за воскресенье были слѣдующіе арестованные: 1) студентъ Моисеевъ. Брата его разстрѣляли (какъ ему сообщилъ офицеръ) за день до того. Онъ самъ добровольно явился въ этотъ пунктъ, такъ какъ обѣщалъ это хозяйкѣ квартиры (или дома), въ противномъ случаѣ долженъ былъ быть разстрѣлянъ ея домъ; 2) какой-то вольноопредѣляющійся Перновскаго полка въ статскомъ; 3) Филаретовъ — депутатъ съ фабрики Щербакова;

4) двое какихъ-то студентовъ (братья); 5) какой-то еврей, зубной врачъ, служившій источникомъ безконечныхъ надругательствъ и осыпавшійся бранью за еврейское происхожденіе; 6) нѣсколько рабочихъ. Двое изъ числа арестованныхъ, состоящихъ на государственной службѣ, были отпущены къ вечеру».

Далѣе слѣдуетъ описаніе, какъ полицейскіе глумились надъ арестованными, и затѣмъ ужасная картина дикой безчеловѣчной расправы:

„Декабр. кровав. дни въ Москвѣ". Арестъ дружинниковъ.

«Голодные (пищи намъ не давали), на сильномъ холодѣ (въ неотопленной конторѣ фабрики) мы размѣстились на полу. Въ 4 часа утра насъ разбудилъ рѣзкій окликъ офицера: «ну, вставай! Моисеевъ, пожалуйте». Изъ оконъ видно, какъ промелькнули тѣни: офицера, Моисеева, а за нимъ солдата. Проходитъ $^1/_2$—1 минута. Раздается тутъ-же гдѣ-то совсѣмъ близко залпъ изъ нѣсколькихъ ружей. Черезъ минуту офицеръ снова возвращается. «Филаретовъ (при немъ ничего не нашли), пожалуйте»! И снова черезъ минуту залпъ. Снова возвращается офицеръ. «Стройся всѣ! Выходи на улицу всѣ вмѣстѣ». Мы переживали ужасныя минуты. Мелькала у всѣхъ насъ мысль, что насъ разстрѣляютъ всѣхъ вмѣстѣ. На улицѣ

насъ окружили конвоемъ. Картина была ужасная. Кругомъ войска, солдаты, пушки, горящіе дома и абсолютная тишина Рѣзко раздается голосъ офицера. «Казакъ съ нагайкой, сюда! Вольноопредѣляющійся! Скидывай брюки»! И вотъ онъ лежитъ на снѣгу при трескучемъ морозѣ. Солдатъ прикладомъ держитъ голову, а казакъ сѣчетъ, сѣчетъ .. Мы въ ожиданіи нашей очереди. Но чаша сія насъ миновала»...

Но злоключеніе автора «показанія» далеко еше не закончилось:

«Насъ переписали и повели въ камеру. Чтобы пройти въ помѣщеніе для камеръ, нужно пройти дворъ. Насъ буквально провели сквозь строй, и когда мы проходили, насъ лупили, чѣмъ попало. Когда мы сбѣгали съ крылечка, тамъ стояли съ дубинками, и ими прогуливались по нашимъ головамъ и спинамъ. Когда мы сбѣжали внизъ, внизу стояли солдаты со штыками и не пускали насъ бѣжать. Въ такомъ кругу мы простояли нѣсколько минутъ.

Укрыться отъ ударовъ было некуда. Затѣмъ насъ нарочито (это было совсѣмъ не нужно) повели въ помѣщеніе солдатъ, дежурившихъ въ этой части, и тамъ насъ опять избили. Затѣмъ еще одинъ коридоръ, еще одно крылечко съ препятствіями и мы, наконецъ, въ новомъ вѣдомствѣ — полиціи. «Теперь васъ бить не будутъ», утѣшалъ насъ городовой. Насъ ввели въ камеру, въ которой были уже арестованные; такимъ образомъ, насъ собралось 17 человѣкъ въ камерѣ величиной въ 3 шага длины и 5 шаговъ ширины. Всѣ улечься мы не могли. Одна половина стояла или сидѣла на полу, а другая, тѣсно сомкнувшись, лежала на нарахъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ камерахъ не было парашекъ и къ намъ водили людей изъ этихъ камеръ для отправленіи своихъ нуждъ. Къ сожалѣнію и спать не было возможности изъ-за клоповъ, кишмя наполнявшихъ камеру. Камера напоминала собой больничный лазаретъ. Всѣ съ повязанными головами, щеками, свернутыми челюстями, съ колоссальнѣйшими синяками. Многіе до того были избиты, что не могли ни сидѣть, ни лежать. Одного наборщика изъ типографіи Сытина 2 казака били въ грудь. Поставили его къ стѣнкѣ и били локтями. Онъ тамъ же началъ харкать кровью. Одного помощника фармацевта избили до полусмерти».

Черезъ два дня заключенныхъ перевели на Прохоровскую фабрику. Здѣсь собралось человѣкъ около 150 задержанныхъ и начался разборъ:

«Начался допросъ. Его производилъ въ одной группѣ вышеупомянутый офицеръ, въ другой сначала какой-то полковникъ, а потомъ какой-то офицеръ, нетрезвый, съ бѣлымъ крестомъ на груди. Всѣхъ арестованныхъ распредѣлили на 3 группы: 1) комната налѣво — смерть, 2) направо — неопредѣленное, 3) группа, предназначенная для сѣченія. Освобождались только тѣ, которые свою голову выкупали указаніемъ 2—3 другихъ. Тутъ же можно было наблюдать ужасающія сцены: молоденькій студентикъ инженернаго училища — Алексѣй Григорьевъ, [1]) лѣтъ 19, попалъ безъ всякихъ причинъ. Шелъ съ отцомъ мимо Пресненскаго участка. Его задержали, отца не арестовали. Изъ разговора съ нимъ я вынесъ впечатлѣніе, что совсѣмъ зеленый еще. Вдругъ выскакиваетъ какой-то рабочій и говоритъ: «Ваше бл—іе, это нашъ главный ораторъ». И его повели въ комнату налѣво. Какая-то баба, когда освобождали одного (очевидно, выдававшаго) закричала: «да какъ же вы отпускаете главнаго нашего дружинника?» Его снова повели въ застѣнокъ, оттуда немного позже его снова выпустили, причемъ офицеръ говорилъ: «ну, покажемъ же мы бабѣ». Бабу повели въ лѣвую комнату, затѣмъ она криками и мольбами добилась того, что ее отвели направо. Въ такомъ напряженномъ состояніи мы провели весь день.

Вечеромъ начался «судъ». Въ 5 часовъ вечера нашу партію вызывали во дворъ, а затѣмъ по одному вызывали къ военному суду, состоявшему изъ докладчика — офицера Семеновскаго полка, двухъ жандармскихъ офицеровъ (въ штатскомъ) и одного какого-то военнаго генерала или полковника.

Слѣдователь съ видомъ человѣка, разсказывающаго смѣшной анекдотъ дамамъ на балу, велъ доклады приблизительно слѣдующимъ образомъ:

«Вотъ предетавляю вамъ — оригинальный субъектъ-дворникъ, въ то же время ораторъ при ихъ бывшей забастовкѣ. Il faut le fusiller» — «Certainement», — отвѣчали судьи и онъ выходилъ.

Или такимъ образомъ: „Портной безъ работы, но позволяетъ себѣ упоминать городовымъ о какой-то чести. Его, конечно, избиваютъ... А онъ, наглецъ, ударяетъ городового“. И опять его уводятъ въ сторону. Въ общемъ выяснилось слѣдующее: это вполнѣ

[1]) Несчастнаго Григорьева, какъ извѣстно, разстрѣляли.

достовѣрно и изъ разсказовъ коллегъ по аресту и изъ выслушанныхъ мною докладовъ. Арестованнымъ, сѣченнымъ и разстрѣленнымъ можно быть за слѣдующее: 1) за длинные волосы—у рабочаго, принятаго за студента, 2) за бѣлую папаху, 3) за смуглый цвѣтъ кожи, если принимали за жида, 4) за студенческую тужурку подъ пальто, 5) разстрѣляли одного студента, у котораго нашли въ одномъ карманѣ красный платокъ, а въ другомъ какую-то революціонную пѣснь, 6) арестовали одного пожилого кассира желѣзной дороги, у котораго табакъ завернутъ въ красную бумагу, и его избиваютъ до полусмерти, 7) за то, что не находили креста, и т. д. Словомъ, за каждую мелочь можно было быть высѣченнымъ и разстрѣленнымъ. Въ протоколахъ слѣдствія такъ и было записано; «За то, что шелъ не по самой короткой дорогѣ къ мѣсту назначенія», «за бѣлую папаху» «за подозрительные длинные волосы» и т. д.»

Многихъ уцѣлѣвшихъ отъ разстрѣла ожидала экзекуція. Безъ душевнаго содроганія и леденящаго кровь ужаса нельзя читать эти строки:

«Насъ, оставленныхъ въ комнатѣ и обреченныхъ на сѣченіе, вывели на дворъ, окружили солдатами, вызваны были 4 казака съ нагайками, имъ было приказано сѣчь изо всей силы, иначе имъ угрожали ихъ сѣчь, а затѣмъ нашъ слѣдователь, съ видомъ дирижирующаго танцами кавалера, сталъ выкликивать фамиліи. Скидывались брюки, на голомъ снѣгу укладывали лбомъ въ землю. Одинъ солдатъ придерживалъ прикладомъ голову, а 4 казака сѣкли такъ, что волосы становились дыбомъ. Крики, стоны и вопли раздавались все время.

Я видѣлъ руки двухъ высѣченныхъ студентовъ. Они сначала напоминали рубленыя котлеты, а потомъ вспухли до ужаса. Всю партію, за исключеніемъ 5—6 человѣкъ, высѣкли. Во время того, какъ сѣкли, раздавались какіе-то залпы. Затѣмъ насъ оставили на дворѣ, гдѣ мы и стояли подъ градомъ насмѣшекъ солдатъ, сопоставлявшихъ холодъ погоды и теплоту нѣкоторой части тѣла. Въ это время мимо насъ проѣхали двѣ телѣги, на одной стояли возница и городовой, на другой—городовой стоялъ на грузѣ телѣги.

Солдаты, указывая на телѣги, говорили намъ: «Видите, какъ вашего брата разстрѣляли и какъ мясо развозятъ, такъ и васъ будутъ». Да и по очертаніямъ груза на телѣгахъ, закрытыхъ ро-

гожами, не было никакихъ сомнѣній, что это трупы. Думаю, что ихъ было до 30 человѣкъ. Насъ, невысѣченныхъ, вскорѣ отпустили. Остались одни сѣченные, которыхъ должны были освободить на другой день. Когда насъ выпускали, выводили для сѣченія новую партію съ 2 женщинами, какъ говорили солдаты. По дорогѣ намъ встрѣтилось 6 (шесть) возвращающихся телѣгъ съ городовыми.

XIV.

Убійство профессора д-ра В. В. Воробьева.

Жертвой непостижимаго произвола погибъ талантливый, уже извѣстный учеными трудами, профессоръ В. В. Воробьевъ.

Профессоръ оказывалъ помощь раненымъ и, какъ врачъ, не разбиралъ, кто были эти несчастные страдающіе люди. Онъ самоотверженно подавалъ помощь и дружинникамъ, и солдатамъ, и случайнымъ жертвамъ.

Въ субботу 17 декабря около 5 часовъ вечера, когда Большую Пресню заняли войска, въ квартиру доктора въ домѣ Катлама на Большой Преснѣ, у подъѣзда, позвонили. Воробьевъ, пившій чай въ кругу своей семьи, всталъ, чтобы открыть двери на звонокъ. Въ переднюю ворвались три господина, одѣтые въ полицейскую форму.

Одинъ изъ вошедшихъ, оказавшійся впослѣдствіи приставомъ Ермоловымъ, обратился къ доктору Воробьеву:

— Вы перевязывали дружинниковъ?

— Я перевязывалъ раненыхъ, а кто они—не спрашивалъ!— отвѣтилъ профессоръ.

— У васъ «Красный крестъ»?

— Нѣтъ!

— У васъ есть оружіе?

— Да, есть револьверъ, но я имѣю разрѣшеніе отъ градоначальника,—сказалъ Воробьевъ.

— Покажите!—попросилъ приставъ Ермоловъ.

Профессоръ поворачивается, чтобы итти за револьверомъ. Въ этотъ моментъ приставъ стрѣляетъ ему въ затылокъ, и профессоръ, смертельно раненый, падаетъ...

Пуля засѣла въ мозгу. Черезъ нѣсколько часовъ профессоръ скончался.

За что такъ трагически погибъ симпатичный труженникъ ученый?..

Убійца—приставъ Ермоловъ преданъ суду. На этотъ разъ даже и московскіе «усмирители» не рѣшились замять дѣло.

Дѣло по обвиненію бывшаго пристава Ермолова въ убійствѣ приватъ-доцента Воробьева по распоряженію адмирала Дубасова, основанному на положеніи чрезвычайной охраны, слушалось при закрытыхъ дверяхъ.

Передъ процессомъ, такъ называемыя, «сферы» и «высшіе круги» въ Москвѣ были увѣрены, что присяжные засѣдатели вынесутъ Ермолову оправдательный вердиктъ, еще разъ тѣмъ самымъ осудивъ вооруженное возстаніе, въ сочувствіи которому подозрѣвался покойный докторъ Воробьевъ. Надежды покровителей Ермолова еще укрѣпились, когда опредѣлился составъ присяжныхъ засѣдателей, не имѣвшій почти ни одного интеллигента и включавшій представителей тѣхъ массъ, на мнимое сочувствіе и поддержку которыхъ такъ любитъ ссылаться бюрократія.

Но народный судъ все-таки не былъ запуганъ и терроризированъ настолько, чтобы разрѣшиться оправдательнымъ приговоромъ.

Ермоловъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ, совершенномъ въ запальчивости и раздраженіи, и заслуживающимъ снисхожденія. Судъ приговорилъ лишить Ермолова дворянства, чиновъ, орденовъ и всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и отдать въ *исправительное* арестантское отдѣленіе на четыре года. Въ удовлетвореніе же гражданскаго иска обязать Ермолова уплачивать ежемѣсячно вдовѣ убитаго Воробьева, до выхода ея въ замужество, по семидесяти пяти рублей, ея дочери до совершеннолѣтія по пятидесяти рублей. Приговоръ предоставленъ на усмотрѣніе его величества.

Мы лишены возможности сообщить подробности разбора этого дѣла, скрытыя самовластною рукою Дубасова.

Но и самый приговоръ знаменателенъ и характеренъ.

Этотъ приговоръ наглядно подтверждаетъ необходимость слѣдствія и суда надъ дѣятелями произвола...

Цѣлая вереница Ермоловыхъ высшихъ и низшихъ ранговъ до сихъ поръ ускользаетъ отъ суда и продолжаетъ свою преступную дѣятельность.

И мы требуемъ *слѣдствія и суда* надъ ними не для того, чтобы казнить ихъ или сгноить въ тюрьмахъ!.. Нѣтъ! Оставимъ эти варварскіе способы расправы, не достойные цивилизованнаго человѣчества.

Но необходимо *опредѣлить преступность* этихъ господъ, чтобы изъять ихъ изъ числа общественныхъ дѣятелей, чтобы, хотя въ слабой возможной степени удовлетворить несчастныя, обездоленныя, безъ вины пострадавшія жертвы!..

XV.

Казнь начальника охраннаго отдѣленія Войлошникова.

Былъ и со стороны революціонеровъ случай расправы.

Въ квартиру начальника охраннаго отдѣленія Войлошникова проникли революціоперы.

Несмотря на мольбы дѣтей сыщика, его схватили и увлекли изъ квартиры.

Черезъ нѣкоторое время въ ближайшемъ къ квартирѣ переулкѣ оказался изрѣшетенный пулями трупъ Войлошникова.

Какъ говорятъ, революціонный судъ приговорилъ Войлошникова къ смертной казни за составленіе списковъ, по которымъ войска разстрѣливали рабочихъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ.

XVI.

Письмо въ „Молву“ отъ 20 декабря.

Москва принимаетъ обычный видъ.

Кое-гдѣ появились конки, но въ общемъ исправленіе трамвая, электрическаго освѣщенія и другихъ слѣдовъ разрушенія займетъ еще не мало времени.

Власти заняты репрессіями, обысками и арестами. Прекращена газета «Жизнь».

Съ линіи Казанской дороги все еще приходятъ тревожныя вѣсти. Проявленное тамъ революціонное движеніе усмиряется семеновцами, но подробности дѣйствій ихъ пока извѣстны здѣсь только по слухамъ.

Чрезвычайныя мѣры и всѣ вообще экстренныя постановленія адмирала Дубасова до сихъ поръ еще въ силѣ. Многимъ владѣльцамъ театральныхъ и другихъ коммерческихъ предпріятій грозитъ вслѣдствіе этихъ мѣръ разореніе. Жалуются и легковые извозчики, теряющіе чуть ли не половину своего заработка.

Многими лицами поданы генералъ-губернатору петиціи съ просьбами отмѣнить запрещеніе выходить на улицу послѣ 9-ти часовъ вечера.

Ночью въ Москвѣ все еще раздаются револьверные и ружейные выстрѣлы. Это, какъ я узналъ, стрѣляютъ городовые безъ всякой цѣли, а просто для острастки. Чувствуй, молъ!..—Напоминаетъ доброе старое время въ захолустной Руси, когда деревенскіе сторожа бьютъ въ свои деревянныя колотушки, чтобы воръ чувствовалъ и зналъ, гдѣ грозитъ ему опасность.

XVII.

Письмо въ «Молву» отъ 21 декабря.

Сегодня городъ съ внѣшней стороны постепенно принимаетъ обычную физіономію.

Появилось электричество. Все увеличивается число открываемыхъ магазиновъ и учрежденій. Сегодня даже были назначены «бѣга».

Завтра ожидается отмѣна нѣкоторыхъ «чрезвычайныхъ» мѣръ... Напримѣръ—запрещенія выходить на улицу послѣ 6 час. вечера, стрѣльба по группамъ свыше трехъ человѣкъ (вѣдь и патроновъ, даже если ихъ не жалѣть, не хватитъ при стрѣльбѣ по группамъ свыше трехъ человѣкъ — время предпраздничное; у каждаго магазина толпится не менѣе 3—5 человѣкъ) и т. д. [1]).

Пора бы и «чрезвычайно» пора бы!..

* * *

[1]) Увы! ожиданіе это не оправдалось. Только въ январѣ отмѣнилъ Дубасовъ это «мудрое» распоряженіе. *В. К.*

Вчера подъ военной охраной отправленъ первый послѣ забастовки поѣздъ по Московско-Ярославской дорогѣ. Существуетъ движеніе и на Курской. На Московско-Брестской забастовщики постановили приступить къ занятіямъ, если дорога заплатитъ за дни забастовки и уволитъ инженера Пенкина. На Николаевскомъ вокзалѣ вчера было открыли пріемъ частныхъ телеграммъ, но сегодня прекратили вслѣдствіе порчи телеграфныхъ проводовъ у Твери.

XVIII.

Стрѣльба по патріотической манифестаціи и по богомольцамъ.

До сихъ поръ еще, безусловно вслѣдствіе небрежности администраціи, не разъясняющей войскамъ, гдѣ слѣдуетъ и гдѣ не слѣдуетъ примѣнять неотмѣненныя приказанія и постановленія адм. Дубасова—происходятъ безчисленныя кровопролитія.

Такъ, напримѣръ,—по заявленію въ бюро медицинскаго союза раненыхъ— на Дѣвичьемъ полѣ, въ Казанской церкви, состоялась обѣдня, послѣ которой публика гурьбой побрела по домамъ. Въ силу приказа стрѣлять по группамъ свыше трехъ человѣкъ, солдаты открыли огонь—въ результатѣ нѣсколько человѣкъ ранено и убитъ діаконъ.

Былъ случай, когда по такому же недоразумѣнію артиллерія открыла огонь по черносотенной, патріотической манифестаціи.

XIX.

Исколотый штыками.

Завтра хоронятъ одну изъ жертвъ этихъ дней.

Погибъ сынъ доктора, совершенно юный молодой человѣкъ, только въ прошломъ году окончившій гимназію, г. Лунцъ.

Въ штатскомъ платьѣ, совершенно обезоруженный молодой человѣкъ отъ своихъ знакомыхъ вечеромъ направлялся домой. Остальное покрыто мракомъ неизвѣстности. Трупъ несчастнаго, изможденный и исколотый штыками, нашли у зданія городского манежа.

Дѣло передано судебнымъ властямъ.

XX.

Дикій произволъ.

Отмѣчая цѣлый рядъ жестокостей, проявленныхъ солдатами [1]) въ эти кровавые дни, я совершенно не намѣренъ предъявлять огульное обвиненіе къ нашимъ войскамъ. Увы, ихъ положеніе было очень мучительное, тяжелое!..

Я знаю, какъ мучились и нравственно терзались нѣкоторые московскіе артиллеристы-офицеры, когда на ихъ долю выпадало отправляться въ нарядъ.

Но мы должны обличить и кричать о всѣхъ случаяхъ дикаго произвола, непостижимой жестокости Адмиралъ Дубасовъ далъ слишкомъ широкое право войскамъ, слишкомъ дешево оцѣнилъ онъ жизнь гражданъ Москвы, отдавая каждаго жителя во власть тяжкоумнаго недисциплинированнаго солдата.

Одурманенные зачастую виномъ, раздраженные, озлобленные, а главное безъ всякаго офицерскаго надзора, солдаты иногда прямотаки изумляли своей жестокостью.

Чѣмъ объяснить напримѣръ, такой случай? Въ Б. Палашевскомъ пер. у окна (флигель далеко отъ улицы) появилась молодая дѣвушка-прислуга. Въ это время по переулку проходилъ солдатъ одного изъ гренадерскихъ полковъ. Увидѣвъ дѣвушку, онъ припалъ на колѣно и прицѣлился...

— Баринъ, баринъ,—словно прикованная къ окну, закричала дѣвушка,—никакъ въ меня солдатъ цѣлитъ?

Грянулъ выстрѣлъ и дѣвушка, какъ подкошенная, упала съ прострѣленной головой.

Еще случай такой же жестокій и непостижимый.

На Петровкѣ, въ молочной торговлѣ, сидѣла кассирша, молодая дѣвушка.

Проходившій мимо солдатъ прицѣлился и убилъ наповалъ несчастную...

Самъ бы не повѣрилъ такимъ необъяснимымъ ужасамъ, но въ случаѣ надобности цѣлый рядъ свидѣтелей готовъ подтвердить эти случаи.

---

[1]) Да и офицерами.

XXI.

Революціонизированіе монархиста.

На этихъ дняхъ, на Тверской улицѣ арестовали сестру милосердія Б. и еще двоихъ какихъ-то неизвѣстныхъ ей мужчинъ. Поводомъ къ аресту послужило нахожденіе ихъ въ вооруженной толпѣ.

Въ участкѣ неизвѣстныхъ жестоко избили, а на долю сестры досталось только два тумака отъ одного изъ городовыхъ. За сестру заступился пом. пристава (это происходило въ Тверской части).

Одинъ изъ избиваемыхъ кричалъ:

— Вы не защитники отечества, а истязатели... Я всегда былъ монархистомъ, а теперь сдѣлаюсь революціонеромъ!..

Въ это время на Тверской разыгралось сраженіе. Загрохали пушки, затрещали залпы...

Только что выслушавшій кого-то по телефону, околоточный громко сообщилъ:

— Циркулярное приказаніе его превосходительства примѣнять самыя безпощадныя мѣры...

Въ участкѣ же находился взводъ вооруженныхъ ружьями городовыхъ, готовыхъ выйти на Тверскую на подмогу войскамъ.

На вопросъ одного изъ городовыхъ, какъ обращаться съ публикой,— околоточный отвѣчалъ:

— Стрѣляйте и бейте безпощадно!..

Сестру Б. тщательно обыскали и, составивъ протоколъ, выпустили, заявивъ:

— Теперь въ тюрьмахъ для васъ больше мѣста не хватаетъ!..

Такъ ли слѣдовало руководить вооруженными людьми и кто виноватъ въ этомъ рядѣ прямо безсмысленныхъ жестокостей?!

XXII.

Кто онъ?

Всякая война имѣетъ своихъ героевъ, порождая цѣлыя легенды.

Нѣчто подобное наблюдалось и въ эпоху кровавой борьбы и усмиреній.

Ѣду я на извозчикѣ.

— Ну, и ловокъ же онъ, баринъ!—полуоборачиваясь, произноситъ мой возница.— Прикинулся горбатенькимъ, обличье измѣнилъ да и принялся здѣсь порядки наводить, да страху нагнать...

— Да кто онъ?—недоумѣваю я.

— Да развѣ, ваша милость, не слыхивали, кто здѣсь порядки-то наводитъ?.. Подикось, думаете—Дубасовъ?..

— Ну, кто же? Кто?

Извозчикъ пугливо озирается по сторонамъ и, наклонясь ко мнѣ, таинственнымъ, но убѣжденнымъ шопотомъ произноситъ:

— Самъ Треповъ здѣсь орудуетъ. Такъ у насъ въ народѣ баютъ.

Таково неизгладимое наслѣдственное обаяніе рѣшительнаго администратора.

XXIII.

Жестокій пастырь.

Наше духовенство довольно индифферентно отнеслось къ кровавымъ перипетіямъ междуусобной борьбы. Тамъ, гдѣ горячее доброе разумное слово пастыря или даже обаяніе его сана могло-бы предотвратить многіе случаи кровопролитія или обуздать порывы дикаго произвола,—святые отцы отсутствовали.

Впрочемъ, рѣдкіе случаи проявленія инициативы со стороны священства были.

Когда войска по недоразумѣнію обстрѣливали толпу, представлявшую собою патріотическую манифестацію, священникъ съ крестомъ въ рукѣ вышелъ впередъ, чѣмъ и пріостановилъ безсмысленное кровопролитіе.

Священникъ ст. Перово не отказывался исполнять требы забастовщиковъ и революціонеровъ и всегда отзывался на ихъ религіозные запросы, что и послужило, какъ говорятъ, причиной къ его аресту.

Вотъ и все, что я знаю положительнаго о дѣятельности московскаго духовенства въ эти страшные дни.

Но, съ другой стороны, со словъ заслуживающаго довѣрія очевидца мною записанъ возмутительный эпизодъ.

Войска обстрѣливали проѣздъ Тверского бульвара. Несчастная публика, неожиданно застигнутая на улицѣ выстрѣлами, въ паническомъ ужасѣ металась въ поискахъ укрытія отъ пуль.

Толпа человѣкъ около двадцати, среди которой были женщины, дѣти и старики, ринулась къ ближайшему церковному дому церкви Вольш. Вознесенія, что у Никитскихъ воротъ. Увы, ворота церковнаго дома оказались запертыми, что, впрочемъ, согласовалось съ правилами, объявленными генералъ-губернаторомъ.

Обезумѣвшіе отъ ужаса люди подняли отчаянный стукъ. Наконецъ, послѣ долгаго томительнаго ожиданія, на крыльцѣ за воротами появился солидный священникъ въ теплой богатой шубѣ.

— Уходите прочь!—обратился пастырь къ толпѣ,—полиція не приказываетъ отворять ворота...—И, не обращая вниманія на стоны, мольбы и проклятія несчастныхъ людей, священникъ равнодушно удалился въ свои покои.

А возмущенная до глубины души толпа выломала ворота и все-таки нашла себѣ пріютъ.

Интересно было бы узнать фамилію этого незабвеннаго отца, повидимому, достойнаго сподвижника своего патрона—его высокопреосвященства Владиміра московскаго?

XXIV.

Жалобы обывателей.

Въ послѣдніе дни къ московскому городскому головѣ отъ различныхъ видныхъ столичныхъ обывателей и гласныхъ поступилъ рядъ заявленій по поводу происходившихъ въ различныхъ мѣстахъ столицы обстрѣливаній улицъ и домовъ. Обо всѣхъ полученныхъ заявленіяхъ Н. И. Гучковъ сдѣлалъ докладъ московскому градоначальнику. Приводимъ выдержки изъ нѣкоторыхъ писемъ:

Присяжный повѣренный Н. П. Шубинскій пишетъ: «Я буквально въ плѣну воцарившихся порядковъ. Днемъ на мой домъ наведены ружья и пушки солдатъ, охраняющихъ градоначальника,

а ночью эти ружья непрестанно обстрѣливаютъ Тверской бульваръ и тротуары, пробивая окна, желѣзныя ворота и т. п. Не могу уяснить себѣ этихъ формъ общественной безопасности, грозящихъ и вносящихъ огромную для всѣхъ обывателей опасность. Довольно показаться на бульварѣ одному пьяному скандалисту, чтобы мой домъ былъ осыпанъ пулями. Неужели личная охрана градоначальника выше всякой публичной безопасности? Вы ближе меня къ администраціи—прошу васъ принять возможныя мѣры. Обстрѣлы всего Тверского бульвара дѣлаютъ жизнь прямо невозможной».

Гласный Поливановъ пишетъ: «17-го декабря, въ 10 час. 30 мин. утра, произведено было нѣсколько выстрѣловъ со двора дома коннозаводства въ верхній этажъ дома Игнатьева. Причина этихъ выстрѣловъ совершенно непонятна, такъ какъ изъ квартирантовъ дома Игнатьева никто не стрѣлялъ. Изъ оконъ моей квартиры въ третьемъ этажѣ видно, что солдаты находятся въ конюшняхъ коннозаводства и по временамъ выходятъ изъ-за угла каменнаго зданія конюшни; когда прислуга наша выходитъ на черную лѣстницу или показывается въ окнѣ, то солдаты грозятъ ружьями».

А. И. Геннертъ сообщаетъ о необходимости оградить домъ Нестеровскаго пріюта на Щипкѣ отъ грозящаго ему разстрѣла вслѣдствіе подозрѣнія: «въ пріютѣ, кромѣ малолѣтнихъ дѣтей, воспитательницы, нянекъ и двухъ дворниковъ, старыхъ служащихъ, вполнѣ надежныхъ, никого нѣтъ и стрѣлять оттуда никто не могъ. Причиной, вызвавшей подозрѣніе, вѣроятно, послужило то обстоятельство, что во второмъ этажѣ было открыто окно, но это случилось потому, что окно было разбито кирпичемъ, брошеннымъ съ улицы, и хотѣли вставить новое стекло. Осматривала надзирательница чердакъ – нѣтъ ли чего подозрительнаго, но ее видѣли съ улицы въ слуховое окно; это тоже, можетъ быть, дало поводъ думать, что въ зданіи пріюта происходитъ что-то подозрительное. Сейчасъ, т. е. около 12-ти часовъ дня, я обо всемъ этомъ сказалъ изъ думы въ управленіе градоначальника по телефону № 2 дежурному, но получилъ отвѣтъ: «мнѣ васъ некогда слушать; если изъ пріюта стрѣляли, то и войска его разстрѣляютъ». Такой грубый и вполнѣ неумѣстный отвѣтъ не можетъ быть совсѣмъ оставленъ безъ всякаго вниманія, о чемъ я въ особенности и прошу ваше превосходительство».

Г. И. Пѣтуховъ сообщаетъ: «15-го декабря, въ 10 час. утра, я, проѣзжая около университета, случайно былъ свидѣтелемъ осмотра солдатами проѣзжающей и проходившей публики; въ числѣ этихъ солдатъ былъ артиллеристъ, который производилъ этотъ осмотръ съ револьверомъ въ рукахъ Нахожу опаснымъ допускать подобные способы осмотра, пугая публику возможностью случайнаго выстрѣла».

Присяжный повѣренный Н. В. Тесленко пишетъ: «Рядомъ съ домомъ Кривошеина въ Каретномъ ряду находятся казармы жандармскаго дивизіона. Съ вечера 10 декабря изъ этихъ казармъ началась непрерывная стрѣльба по всѣмъ направленіямъ, продолжавшаяся около трехъ часовъ. 11 декабря жандармы и другіе нижніе чины выскакивали изъ казармъ въ теченіе цѣлаго дня и стрѣляли по всѣмъ направленіямъ и убивали прохожихъ, а также обстрѣливали окна. Затѣмъ объявили квартирантамъ, что будутъ громить домъ изъ пушекъ за то, что якобы изъ оконъ были произведены выстрѣлы. Путемъ переговоровъ удалось отклонить это намѣреніе. Домъ былъ осмотрѣнъ дворниками и никого подозрительнаго не найдено. 12 декабря стрѣльба продолжалась возлѣ дома, а 13 декабря въ домъ Кривошеина стали стрѣлять изъ пушекъ и нѣсколько квартиръ разбили. 11 было убито и ранено возлѣ дома нѣсколько человѣкъ, 13 стрѣльбой изъ пушекъ ранено четверо человѣкъ. Большой домъ, густо населенный, почти покинутъ жильцами. Жить въ сосѣдствѣ съ казармами, откуда идетъ постоянная стрѣльба, невозможно. Убѣдительно прошу принять мѣры къ тому, чтобы стрѣльба изъ казармъ прекратилась. Въ противномъ случаѣ необходимо перевести жандармовъ въ другое мѣсто, такъ какъ пребываніе ихъ въ центральной части города представляетъ явную опасность для жизни не только сосѣдняго населенія, но всѣхъ многочисленныхъ прохожихъ». Все изложенное могутъ подтвердить живущіе въ этомъ домѣ (слѣдуетъ рядъ подписей).

XXV.

Разстрѣляніе «революціонеровъ» на станціяхъ Моск.-Казанской жел. дор. карательнымъ отрядомъ л.-гв. Семеновскаго полка.

Отъ редакціи „Молвы“ („Русь“).

Мы поручили г. Климкову собрать точныя свѣдѣнія о томъ, что происходило въ Люберцахъ, откуда шли извѣстія о массовомъ разстрѣляніи «революціонеровъ». Онъ отправился не одинъ, взявъ съ собою спутника, который могъ бы провѣрить и вмѣстѣ засвидѣтельствовать точность собранныхъ г. Климковымъ фактовъ.

Печатаемъ письмо г. Климкова. Основа его — показанія жителей Люберцевъ.

По этимъ показаніямъ, такъ утверждаютъ по крайней мѣрѣ сами обыватели Люберцевъ, разстрѣляніе производилось не по рѣшенію офицера, а по списку, привезенному имъ съ собою.

Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? — вопросъ къ адм. Дубасову.

Онъ имѣлъ право передать командующему офицеру полномочіе совершать собственной властью полевой судъ и приговаривать къ разстрѣлянію тѣхъ, кого онъ, офицеръ, считаетъ по совѣсти виновнымъ.

Если же на мѣстѣ приводился въ исполненіе приговоръ лишь по какимъ-то спискамъ, то гдѣ же судъ производился? Кѣмъ? Тѣми, кто составлялъ списки! Гдѣ? Въ какой то канцеляріи по «извѣстіямъ съ мѣста?»

Но тогда это не судъ и не приговоръ, а просто «истребленіе» лицъ, которыхъ нѣкоторые чиновники безъ суда и слѣдствія приказали подвергнуть уничтоженію.

Правительство должно понимать все значеніе этого чрезвычайнаго дѣла и должно дать полное разъясненіе всѣмъ его обстоятельствамъ.

* * *

Въ московскихъ газетахъ появилось категорическое сообщеніе, что между Москвою и ст. Голутвино, Казанской ж. д., войсками разстрѣляны 64 революціонера.

Слухи, одинъ другого чудовищнѣе, распространялись въ московскомъ обществѣ. Разсказывали подробности ужасныхъ сценъ расправы войскъ съ революціонерами на ст. Перово, Люберцы и другихъ.

Прямо-таки не вѣрилось, что въ наше время, возвѣщенныхъ и обѣщанныхъ свободъ, неприкосновенности личности, свободы слова, отмѣны административнаго произвола и торжества гласныхъ судовъ—возможны такія жестокія и вмѣстѣ такія скорыя расправы съ лицами, обвиненными, правда, по существующимъ законамъ, въ очень тяжеломъ проступкѣ—вооруженномъ возстаніи...

Увы! большая часть циркулировавшихъ слуховъ оказалась правдою, и количество разстрѣлянныхъ безъ суда значительно больше, чѣмъ предполагалось.

Вотъ что мнѣ удалось узнать на станціи *Люберцы*.

* * *

Въ обществѣ г. С. рано утромъ я отправился на ст. Люберцы. Поѣзда уже двигались безпрепятственно и до станціи добрались мы благополучно. Всюду царствовала тишина, а линія и вокзалы попутныхъ станцій охранялись войсками л.-гв. Семеновскаго полка.

Очевидно, возстаніе было уже подавлено.

Зная, съ одной стороны — по возмутительнымъ примѣрамъ съ моими товарищами по перу гг. Рыкачевымъ и Брокманъ, какъ гг. семеновцы смотрятъ на печать, а съ другой,—не питая надежды въ качествѣ корреспондента узнать что-либо отъ запуганнаго, терроризированнаго населенія, я рѣшился прибѣгнуть къ небольшой хитрости и явился въ Люберцы подъ видомъ покупщика дачъ.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ [1]) я старался возможно добросовѣстнѣе освѣтить факты, но долгомъ считаю оговориться, что если въ пересказѣ всего слышаннаго мною отъ жителей ст. Люберцы и окажутся какія-либо неточности, то это слѣдуетъ отнести, во-первыхъ, къ непостижимымъ гоненіямъ представителей печати, проявленнымъ въ Москвѣ именно семеновцами, ибо выступить открыто журналисту въ Люберцахъ было безусловно рискованно,—волей-неволей прихо-

[1]) Рукопись съ изложеніемъ дѣйствія семеновцевъ въ Люберцахъ, скрѣпленная свидѣтельскими подписями предъявлена редакціи „Русь“ и сохраняется въ надежномъ мѣстѣ. *В. К.*

дилось возстанавливать факты, разспрашивая жителей; во-вторыхъ, запуганные, терроризованные жители могли кое-что умолчать, а иное преувеличить.

Но всѣ нижеслѣдующія, существенныя данныя записаны мною по разсказамъ люберцевцевъ и скрѣплены подписью свидѣтеля. Этотъ свидѣтель не откажется подтвердить, что главныя детали происшедшаго въ Люберцахъ односложно повторялись многими жителями.

Впослѣдствіи, когда семеновцы были уже возвращены въ Петербургъ и, такимъ образомъ, предоставилась возможность произвести болѣе подробное разслѣдованіе этихъ разстрѣловъ, редакція «Руси», какъ я и предполагалъ еще въ декабрѣ, командировала на линію Казанской жел. дороги г. Владимірова, который отправился туда въ сопровожденіи стенографистки. Разслѣдованія г. Владимірова, записанныя стенографически, вполнѣ подтвердили мое описаніе и дополнили картину разстрѣливанія сердце леденящими подробностями и деталями.

* * *

Раіонъ Москва-Перово-Люберцы изобилуетъ фабриками и заводами. Здѣсь существуетъ огромная Горкинская мануфактура, Люберцовскій заводъ и проч. Въ Люберцовскомъ заводѣ, собственно разсчитанномъ на нѣсколько тысячъ рабочихъ, работало менѣе 1,000 человѣкъ. Кромѣ того, въ Люберцахъ находятся сотни двѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Посадъ Люберцы, представляющій подмосковную дачную мѣстность, растянулся версты на двѣ.

Революціонное движеніе проявилось здѣсь среди заводскихъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ Люберцевцы примкнули къ всеобщей и политической забастовкѣ, а затѣмъ часть изъ нихъ организовала вооруженную дружину. Мѣстныя власти — урядникъ, станціонный жандармъ и другіе, обезоруженные дружинниками, бѣжали.

Въ Люберцахъ и на другихъ ближайшихъ къ Москвѣ станціяхъ Казанской желѣзной дороги власть перешла въ руки боевыхъ дружинъ. Дружинники организовали охрану селеній и станцій, выбрали старостъ и проч. Винныя лавки всѣ были закрыты и пьянство строго воспрещено. Внутренній порядокъ поддерживался

всюду образцовый. Боевыя дѣйствія люберцевской дружины выражались иногда въ отбираніи оружія у проѣзжавшихъ мимо съ Дальняго Востока воинскихъ эшелоновъ [1]).

Числа 15 декабря въ Люберцахъ появился какой-то воинскій отрядъ изъ 50 человѣкъ, но встрѣченный заявленіемъ одного изъ вожаковъ дружины, что въ случаѣ насильственныхъ дѣйствій отряда дружинники могутъ противопоставить 500 вооруженныхъ людей, отрядъ куда-то скрылся.

Между тѣмъ до люберцевцевъ дошли слухи, что Рязанскій вокзалъ въ Москвѣ уже во власти войскъ и что въ Перовѣ (ближайшая станція) идетъ бой между войсками и дружинниками. Затѣмъ до люберцевцевъ дошли слухи, что и Перовомъ овладѣли войска, разстрѣлявшія тамъ нѣсколькихъ лицъ, будто бы причастныхъ движенію.

Наконецъ, и къ Люберцамъ подошелъ батальонъ пѣхоты съ артиллеріей.

Уже терроризированные свѣдѣніями изъ Перова люберцевцы-дружинники, наскоро спрятавъ часть оружія, разбѣжались. Семеновцы—это были они—безъ выстрѣла заняли станцію. Откуда-то явились опять и изгнанныя власти—урядникъ и жандармъ.

Занявъ вокзалъ, семеновцы оцѣпили станцію и поселокъ, установивъ обыскъ для пріѣзжающихъ и выѣзжающихъ.

Затѣмъ семеновцы съ офицерами, подъ командою батальоннаго командира полковника Римана, окружили большой мѣстный трактиръ, гдѣ и произвели обыскъ и допросъ всѣхъ находящихся тамъ лицъ, причемъ у многихъ рабочихъ было найдено огнестрѣльное и холодное оружіе.

Риманъ отобралъ человѣкъ 50 заподозрѣнныхъ лицъ, приказавъ выйти имъ на площадку. Никто не сопротивлялся. Здѣсь — разыгрался первый трагическій инцидентъ.

Риманъ, просмотрѣвъ привезенный имъ какой-то списокъ, громко назвалъ фамилію крестьянина Киселева. Киселевъ отозвался и выдвинулся впередъ.

Шт.-офицеръ взялся за револьверъ. Почуявшій что-то недоброе Киселевъ взмолился:

---

[1]) Все время поддерживалось движеніе воинскихъ поѣздовъ съ Дальняго Востока.

Убитые на ст. Люберцы.

П. Ф. Смирновъ пом. нач. ст. «Люберцы».

Ухтомскій, машинистъ.

В. Молостовъ, рабочій.

К. Молостовъ, рабочій.

— Пощадите!.. Семья, вѣдь, у меня!.. Пощадите! Пусть судъ разберетъ!..

Но двумя послѣдовательными выстрѣлами изъ револьвера Риманъ уложилъ Киселева на мѣстѣ.

Затѣмъ всѣхъ остальныхъ арестованныхъ рабочихъ увели на вокзалъ, куда направились офицеры.

На вокзалѣ одинъ изъ офицеровъ по тому же списку вызвалъ по фамиліямъ нѣсколькихъ лицъ. Всего было вызвано восемь рабочихъ. Сюда же привели также значащагося въ спискѣ помощника начальника станціи Смирнова.

Смирнову и 8 рабочимъ шт.-офицеръ объявилъ, что сейчасъ они будутъ разстрѣляны, а остальныхъ задержанныхъ отпустилъ со словами:

— Ступайте, но помните, что всѣ вы состоите подъ судомъ.

Одинъ изъ приговоренныхъ къ разстрѣлу машинистъ Ухтомскій попросилъ разрѣшенія причаститься, что и было уважено. Мѣстный священникъ причастилъ Ухтомскаго.

Затѣмъ всѣхъ назначенныхъ къ разстрѣлу солдаты увели за полотно желѣзной дороги. Здѣсь, у кладбища, несчастные были разстрѣляны.

Сельскій староста получилъ отъ военнаго начальства приказаніе убрать тѣла разстрѣлянныхъ, и ихъ безъ отпѣванія побросали въ одну братскую могилу.

Такимъ же образомъ были разстрѣляны мѣстный дачникъ г. Михельсонъ и проживающія у него два лица.

*
* *

По слухамъ, именной списокъ лицъ, назначенныхъ къ разстрѣлу, составленъ въ охранномъ отдѣленіи и выданъ семеновцамъ съ соотвѣтствующими приказаніями высшимъ начальствомъ.

*
* *

Въ общемъ по удостовѣреннымъ г. Владиміровымъ данныхъ карательнымъ отрядомъ убито зарегистрированныхъ 68 чел., а именно: въ Сортировочной 8 чел., въ Перовѣ 16, въ Люберцахъ 14, въ Ашитковѣ 3, въ Голутвинѣ 27. Всего 68. Кромѣ того, убито въ Перовѣ не зарегистрированныхъ 57 человѣкъ и въ Сортиртировочной 25. Итого 82 человѣка. Всего же 150 человѣкъ

Изъ нихъ убито 2 человѣка, принимавшихъ участіе въ вооруженномъ возстаніи, а именно машинистъ Ухтомскій и техникъ Алферовъ; 3 человѣка способствовавшіе московскимъ дружинникамъ, т. е. вооруженному возстанію, а именно пом. нач. стан. Люберцы Смирновъ, дачникъ Михельсонъ и крестьянинъ Киселевъ. Затѣмъ убито разныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ желѣзнодорожному союзу и къ мѣстной дружинѣ, организованной исключительно для самозащиты противъ развившагося мѣстнаго хулиганства, 16 человѣкъ. Всѣ остальныя *лица убиты невинно, числомъ 129 человѣкъ.*

* * *

Какъ сообщаютъ люберцевцы, передъ разстрѣломъ разыгрался характерный инцидентъ, наглядно показавшій, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ можетъ привести иногда скороспѣлая расправа.

Солдаты оцѣпили мѣстную школу и арестовали учительницу. Несчастную, трепещущую отъ страха, привели на вокзалъ и поставили въ группу арестованныхъ рабочихъ. Наконецъ офицеръ, читающій именной списокъ, называетъ какую-то женскую фамилію. Полуживая отъ страха, учительница, единственная въ толпѣ женщина, не отзывается...

— Ну, что же вы?—обращается къ ней офицеръ.—Вѣдь я васъ вызываю!..

— Да эта фамилія другой учительницы, неизвѣстно куда уѣхавшей недѣлю тому назадъ!—наконецъ отвѣчаетъ немного оправившаяся учительница.

— Какъ?—вскричалъ изумленный офицеръ и послѣ переговоровъ съ урядникомъ и станціоннымъ жандармомъ учительницу отпустили, такъ какъ арестовали ее дѣйствительно по недоразумѣнію.

* * *

Копія. 15 декабря 1905 г. № 349.

Дополненіе къ приказу

по лейбъ-гвардіи Семеновскому полку.

г. Москва.

16 сего декабря назначается экспедиція по Казанской желѣзной дорогѣ на станціи Перово, Люберцы и Коломна.

Начальникъ отряда назначается

полковникъ Риманъ I-й.

Составъ отряда.

отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка:

9 рота: капитанъ Швецовъ, подпоручики Альбертовъ 2-й и Макаровъ.

10 рота: капитанъ фонъ-Сиверсъ 1-й, поручикъ Поливановъ и подпоручикъ фонъ-Фохтъ.

11 рота: штабсъ-капитанъ Назимовъ 2-й и подпоручики Шарнгорстъ и Романовскій.

12 рота: капитанъ Зыковъ и подпоручикъ Шрамченко.

14 рота: капитанъ фонъ-Тимротъ 1-й и подпоручики фонъ Крузенштернъ и фонъ-Минихъ.

15 рота: капитанъ Майеръ и подпоручики Фалѣевъ и Никаноровъ.

2 орудія 2 батареи л.-гв. 1-й артиллерійской бригады.

2 пулемета 5-й туркестанской пулеметной роты.

Цѣль и назначеніе отряда захватить станцію Перово, обыскать мастерскія и строенія по указанію станового пристава князя Вадбольскаго и жандармскаго подполковника Смирницкаго.

Отыскать главарей: Ухтомскаго, Котляренко, Татаринскаго, Иванова и друг., по указанію князя Вадбольскаго и подполковника Смирницкаго. Уничтожить боевую дружину. Исполнивъ задачу,

оставить на станціи Перово одну роту, поручивъ ей охрану станціи и окрестнаго раіона.

Оказывать содѣйствіе правительственнымъ желѣзнодорожнымъ агентамъ для возстановленія движенія. Затѣмъ слѣдовать въ Люберцы, гдѣ занять станцію, произвести обыски селенія завода, въ остальномъ дѣйствовать такъ же, какъ въ Перово.

Общія указанія: арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно. Каждый домъ, изъ котораго будетъ произведенъ выстрѣлъ, уничтожать огнемъ или артиллеріею.

По возможности щадить и охранять всякія желѣзнодорожныя сооруженія, необходимыя и полезныя для обслуживанія желѣзной дороги.

На станціи «Сортировочная» оставить одну роту, назначеніе которой—не допускать движенія поѣздовъ въ Москву, загораждая путь шпалами, выбрасывая сигналъ «остановка» и въ случаѣ неповиновенія открыть огонь.

Имѣть строгое наблюденіе за телеграфными аппаратами.

Далѣе отряду двинуться на станцію Коломна, гдѣ произвести обыскъ и осмотръ и остаться впредь до особаго распоряженія.

Перевязочные пункты устроить: одинъ пунктъ на станціи Перово (одинъ врачъ и одинъ фельдшеръ) и второй на станціи Люберцы (одинъ врачъ и одинъ фельдшеръ).

О дѣйствіяхъ отряда и о результатахъ его начальнику отряда полковнику Риману 1-му представить мнѣ подробное донесеніе.

Подлинное подписалъ: командующій полкомъ
флигель-адъютантъ полковникъ Минъ.

Вѣрно: полковой адъютантъ,
подпоручикъ фонъ Брюммеръ.

Приказъ розданъ въ 9 час. вечера.

* * *

Изъ этого документа видно, что полковникъ Минъ приказалъ щадить только «желѣзнодорожныя сооруженія, необходимыя и полезныя для обслуживанія желѣзной дороги», — по отношенію же къ людямъ приказалъ «арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно». При этомъ приказаніе это названо «общими указаніями». Дать такія «общія указанія» полк. Мину не позволяла ни одна статья нашихъ военныхъ законоположеній. Въ единичномъ

случаѣ, въ обстановкѣ вооруженной борьбы мятежной части населенія съ правительственными войсками «безпощадныя дѣйствія» могутъ разсматриваться, какъ мѣра, оправдываемая чрезвычайными обстоятельствами даннаго момента. Но общими указаніями приказъ «дѣйствовать безпощадно» не можетъ служить. Доказательствомъ справедливости этого и являются дѣйствія полк. Римана, примѣнившаго приказъ не въ обстановкѣ вооруженной борьбы, которая можетъ быть приказомъ и подразумѣвалась, а въ обстановкѣ полицейскаго разслѣдованія среди мирныхъ обывателей.

* * *

Отъ редакціи „Молвы".

Отвѣта нѣтъ!

Все общество страшно тяжело поразили извѣстія о разстрѣляніи на станціи Люберцы забастовщиковъ по какимъ то таинственнымъ спискамъ. Извѣстія объ этомъ не вызвали никакихъ опроверженій съ мѣста, и хотя со времени ихъ опубликованія прошло уже почти двѣ недѣли, до сихъ поръ отъ правительства не послѣдовало никакого объясненія. Между тѣмъ извѣстія утверждали, что

— разстрѣлянію подверглись лица, не принимавшія участія въ вооруженномъ сопротивленіи войскамъ —едва не была разстрѣляна даже учительница мѣстной народной школы,

— разстрѣляніе производилось по спискамъ, привезеннымъ на мѣсто будто бы отъ охраннаго отдѣленія, безъ суда и хотя бы самаго молніеноснаго по краткости слѣдствія,

— жители Люберцевъ утверждаютъ, что первый разстрѣлянный былъ убитъ двумя выстрѣлами самого штабъ-офицера, командовавшаго отрядомъ войскъ.

Правительство черезъ официальныя телеграфныя агентства полемизируетъ съ газетами о томъ, что и когда было сказано гр. Витте, но молчитъ совершенно о фактахъ всеобщаго чрезвычайнаго интереса и значенія, о которыхъ при томъ по обстоятельствамъ мѣста и времени только оно и можетъ дать вполнѣ подробныя и категорическія объясненія.

Вѣдь если вѣрно то, что утверждаютъ въ Люберцахъ, именно, что разстрѣлы совершались по спискамъ охраннаго отдѣленія, которое несомнѣнно отмѣчало не только дѣянія, но и «вредный» образъ мыслей,—то эти разстрѣлы явились уже не казнями, хотя бы и жестокими, а простыми безобразными политическими убійствами.

Но тогда необходимо немедленное разслѣдованіе дѣла и наказаніе виновныхъ.

Общество требуетъ и оно имѣетъ право требовать объясненія и подробностей того, что было въ Люберцахъ. Молчаніе правительства непремѣнно будетъ истолковано только въ худшую сторону и этимъ оно не имѣетъ права рисковать...

Увы! отвѣта нѣтъ и до сихъ поръ!

* * *

Письмо военнаго по поводу разстрѣлянія безъ суда.

Неужели это не сонъ и не страшный кошмаръ? Неужели это правда? Теперь, послѣ сообщенія Петербургскаго агентства, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: правительство оправдывается, но не опровергаетъ. Да, это правда: офицеръ собственноручно разстрѣлялъ плѣннаго революціонера, онъ добровольно возложилъ на себя это дѣло! Правда и эти разстрѣлы по заранѣе составленнымъ полиціею спискамъ, безъ суда. Что же это такое, куда мы пришли? Я простой «обыватель», далекій отъ всякой политики, не могъ заснуть всю ночь, прочтя въ газетахъ извѣстіе о безпримѣрной расправѣ, во мнѣ все кипѣло. Я первый разъ въ жизни берусь за перо для того, чтобы дать исходъ овладѣвшему мною чувству негодованія.

Если я, старый человѣкъ, возмущенъ до глубины души, то что должны чувствовать тысячи, десятки и сотни тысячъ молодыхъ горячихъ головъ, слушая повсемѣстно, по всей обширной Россіи, передаваемыя теперь изъ устъ въ уста подробности усмиренія московскаго бунта? Пришло ли вамъ, побѣдители, въ голову, куда вы толкаете буйную молодежъ? Никакія прокламаціи, никакія революціонныя пропаганды не могли сдѣлать того, что сдѣлали вы,

ослѣпленные безчеловѣчною злобою и неразумною жестокостью. Тяжкій грѣхъ взяли вы на свою душу, великій грѣхъ совершили передъ родиной».

Отставной военный.
(*«Молва»*).

XXVI.

Можно ли опредѣлить количество жертвъ.

Я побывалъ почти во всѣхъ городскихъ больницахъ, былъ и въ военномъ госпиталѣ. Въ тюремныя больницы и военные лазареты доступа нѣтъ.

Большинство раненыхъ — изъ публики, совершенно не принимавшіе участія въ борьбѣ. Масса женщинъ и дѣтей.

Раны протекаютъ очень тяжело и даже самыя легкія изъ нихъ грозятъ серьезными осложненіями. Доктора объясняютъ это во 1) близкимъ разстояніемъ стрѣльбы, 2) присутствіемъ грязной зимней одежды и 3) рикошетами пуль, раны отъ которыхъ рваныя, очень тяжелыя.

* * *

Законченъ подсчетъ пострадавшихъ въ революціонные дни чиновъ московской полиціи. Эти свѣдѣнія по какимъ-то соображеніямъ очень долго скрывались. Пока даны только свѣдѣнія объ убитыхъ, которыхъ оказалось: городовыхъ—26, дворниковъ—14, околоточныхъ — 7, помощниковъ пристава — 2, приставовъ — 1, агентовъ сыскного и охраннаго отдѣленій — 12, жандармовъ — 4. Гораздо большей таинственностью окружены свѣдѣнія о потеряхъ въ войскахъ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ (относящимся только до 16 декабря включительно) число пострадавшихъ несравненно меньше: убито—9, ранено тяжело—12, легко—39.

* * *

Вопросъ о количествѣ жертвъ едва-ли будетъ когда выясненъ точно, ибо многіе амбулаторные легко раненые уклоняются отъ всякой статистики изъ боязни привлеченія къ судебной волокитѣ.

Въ центральномъ комитетѣ при всероссійскомъ медицинскомъ союзѣ зарегистровано по 17 декабря болѣе 1,000 убитыхъ и раненыхъ.

Для характеристики, насколько эта цифра не даетъ полныхъ свѣдѣній, приведу слѣдующій примѣръ: вчера въ бюро союза обратилось до 20 лицъ, у которыхъ въ эти дни несомнѣнно погибли или пропали безъ вѣсти родственники. По провѣркѣ тысячнаго именного списка нашелся только одинъ пропавшій, а гдѣ же еще 19?..

„Декабр. кров. дни въ Москвѣ". Въ «покойницкой» полиц. части.

Многія полицейскія части безусловно хоронили неопознанные трупы, такъ какъ изъ боязни нападенія на участки публика туда не допускалась.

Напримѣръ, въ Лефортовской части мнѣ заявили, что для осмотра покойниковъ, съ цѣлью опознаванія труповъ, требуется особое разрѣшеніе отъ генералъ-губернатора. Можете себѣ представить, какъ легко получить подобное разрѣшеніе!..

Тѣмъ не менѣе я побывалъ въ покойницкой Арбатской части, гдѣ такое разрѣшеніе почему-то не требуется.

Ужасная, неизгладимая картина.

Были тутъ и женщины, и дѣти, и старики, изуродованные, обезображенные, съ печатью смерти на устахъ...

XXVII.

Отъѣздъ изъ Москвы.

Вечеромъ 22 декабря я покинулъ Москву. На московскомъ Николаевскомъ вокзалѣ въ ожиданіи скораго поѣзда толпилось много публики. Всѣ, кто только имѣлъ возможность, спѣшили покинуть царство террора, арестовъ и репрессій этихъ дней.

При входѣ на вокзалъ обыски уже почти не производились. Едва только пристальный, пронизывающій взглядъ жандарма устремляется на входящаго пассажира или на его багажъ,— слышатся возгласы:

— Да нѣтъ у меня никакого оружія, даже перочинный ножичекъ дома оставленъ. Радехонекъ, что хотя самъ-то выбрался изъ этого ада!..

Тѣмъ не менѣе, въ пассажирскій залъ допускаютъ только при предъявленіи проѣзднаго билета. Вслѣдствіе такого трудно объяснимаго съ точки зрѣнія здраваго смысла правила, происходятъ любопытныя сценки.

Къ пассажирскому залу подходитъ супружеская чета.

— Ваши билеты, господа? — преграждаетъ имъ путь жандармъ.

У дамы билетъ оказывается, а супругъ заявляетъ, что онъ только провожаетъ.

— Нельзя-съ!—категорически произноситъ жандармъ.—По приказанію г. генералъ-губернатора въ пассажирскій залъ публика допускается только съ проѣздными билетами.

— Но, позвольте,— горячится супругъ,— кто же можетъ мнѣ запретить проводить жену? Вѣдь это нелѣпо. Ну, хорошо — я куплю билетъ до Клина, что ли, тамъ...

— Помилуйте!—слышится снисходительный отвѣтъ блюстителя порядка.—Зачѣмъ же до Клина? Можно и до Химокъ только...

Носильщику вручаются деньги на билетъ и тотъ еще упрощаетъ дѣло, купивъ билетъ за 14 к. только до Петровско-Разу-

мовскаго [1]). Такимъ образомъ, право на присутствіе въ пассажирскомъ залѣ куплено.

Послѣ второго звонка опять характерная современная сценка.

На перронѣ появляется жандармъ и съ нимъ группа солдатъ въ полномъ боевомъ вооруженіи.

— За мной, ребята! — обращается жандармъ къ солдатамъ, и вся ватага бросается къ вагону II класса за какимъ-то высокимъ господиномъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній жандармъ возвращается на площадку вагона.

— Тс-ссс... назадъ, ребята — не тотъ! — таинственнымъ, негромкимъ шопотомъ произноситъ онъ, и вся группа съ оторопѣлыми, недоумѣвающими лицами тихонько пятится назадъ.

XXVIII.

Общій обзоръ московскихъ событій.

Разбираясь въ своихъ московскихъ впечатлѣніяхъ, окидывая мысленнымъ взоромъ только что минувшія картины ужаса и крови, суммируя свои наблюденія, я никакъ не могу согласиться съ освѣщеніемъ этихъ событій нашими газетными рептиліями, а въ особенности Россійскимъ Телеграфнымъ Агентствомъ, являющимся иногда даже голосомъ официознымъ.

Бьющія на сенсаціи телеграммы о томъ, что революціонеры были прекрасно вооружены даже усовершенствованнымъ оружіемъ съ оптическими приборами, англійскими пулеметами (удивительной небывалой конструкціи), стрѣляющими съ заборовъ (!!!) и проч., и проч.,—можно объяснить въ лучшемъ случаѣ погоней за сенсаціей, но несомнѣнно такія извѣстія сослужили и свою провокаторскую службу.

Если только правительство когда-нибудь опубликуетъ свои собранныя отъ московскихъ «военныхъ операцій» трофеи,—едва-ли тамъ найдется «масса оружія» съ усовершенствованными приспособ-

---

[1]) Вслѣдствіе запрещенія выходить на улицу послѣ 9 час. вечера публика забиралась на вокзалъ съ 8 час. и билеты до ближайшей станціи можно было покупать на обыкновенный пассажирскій поѣздъ.

леніями, англійскіе пулеметы и проч. и проч., ибо на самомъ дѣлѣ революціонеры были вооружены домороще́нными кинжалами и ножами, револьверами, охотничьими ружьями и лишь небольшая часть— маузерами, браунингами и винтовками.

Такое вооруженіе предоставляло возможность дѣйствовать партизанскимъ способомъ или служило для самообороны, но отнюдь не могло примѣняться для массовыхъ наступательныхъ дѣйствій противъ хорошо вооруженныхъ войскъ.

Увы! намъ никогда не представится возможнымъ установить количество жертвъ, пострадавшихъ при погонѣ за поисками пресловутыхъ складовъ оружія. Лишь цѣлый рядъ предстоящихъ исковыхъ судебныхъ процессовъ мирныхъ обывателей съ казной на огромныя цифры за разгромленное и разбитое войсками имущество наглядно покажетъ, какъ широко примѣнялся историческій законодательный девизъ, перефразированный на современный ладъ: «лучше наказать десять невинныхъ, лишь бы найти среди нихъ одного виновнаго».

Въ моихъ корреспонденціяхъ съ московскаго театра военныхъ дѣйствій я неоднократно указывалъ, что достаточно было единичнаго выстрѣла изъ окна, или даже подозрѣнія, что таковой выстрѣлъ былъ произведенъ, чтобы артиллерія приступала къ разгрому злополучнаго зданія. Укажу еще на одинъ эпизодъ по этому поводу..

Участковый приставъ вызываетъ управляющаго однимъ изъ домовъ на Покровкѣ.

— Мы получили свѣдѣніе, что въ вашемъ домѣ спрятаны два ящика съ револьверами. Даю два часа сроку, а если ящики не будутъ отысканы и представлены сюда,—васъ вышлю изъ Москвы, а домъ будетъ громить артиллерія.

Озадаченный управляющій доложилъ о таковомъ ультиматумѣ домовладѣльцу.

Что прикажете дѣлать?.. Не можетъ же домовладѣлецъ принять на себя полицейскія обязанности и обыскать всѣхъ своихъ многочисленныхъ квартирантовъ, тѣмъ болѣе, что ни домовладѣлецъ, ни домовая администрація ничего подозрительнаго въ домѣ не замѣчали.

Пришлось покориться обстоятельствамъ и ждать рѣшенія своей участи. Въ домѣ, разумѣется, поднялся переполохъ.

Но вотъ прошли назначенные роковые часы, револьверы конечно

въ участокъ не представлены, и къ пріятному изумленію всѣхъ обитателей дома артиллерія такъ и не появилась.

Вѣроятно, въ виду близкихъ, грядущихъ праздничныхъ дней и полицейское сердце пристава смягчилось.

А могло окончиться и хуже!

* * *

Итакъ, огромное большинство пострадавшихъ при «усмиреніи» совершенно непричастныя къ возстанію жертвы.

Революціонеры удачно использовали растерянность властей и истомили войска «партизанскимъ» способомъ дѣйствія.

Почти не защищаемыя, иногда совершенно слабо сооруженныя баррикады являлись пугаломъ для встревоженныхъ войскъ, которыя только послѣ сильнаго артиллерійскаго огня рѣшались подойти къ нимъ.

А дружинниковъ тамъ, какъ не бывало!—заблаговременно они исчезали въ кривыхъ переулкахъ Москвы.

Войска изнемогали. А адмиралъ («кремлевскаго флота» по удачному выраженію г. Амфитеатрова) Дубасовъ все спасеніе видѣлъ въ безграничномъ террорѣ!..

И адская канонада не умолкала въ столицѣ.

Избивались безъ числа и разбора мирные жители Москвы, даже и дѣти!..

Какая то нелѣпая ненасытная кровавая месть руководила «усмирителями»!..

И впечатлѣніе этой грандіозной звѣрской расправы было огромное, но едва ли желательное для гг. Дурново, Дубасова и К°.

Вопіющая несправедливость, эта слѣпая безжалостная бойня всѣхъ и вся, возмущала жителей и безусловно революціонизировала даже самые консервативные элементы населенія.

Стоило взглянуть только, какъ и кѣмъ воздвигались баррикады.

Баррикады воздвигались какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались добровольцы — тутъ были и лавочники, и чиновники, и дворники, даже женщины и подростки... весь этотъ людъ добровольно тащилъ что могъ для созданія баррикады.

Изъ домашней рухляди, изъ мебели, изъ экипажей, изъ телеграфныхъ столбовъ и проволоки воздвигались «укрѣпленія», для

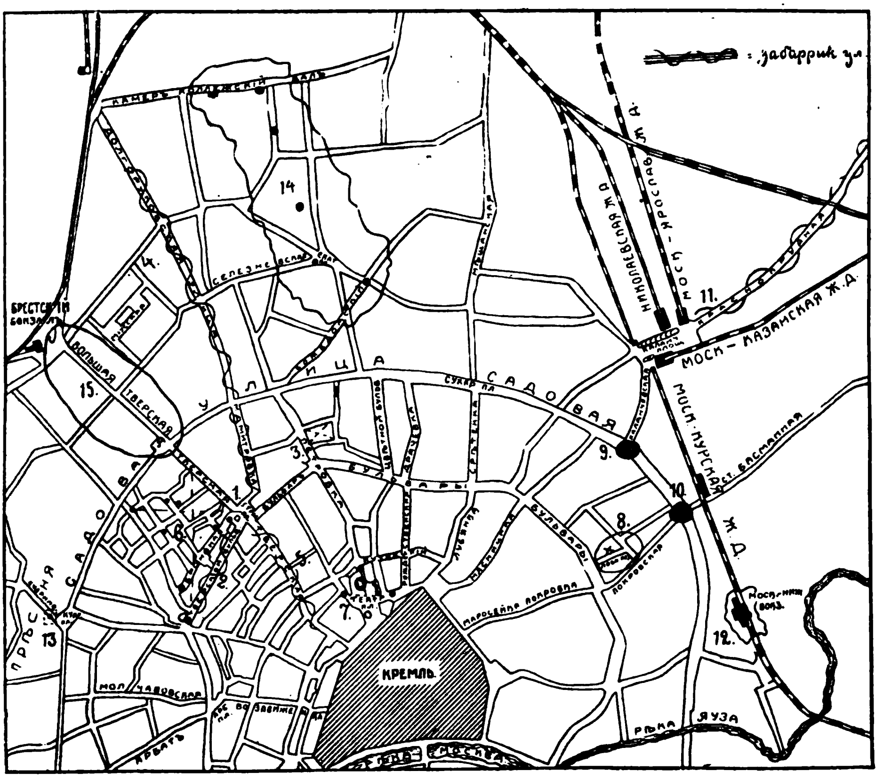
разрушенія которыхъ потрачено такъ много артиллерійскихъ снарядовъ.

Массы безусловно революціонизировались.

И кто знаетъ, чѣмъ бы и когда закончилось бы московское возстаніе, если бы не функціонировала Николаевская желѣзная дорога?..

Безпрерывныя подкрѣпленія къ войскамъ изъ Петербурга, сплошной артиллерійскій разгромъ съ массою безвинныхъ жертвъ — заставили революціонеровъ на этотъ разъ сложить оружіе...

Продолжать борьбу при настоящихъ условіяхъ—это значило бы итти на провокаторскую удочку правителей, на которую не поддались другіе города и веси многострадальной Россіи.



Планъ московскихъ баррикадъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Объясненіе къ цифрамъ на планѣ.

1. Страстной монастырь (10 и 11 декабря—баррикады).

2. Стрѣльба картечью 10 декабря вдоль Тверского бульвара.

3. На Малой Дмитровкѣ 13 декабря обстрѣливались артиллеріей проволочныя загражденія.

4. Баррикады и проволочныя загражденія, обстрѣливавшіяся 11, 12 и 13 декабря артиллерійскимъ огнемъ.

5. Тверская улица 10 декабря очищенная отъ баррикадъ и занятая войсками.

6. Студенческій кварталъ, въ которомъ черными кружками обозначены баррикады, 10 и 11 декабря обстрѣливался артиллеріей; войска проявляли тутъ особенное ожесточеніе, стрѣляя по окнамъ домовъ.

7. Театральная площадь, которая 13-го декабря была оцѣплена войсками и охранялась огнемъ изъ орудій.

8. Крестикомъ обозначенъ домъ Фидлера, обстрѣливавшійся двумя орудіями.

9. Баррикады у Красныхъ воротъ, на которыхъ происходилъ бой 10 и 11 декабря.

10. Баррикады, усиленно обстрѣливавшіяся 10, 11 и 12 декабря.

11. Каланчевская площадь и прилегающія улицы, которыя 11 и 12 декабря обстрѣливались артиллеріей, причемъ многіе дома сильно пострадали отъ попавшихъ снарядовъ. Здѣсь же 11, 12, 13 и 14 бой у Николаевскаго вокзала съ дружинниками, занявшими Рязанскій вокзалъ. Пожаръ магазина общества потребителей.

12. Баррикады передъ вокзаломъ, 11 и 12 декабря обстрѣливавшіяся артиллеріей.

13. Баррикады у Кудринской площади, которыя 11 и 12 декабря обстрѣливались изъ орудій.

14. Забаррикадированный раіонъ, который еще не обстрѣливался.

13. Грузины—забаррикадированный раіонъ, защищаемый революціонерами, много проволочныхъ загражденій.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Нѣкоторые характерные приказы адмирала Дубасова.

Отъ московскаго генералъ-губернатора.

Въ дополненіе уже обнародованныхъ въ столицѣ обязательныхъ постановленій, объявляю, что, въ виду все продолжающихся случаевъ стрѣльбы по чинамъ полиціи и войскамъ изъ засадъ, а также подъ прикрытіемъ темноты, мною впредь до отмѣны постановлено:

1. Въ мѣстахъ, гдѣ прекращено освѣщеніе, съ наступленіемъ темноты воспрещается открывать форточки или окна, обращенныя на улицы, а стекла такихъ оконъ должны быть завѣшаны.

2. Воспрещается всѣмъ, кромѣ лицъ должностныхъ, исполняющихъ свои служебныя обязанности, выходить на улицу отъ 9 часовъ вечера до 7 часовъ утра.

Настоящія обязательныя постановленія издаются на основаніи правилъ о положеніи чрезвычайной охраны, распространяются на городъ Москву, вступаютъ въ силу сего числа, и виновные въ ихъ нарушеніи подвергаются въ административномъ порядкѣ заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости на 3 мѣсяца, или аресту на тотъ же срокъ, или денежному штрафу до 3,000 рублей.

Московскій генералъ-губернаторъ,
генералъ-адъютантъ *Дубасовъ*.

12-го декабря 1905 года.

Отъ московскаго генералъ-губернатора.

Упорство, съ которымъ все еще поддерживается мятежническое движеніе, и тяжесть утомительной службы полиціи и войскъ, непрерывно занятыхъ подавленіемъ этого движенія, вынуждаютъ меня принять на время слѣдующія новыя охранительныя мѣры:

1. Послѣ шести часовъ вечера всѣ находящіяся на улицахъ лица будутъ подвергаемы обыску и, въ случаѣ, если у нихъ окажется оружіе, при отсутствіи установленнаго разрѣшенія на ношеніе такового, такія лица будутъ задерживаемы и подвергаемы аресту или штрафамъ въ порядкѣ, установленномъ ранѣе объявленными постановленіями.

2. Такъ какъ не только собирающіяся на улицахъ толпы, но и незначительныя кучки, всегда являются прикрытіемъ для мятежниковъ, стрѣляющихъ въ полицію и войска, то обыватели предупреждаются, что противъ всякой образовавшейся на улицѣ кучки болѣе трехъ человѣкъ, полиціи и войскамъ предписано употреблять оружіе.

3. Мятежники, между прочимъ, сформировали отряды для медицинской помощи своимъ раненымъ,—именующіе себя отрядами Краснаго Креста, и присвоившіе принадлежащіе этому учрежденію внѣшнія отличія. Объявляется обывателямъ, что мятежникамъ, раненымъ въ вооруженномъ столкновеніи съ войсками, медицинская помощь будетъ оказываема наравнѣ со всѣми лицами, нуждающимися въ этой помощи, учрежденіями, находящимися въ вѣдѣніи законныхъ властей; медицинскіе же отряды, дѣйствующіе въ соучастіи съ мятежомъ, будутъ вездѣ задерживаемы и подвергаемы законному преслѣдованію; а въ случаяхъ, когда они сами дѣйствуютъ оружіемъ (такіе случаи уже установлены), или смѣшиваются съ мятежническою толпою, противъ которой вызвана полиція или войска,— они будутъ обстрѣливаемы этими войсками.

4. Напоминается обывателямъ, что за поврежденіе телеграфа и телеграфныхъ столбовъ, законъ караетъ: лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и заключеніемъ въ арестантскія отдѣленія; или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжныя работы; въ нѣкоторыхъ же важнѣйшихъ случаяхъ, даже и смертною казнью. Поэтому лица, захваченныя при указанныхъ повредительствахъ, на мѣстѣ преступленія, будутъ предаваемы суду; но при затруднительности, а часто и невозможности задержанія такихъ преступниковъ, полиціи и войскамъ приказано прекращать всякія покушенія на телеграфъ выстрѣлами.

Московскій генералъ-губернаторъ,
генералъ-адъютантъ *Дубасовъ*.

12-го декабря 1905 года.

Изъ Прибалтійскаго края.

Къ читателямъ.

Не такъ много собрано мною фактовъ изъ карательной дѣятельности гг. Соллогуба, Безобразова, Орлова, фонъ-Сиверса и др. (имъ же имя легіонъ), но я бралъ только вполнѣ достовѣрные факты, а при существующемъ въ населеніи террорѣ собрать свидѣтелей очень трудно. Впослѣдствіи, когда терроръ будетъ сброшенъ, разумѣется, можно будетъ собрать цѣлые томы описаній «усмирительной эпохи».

I.

Письмо изъ Прибалтійскаго края.

Вотъ что говоритъ по поводу нынѣшняго положенія страны одинъ изъ мѣстныхъ эстонцевъ, знатокъ края:

«Крестьяне, освобожденные при Александрѣ I, какъ извѣстно, безъ земли, должны покупать землю у помѣщиковъ или брать въ аренду. Право рыбной ловли и охоты принадлежитъ исключительно только помѣщикамъ. Имъ же принадлежатъ всѣ лучшія земли и лѣса страны. Арендная плата, крайне высокая, повысилась по произволу помѣщиковъ до 25 рублей за десятину самой плохой земли. Дворянская кредитная касса выдавала ссуду изъ 6% (!) и только недавно % этотъ нѣсколько понизился. Съ крестьянъ взимается, такъ называемая, посошная подать (у насъ земскій сборъ), но деньги эти поступаютъ въ дворянскую кассу въ полное распоряженіе помѣщиковъ и идутъ почти исключительно на ихъ нужды. На эти деньги учреждаются, напримѣръ, нѣмецкія школы и проч. въ этомъ родѣ. Безземельные люди, которыхъ было множество, принуждены были поступать въ батраки къ помѣщикамъ, которымъ и послѣ разграниченія черты помѣщичьей и волостной земли остались лѣса и имѣнія, безъ сомнѣнія лучшіе уголки. И теперь еще, живя въ своихъ роскошныхъ имѣніяхъ, среди бѣдныхъ жалкихъ усадебъ крестьянъ, помѣщики-бароны воображаютъ себя средневѣковыми феодалами, и во всякомъ случаѣ смотрятъ на окружающій міръ глазами прусскаго всѣмъ извѣстнаго юнкера.

Родовая спѣсь, высокомѣріе и эгоизмъ — вотъ главныя черты характера барона. Все въ мірѣ существуетъ для его пользы. Отличаясь крайнимъ ретроградствомъ, они являются ярыми приверженцами существующаго режима, заклятыми врагами всякихъ свободныхъ начинаній. Они не прочь платонически помечтать о стремленіи своемъ къ крыльямъ одноглаваго орла, но, щедро осыпанные милостями двухглаваго—разжирѣвшіе и откормленные, какъ нигдѣ, они предпочитаютъ оставаться здѣсь, съ сытою ворчливостью по привычкѣ ругая все русское. Въ эстонцахъ и латышахъ прибалтійское дворянство не только не принимаетъ участія, а напротивъ, старается всѣми мѣрами препятствовать ихъ прогрессу. Въ этомъ они успѣваютъ, благодаря своему положенію въ краѣ и обширнымъ родственнымъ связямъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. И даже пасторовъ, пользуясь въ качествѣ патроновъ правомъ ихъ назначенія, они сдѣлали послушными орудіями для достиженія своихъ цѣлей, чѣмъ и объясняется страшное недовольство крестьянъ противъ пасторовъ. Но, тѣмъ не менѣе, за послѣднія 40 лѣтъ эстонцы и латыши сдѣлали большіе успѣхи. Крестьяне выкупили большую часть своихъ земель. Сколько нечеловѣческихъ усилій, сколько страданій, сколько удивительной энергіи потребовалось для достиженія этого успѣха!..

Еще въ 40 гг. терпѣніе эстляндцевъ лопнуло и они возмутились въ мѣстности Махтра. Войска подъ командою фонъ-Лайминга подавили возстаніе и послѣ суровыхъ и жестокихъ репрессій уцѣлѣвшая часть повстанцевъ была выслана въ Сибирь. Въ послѣдующіе годы всякая попытка къ возмущенію усмирялась всегда готовыми на зовъ вліятельныхъ бароновъ русскими драгунами!.. Но терпѣливый, многострадальный народъ неуклонно шелъ къ своей цѣли. Понемногу во всѣхъ городахъ эстонцы и латыши захватили въ свои руки городскія дѣла. Изъ среды ихъ появились ученые, адвокаты, врачи, фабриканты. Латыши и эстонцы заслужили названіе образованнаго народа, но отношеніе бароновъ къ нимъ не измѣнилось. Пропасть такъ же глубока, какъ и раньше.

И какъ близоруки, какъ халатны и слѣпы русскіе культуртрегеры края! Какую ненависть воспитываемъ мы въ народѣ, который при большемъ вниманіи къ его нуждамъ представляетъ чрезвычайно благодарный матеріалъ для культурнаго мирнаго развитія всякой страны.

И не только первое весеннее дуновеніе свободы во всей Россіи, не только агитаторская дѣятельность вожаковъ-революціонеровъ могли пробудить и поднять эстоно-латышскій народъ, но и одна капля, переполнившая чашу неизмѣримаго страданія отъ гнета бездушныхъ бароновъ, одна какая-нибудь искра, и было бы совершенно достаточно, чтобы взорвать начиненный порохомъ погребъ...

И что же?.. Эстоно-латышскій народъ поднялся противъ своихъ угнетателей помѣщиковъ. Крестьяне примкнули къ общему политическому освободительному движенію, хватаясь за него, какъ утопающій за соломенку. Большинство народныхъ массъ, плохо разбираясь въ оттѣнкахъ политическихъ партій, повели борьбу исключительно на аграрной экономической почвѣ. Чаша терпѣнія переполнилась— въ результатѣ погромы баронскихъ имѣній, замковъ и винокуренныхъ заводовъ. Въ Эстляндіи, только, такъ сказать, отражающей главное стихійное латышское движеніе, въ одномъ Ревельскомъ уѣздѣ разгромлено до 80 винокуренныхъ заводовъ съ усадьбами и до 600 имѣній!

Правительство встрепенулось. Бароны забили тревогу. Появились войска для усмиренія, начались разстрѣлы, экзекуціи, въ лучшемъ случаѣ—аресты... Началось сведеніе личныхъ расчетовъ и счетовъ на почвѣ скоропалительныхъ репрессій. Въ погонѣ за виновными «стрѣлочниками» создали мифическія организаціи латышскихъ и эстонскихъ республикъ, находили, арестовывали и разстрѣливали «президентовъ» этихъ республикъ и чуть ли не королей (!) будущихъ монархій!.. Головокружительная быстрота и безповоротность «военныхъ» мѣръ даютъ такія благопріятныя условія для искорененія всего ненавистнаго сильнымъ міра сего подъ видомъ крамолы. Бароны, пострадавшіе самымъ чувствительнымъ своимъ мѣстомъ, карманомъ, неистовствуютъ, усердствуя въ добровольномъ сыскѣ среди несчастнаго сурово — почти безъ разбора — караемаго населенія. Впрочемъ, вы все это увидите изъ цѣлаго ряда фактовъ, которые я собираю здѣсь на мѣстѣ.

Во всякомъ случаѣ, благосклонное участіе бароновъ въ предпринятыхъ репрессіяхъ установить не трудно. Поэтому не трудно судить, что можно ожидать отъ совѣщательнаго голоса членовъ совѣщанія при временномъ эстляндскомъ генералъ-губернаторѣ, избранныхъ мѣстныхъ ландтагомъ депутатовъ. Вотъ эти имена: предводитель дворянства баронъ Деллингсгаузенъ, уѣздный депутатъ

дворянства баронъ Шиллингъ изъ имѣнія Падасъ, замѣстителями ихъ—баронъ Будбергъ (бывшій предводитель дворянства) и баронъ Шиллингъ изъ им. Зейдель.

Ревель.

II.

Полемика по поводу письма I-го.

Настоящая полемика не могла своевременно появиться въ «Руси» вслѣдствіе моего продолжительнаго отсутствія изъ Петербурга.

Audiatur et altera pars.

Въ № 3 «Руси» помѣщена корреспонденція г. Климкова изъ Ревеля объ аграрномъ вопросѣ въ Эстляндской губ. Г. Климковъ ссылается на одного изъ мѣстныхъ эстонцевъ «знатока». Позвольте мнѣ, какъ уроженцу Эстляндской губ. и знатоку аграрнаго вопроса въ этой губ., издавшему объемистый трудъ по исторіи и системѣ крестьянскаго поземельнаго права въ Эстляндской губ., доказать, что этого эстонца уже никакъ нельзя признать знатокомъ края. Препровождая вамъ свои опроверженія, я убѣжденъ въ томъ, что вы, милостивый государь, дорожа принятымъ въ печати принципомъ «audiatur et altera pars» не откажете въ помѣщеніи, въ вашей уважаемой газетѣ, нижеслѣдующихъ строкъ:

1) Мѣстный, т. е. эстляндскій «эстонецъ-знатокъ» говоритъ, что право рыбной ловли и охоты принадлежитъ исключительно только покупщикамъ. Это неправда. Право охоты и рыбной ловли въ Эстляндской губ. пріобрѣтается по закону покупкою крестьянскаго поземельнаго участка и переходитъ на покупщика: если по этому дѣлу между продавцемъ и покупателемъ не заключены особыя условія, производство охоты въ губ. Лифляндской и Эстляндской подчиняется дѣйствію общихъ правилъ объ охотѣ, высочайше утвержденныхъ 3 февраля 1892 г.

2) Арендная плата, говоритъ «эстонецъ-знатокъ», крайне высокая и повысилась до 25 р. за десятину самой плохой земли. Это неправда. Изъ опубликованныхъ офиціальныхъ статистическихъ матеріаловъ видно, что арендная плата только въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ превышаетъ 6 р. за десятину удобной земли, средняя арендная плата въ губерніи равняется 3 р., а въ нѣкоторыхъ

имѣніяхъ съ плохой почвой понижается до $1^1/_2$ р. и даже до 1 р. Арендная плата за одну пашню лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ губерніи съ лучшими почвенными условіями незначительно превышаетъ 15 р. за десятину.

3) Дворянская кредитная касса выдавала ссуду изъ 6 проц. и только недавно проценты эти нѣсколько понизились. Это неправда. Дворянское кредитное общество выдаетъ ссуды изъ 4 проц. (т. е. на $^1/_2$ проц. меньше, чѣмъ русскіе поземельные банки) и взимаетъ кромѣ того $^1/_2$ проц. на управленіе и покрытіе другихъ расходовъ и $^1/_2$ проц. на погашеніе долга; до конверсіи 1898 г. имѣлись въ обращеніи $4^1/_2$ проц. и 5 проц. закладные листы.

4) Земскій сборъ, взимаемый съ крестьянъ, идетъ почти исключительно на нужды помѣщиковъ, напр., на учрежденіе нѣмецкихъ школъ. Это неправда. Въ Эстляндской губерніи существуетъ 3 земскихъ кассы: одна общеземская, другая—крупнаго землевладѣнія, а третья—касса дворянства; земскій сборъ съ крестьянъ поступаетъ только въ общеземскую кассу и употребляется исключительно только на общеземскія нужды. Нѣмецкихъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ не существуетъ.

5) Безземельные люди принуждены поступать въ батраки къ помѣщикамъ. Это правда. Крупное землевладѣніе въ культурной странѣ немыслимо безъ батраковъ. Но при этомъ матеріальное положеніе эстляндскихъ батраковъ, несмотря на бѣдность страны, нисколько не безобидное: женатый батракъ получаетъ комнату, съ отопленіемъ и всѣми хозяйственными принадлежностями, и содержаніе деньгами и продуктами, равняющееся въ общей сложности 160—180 р. въ годъ; въ Курляндской губерніи содержаніе батрака почти вездѣ достигаетъ 250 р. Вообще, крестьянское населеніе Эстляндской губ., если сравнить съ крестьянами центральныхъ губерній, нельзя признать бѣднымъ: въ кредитныхъ учрежденіяхъ одной только Эстляндской губерніи находится $8^1/_2$ милліоновъ руб. сбереженій крестьянъ, что составляетъ 25 р. на душу.

6) Помѣщики отличаются крайнимъ ретроградствомъ и являются ярыми приверженцами существующаго режима. Это опять неправда. Почти всѣ помѣщики принадлежатъ къ конституціонно-монархической партіи.

7) Прибалтійское дворянство старается всѣми мѣрами препятствовать прогрессу эстовъ и латышей. Это неправда. Эстонская и

латышская школы возникли благодаря стараніямъ прибалтійскаго дворянства, двѣ трети всѣхъ народныхъ школъ въ Эстляндской губ., до ихъ руссификаціи, содержались или совсѣмъ или отчасти на средства помѣщиковъ.

8) Пропасть между эстонско-латышской интеллигенціей съ одной и нѣмцами съ другой стороны такъ же глубока, какъ и раньше. Это усилилось, и потому, что эстонско-латышская интеллигенція усматриваетъ свою задачу въ вытѣсненіи повсюду нѣмецкаго элемента.

9) Большинство народныхъ массъ повели борьбу исключительно на аграрно-экономической почвѣ. Это неправда. Характерною чертою революціоннаго движенія въ Прибалтійскомъ краѣ являются между прочимъ оскорбленіе и уничтоженіе портрета государя, удаленіе законныхъ общественно-крестьянскихъ органовъ, сопротивленіе государственнымъ властямъ и т. д.

10) Въ Ревельскомъ уѣздѣ разгромлено до 600 имѣній. Это, къ счастью, неправда. Въ Ревельскомъ уѣздѣ существуютъ лишь 157 имѣній, а во всей Эстляндской губерніи 541.

11) Бароны не прочь помечтать о стремленіи своемъ къ крыльямъ одноглаваго орла, но щедро осыпанные милостями двухглаваго—разжирѣвшіе и откормленные, какъ нигдѣ, они предпочитаютъ оставаться здѣсь, съ сытою ворчливостью по привычкѣ ругая все русское. Это обвиненіе уже не поддается газетной полемикѣ, а вызвастъ другого рода возраженія.

А. фонъ-Г.

* * *

М. Г. Ознакомившись съ возраженіями г. фонъ-Г., я поспѣшилъ представить ихъ на усмотрѣніе г. M. W., взгляды котораго, между прочимъ, приводились въ мое корреспонденціи. Изъ помѣщаемыхъ ниже объясненій г. M. W., читатели могутъ судить, насколько смѣлыя, если не сказать больше, обличенія г фонъ-Г. въ «неправдѣ» заслуживаютъ общественнаго вниманія.

Въ свою очередь могу сказать слѣдующее. Г. M. W. извѣстенъ мнѣ какъ уроженецъ и повторяю—знатокъ Прибалтійскаго края, выступавшій съ своими статьями по аграрному вопросу въ русскихъ газетахъ (напримѣръ «Нашей Жизни»).

Усердно каюсь въ своемъ невѣжествѣ и сознаюсь откровенно, что при изученіи аграрнаго вопроса въ краѣ, я не прибѣгалъ къ «объемистому труду по исторіи и системѣ крестьянскаго поземельнаго права въ Эстляндской губерніи» почтеннаго автора г. фонъ-Г. Собирая на мѣстѣ всевозможные матеріалы по характеристикѣ всего края (г. фонъ-Г. явно искажаетъ истину, утверждая, что я говорю только про Эстляндію), я обращался къ нѣмецкимъ, русскимъ, латышскимъ и эстонскимъ дѣятелямъ и также ни отъ кого не слыхалъ ссылокъ на литературные труды г. фонъ-Г.

Зато почти единодушно всѣми признается, что до сихъ поръ наилучшимъ, правдивымъ, безпристрастнымъ и научно-обоснованнымъ трудомъ по мѣстному крестьянскому дѣлу является докладъ государю (императору Александру III) Манасеина. Такой отзывъ я между прочимъ слышалъ даже отъ одного изъ лицъ, занятаго въ данное время разработкой аграрнаго вопроса при Прибалтійскомъ генералъ-губернаторѣ.

И даже при краткомъ знакомствѣ съ данными упомянутаго доклада ярко обрисовывается вѣковая неблаговидная роль мѣстныхъ помѣщиковъ по отношенію къ измученному крестьянскому населенію (г. фонъ-Г. утѣшаетъ насъ указаніемъ на бытъ крестьянъ центральныхъ губерній Россіи—бываетъ молъ и хуже!..).

Что же касается приведеннаго мною замѣчанія, что «бароны не прочь *платонически* помечтать о стремленіи своемъ къ крыльямъ одноглаваго орла» и т. д. (г. фонъ-Г. для чего то выключилъ слово «*платонически*»), замѣчанія, которое по выраженію г. фонъ-Г. *не поддается газетной полемикѣ, а вызываетъ другого рода возраженія (!?)*, то охотно принимаю на себя отвѣтственность за эту фразу и всегда къ услугамъ г. фонъ-Г. для «другого рода возраженій»...

Доказать же не голословность упомянутой фразы не трудно—помимо пресловутаго откровеннаго признанія предводителя дворянства барона Деллингсгаузена—цѣлой прибалтійской германофильской литературой.

Василій Климковъ (*Васильковъ*).

P. S. Насчетъ числа пострадавшихъ имѣній была простая опечатка, своевременно оговоренная въ «Руси» — нужно вмѣсто 600 читать 100 (сто).

В. К.

* * *

Я хотя и не издавалъ «объемистаго» труда по исторіи и системѣ крестьянскаго поземельнаго права въ Эстляндской губ., но надѣюсь, что знаю жизнь Прибалтійскаго края не менѣе г. фонъ-Г. Я родился въ Прибалтійскомъ краѣ и провелъ тамъ большую часть своей жизни, причемъ имѣлъ возможность ознакомиться со всѣми сферами.

Съ большою ядовитостью обрушивается на меня потомокъ древнихъ меченосцевъ, объявляя каждое мое слово неправдою. Съ этимъ ударомъ онъ одновременно хочетъ уничтожить и г. Климкова, который будто бы слѣпо повѣрилъ первому встрѣчному. Однако, не такъ легко достанутся ему здѣсь лавры. Если г. Климковъ ссылается на мои слова, то это еще не значитъ, что онъ самъ не понимаетъ жизни нашего многострадальнаго края. Такъ называемыя «возраженія» г. фонъ-Г. есть и останутся сказками о зеленой лошади.

Г. фонъ-Г. говоритъ, что при продажѣ земли право рыбной ловли переходитъ на покупщика. Но пусть онъ укажетъ хоть одного крестьянина, кто бы имѣлъ право на рыбную ловлю. Бароны продавали крестьянамъ въ собственность только землю, а воду и всѣ права на нее оставляли за собою. Такъ какъ въ прежнее время насчетъ этого права не дѣлали прямыхъ указаній въ актахъ купли, то оно долгое время служило яблокомъ раздора между крестьянами и помѣщиками. Бароны всѣми силами стремились къ тому, чтобы достигнуть формальнаго признанія своего права на воду, какъ они вначалѣ прошлаго вѣка добивались формальнаго признанія своего права на землю. И здѣсь они добились своего. Въ 1899 году состоялось по этому вопросу сенатское рѣшеніе (рѣш. гражд. касс. деп. прав. сената за № 19). Докладывалъ сенаторъ Э. баронъ Гойнингенъ-Гюне, заключеніе давалъ товарищъ оберъ-прокурора Р. фонъ-Транзеге. Право рыбной ловли было признано исключительно за помѣщиками.

Желательно, чтобы всѣ юристы ознакомились съ этимъ замѣчательнымъ рѣшеніемъ сената. Оно по своей въ высшей степени удачной мотивировкѣ и хитроумнымъ доводамъ дѣлаетъ честь ба-
ронамъ.

То же можно сказать и относительно охоты. При продажѣ крестьянамъ земли юнкера всегда оставляли за собою право охоты, о чемъ дѣлалась оговорка въ контрактѣ. Теперь они сводятъ счеты съ тѣми изъ крестьянъ, которые дерзнули нарушить ихъ священное право. Примѣръ: близъ Оберпалена (въ Лифляндской губ.) былъ разстрѣлянъ 70-лѣтній крестьянинъ, уважаемый всѣми дворохозяинъ Михкель Лупъ, за то, что онъ, когда ему было еще 20 лѣтъ, убилъ оленя.

Далѣе г. фонъ-Г. говоритъ объ арендной платѣ и ссылается на какіе-то «официальные» статистическіе матеріалы. Жаль, что г. фонъ-Г. не указываетъ, къ какому году относятся эти матеріалы и какъ и кѣмъ они собраны. Цифры статистики очень часто являются у насъ въ Прибалтійскомъ краѣ выразителями воли бароновъ. Просьба къ вамъ, г. фонъ-Г.: наведите справку въ своихъ «статистическихъ матеріалахъ» и сообщите, въ какомъ имѣніи крестьяне платятъ за десятину удобной земли 1—$1^1/_2$ руб. Я знаю, что положеніе нашихъ крестьянъ-арендаторовъ прямо безвыходное. Принимая во вниманіе почвенныя условія нашего края, арендная плата является у насъ прямо сказочною. Объ этомъ много разъ писали также столичныя русскія газеты. Несмотря на все ухудшающіяся условія рынка, арендная плата за послѣднія 20 лѣтъ повысилась въ три раза. Въ настоящее время минимальная арендная плата составляетъ 15 руб. за десятину пахотной земли; но если считать на деньги и всѣ повинности, то выходитъ, что крестьянину-арендатору приходится платить гораздо больше. Но, къ сожалѣнію, арендная плата за десятину не 15 р., а 20—25 р. и еще больше.

Что касается дворянскихъ кредитныхъ обществъ, то г. фонъ-Г. здѣсь даже ничего не опровергаетъ. Сколько же пришлось эстляндскому крестьянину платить кредитному обществу на сто руб. ссуды до 1898 г., когда былп въ обращеніи 5 проц. закладные листы?

О земскомъ сборѣ (посошной подати) г. фонъ-Г. не слѣдовало бы даже упоминать. Нигдѣ такъ рѣзко не бросается въ глаза привилегированность прибалтійскихъ юнкеровъ и несправедливое распредѣленіе повинностей, какъ именно здѣсь. Всѣ три кассы составляютъ одну, такъ какъ всѣми ими безконтрольно завѣдуютъ бароны. Чтобы имѣть возможность эксплоатировать крестьянъ, для этого нужно было отдѣлить кассу мелкаго землевладѣнія (общезем-

скую кассу) изъ кассы крупнаго землевладѣнія. Изъ общеземской кассы покрываются общеземскіе расходы, а средства кассы крупнаго землевладѣнія почти цѣликомъ идутъ въ пользу бароновъ: подкупаются газеты, выдаются пособія всевозможнымъ нѣмецкимъ учрежденіямъ, а также и школамъ, гдѣ воспитываются потомки доблестныхъ рыцарей. Я приведу примѣръ. Въ гор. Юрьевѣ двѣ частныхъ мужскихъ гимназіи—нѣмца фонъ-Цеддельмана и эстонца Треффнера. Фонъ-Цеддельманъ получаетъ въ годъ 10,000 руб. субсидіи изъ земской кассы, а г. Треффнеръ не получаетъ ни гроша, хотя у него учениковъ въ три раза больше и каждый годъ десятки молодыхъ людей выдерживаютъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Хотя въ Прибалтійскомъ краѣ сейчасъ и нѣтъ школъ съ нѣмецкимъ языкомъ, но такихъ школъ имѣется множество, гдѣ вѣетъ самый чистый нѣмецко-юнкерскій духъ.

Несмотря на усиленные труды по составленію своей «объемистой» книги, г. фонъ-Г. не закрываетъ глазъ и на окружающую жизнь. Нужно удивляться его здоровымъ взглядамъ и богатой фантазіи. Пѣсня о «раѣ батраковъ» не нова. Я еще разъ утверждаю, и совершенно безпристрастно, что въ нашемъ краѣ нѣтъ людей болѣе угнетенныхъ и голодныхъ, нежели мызные батраки.

Это не люди, а каторжники. Надѣюсь, что «Русь» посвятитъ этому вопросу статью и воочію докажетъ г. фонъ-Г., что онъ не уважаетъ правды. Даже крестьянскіе милліоны ничего не доказываютъ. Изъ этихъ денегъ только небольшая часть принадлежитъ сельскимъ обывателямъ, а батракамъ принадлежитъ самая ничтожная часть.

Еще курьезнѣе попытка г. фонъ-Г. рекомендовать себя и своихъ сородичей-юнкеровъ, какъ прогрессивный элементъ. Для доказательства этого слѣдовало бы привести факты, но у г. фонъ-Г. ихъ нѣтъ. Но такихъ фактовъ, которые доказываютъ какъ разъ обратное, очень много. Юнкера являются ретроградиѣйшими изъ ретроградныхъ. Отъ нихъ вѣетъ средневѣковой инквизиціей и самымъ грубымъ эгоизмомъ. Ястребята, вылетѣвшіе изъ Прибалтійскаго края, душили и душатъ на Руси все живое. Цѣлая треть высшихъ мѣстъ въ гражданской и военной службѣ принадлежитъ прибалтійскимъ юнкерамъ. Они же составляютъ половину всѣхъ офицеровъ жандармскаго корпуса.

Далѣе г. фонъ-Г. говоритъ о доброжелательности нѣмцевъ по отношенію къ эстонцамъ и латышамъ. Но гдѣ же она? Неужели въ томъ, что эстонская и латышская интеллигенція и передовые люди въ краѣ, благодаря обильной любви юнкеровъ, разстрѣливаются, сидятъ въ тюрьмахъ или должны были спастись бѣгствомъ? Сказка о школахъ не лучше и не хуже другихъ имъ разсказанныхъ: пусть г. фонъ-Г. не думаетъ, что можетъ русскую публику заставить ей вѣрить.

8-й пунктъ «опроверженій» г. фонъ-Г. заключаетъ въ себѣ настоящую клевету. Эстонско-латышская интеллигенція ставитъ себѣ болѣе высокія и серьезныя цѣли, нежели «вытѣсненіе повсюду нѣмецкаго элемента». Эстонско-латышская интеллигенція всегда боролась за свободу и равноправность. Если борьба иногда обострялась, то виною этому былъ грубый эгоизмъ нѣмцевъ, боявшихся потерять свое привилегированное положеніе въ краѣ.

Не меньшую клевету заключаетъ и слѣдующій пунктъ. Г. фонъ-Г. всѣми силами старается придать движенію въ Прибалтійскомъ краѣ ложную окраску. Волна извнѣ коснулась, правда, и Прибалтійскаго края, но главными двигателями событій являются все-таки причины, начало которыхъ нужно искать въ исторіи Прибалтійскаго края, въ современныхъ экономическо-правовыхъ и соціальныхъ условіяхъ его жизни. Факты, о которыхъ говоритъ г. фонъ-Г., въ эстонскомъ краѣ были весьма рѣдки.

Болѣе всего разозлило честнаго трибуна фонъ-Г. то мѣсто въ письмѣ г. Василькова, гдѣ онъ говоритъ о двуличности юнкеровъ. Вполнѣ понятно, такъ какъ г. Климковъ коснулся ихъ больного мѣста. Подтвержденія не нужно искать далеко. Читатели «Руси» навѣрно помнятъ еще слова Эстляндскаго губернскаго предводителя дворянства барона Делингсгаузена, сказанныя по поводу сбора пожертвованій въ Германіи, угрозы же г. фонъ-Г. никому не страшны.

Прибалтійскіе нѣмцы ненавидятъ русскихъ: это не для кого не тайна. Жаль только русскаго, которому юнкера за всѣ его благодѣянія отплачиваютъ черной неблагодарностью!

Итакъ, ни одно изъ «возраженій» благороднаго юнкера не выдерживаетъ критики. Все его письмо — казуистика и явное извращеніе истины.

M. W.

III.

„Революція“ въ Іевве и диктаторскій разстрѣлъ.

Я рѣшилъ остановиться въ мѣстечкѣ Іевве, гдѣ, судя по газетамъ, также перекатывались волны прибалтійской революціи.

Въ мѣстечкѣ было спокойно.

Только разгуливающіе повсюду моряки-часовые напоминали о боевомъ времени. Толпа чистыхъ, культурныхъ на видъ эстонцевъ (день былъ воскресный—въ мѣстечкѣ былъ съѣздъ изъ волостей) о чемъ то таинственно перешептывалась, пугливо разступаясь при приближеніи обладателей свѣтлыхъ пуговицъ.

При взглядѣ на эту корректную, принаряженную толпу крестьянъ (какой, увы, контрастъ съ нашими крестьянами!) какъ то не вязалось представленіе о кровавой борьбѣ, о погромахъ и расправахъ.

И только въ киркѣ, куда я и мой спутникъ-переводчикъ эстонскаго языка заглянули, можно было подмѣтить, сколько затаенныхъ страданій таится подъ маскою равнодушнаго, холоднаго на видъ эста.

Глаза и старыхъ, и молодыхъ типичныхъ эстонокъ и эстонцевъ, страдающіе, съ невыразимою мукой глаза, устремлялись къ Тому, Кто одинъ только такъ далеко отъ мрачной земли являлся идеаломъ правды и милосердія...

* * *

Мы побывали у іеввескихъ жителей, стараясь по ихъ разсказамъ возстановить картину минувшаго.

Слѣды рѣшительныхъ мѣръ такъ еще живо отражались въ памяти крестьянъ, мѣры эти такъ терроризировали ихъ, что съ трудомъ удалось возстановить картину происшедшаго.

Для того, чтобы вы полнѣе уяснили себѣ значеніе послѣдующихъ фактовъ, постараюсь освѣтить политическіе мотивы освободительнаго движенія въ Эстляндіи, которое впрочемъ мало чѣмъ отличается отъ характера общаго движенія Прибалтійскаго края.

Какъ вы увидите, всѣ заявленія нашихъ газетныхъ рептилій о намѣреніи эстонцевъ (и латышей) отложиться отъ Россіи и перейти подъ верховную власть Германіи (!!!) или Финляндіи, или основать республику окажутся чистѣйшимъ абсурдомъ и вымысломъ.

Въ концѣ ноября прошлаго года по мысли редактора эстонской газеты „Постимесъ“ Теннисона въ Юрьевѣ былъ созванъ народный конгрессъ для выработки политической программы. Приглашены были по 2 депутата отъ каждаго эстонскаго общества и по 2 депутата отъ волости (одинъ—отъ домохозяевъ и одинъ—отъ безземельныхъ), кромѣ того, были приглашены депутаты отъ городовъ—часть отъ рабочихъ, часть отъ промышленниковъ.

Собраніе, на которое собралось болѣе 800 человѣкъ, состоялось въ залѣ общества „Бюргермуссе“. Здѣсь вскорѣ же выяснились главныя положенія, и собраніе разбилось на двѣ фракціи. Первая—болѣе умѣренная во главѣ съ Теннисономъ продолжала засѣданія въ «Бюргермуссе», вторая—во главѣ съ адвокатомъ Теманомъ перешла въ залъ университета.

Я приведу здѣсь резолюціи партіи теманговской, какъ болѣе крайней:

1) Полученіе автономіи подъ верховной властью Россіи, причемъ вѣдѣнію центральнаго правительства подлежатъ международныя отношенія, государственная оборона, общія монеты, почта и телеграфъ, общія желѣзныя дороги, имѣющія общегосударственное значеніе. 2) Полная свобода языка, самостоятельные суды съ присяжными, школа и полиція передается въ руки общества. Вотъ главнѣйшіе пункты постановленія крайней партіи. Затѣмъ по поводу современнаго положенія Россіи сдѣланы слѣдующія постановленія: 1) Въ городѣ и въ деревнѣ установить революціоннымъ путемъ самоуправленіе, 2) бойкотировать чиновниковъ и представителей государственныхъ учрежденій, 3) закрыть всѣ пивныя и винныя лавки, корчмы, пивоваренные и винокуренные заводы, 4) бойкотировать военную службу — рекрутовъ оставить дома, а если ихъ будутъ брать силой—охранять съ оружіемъ, препятствовать передвиженію войскъ и не давать имъ подводъ и съѣстныхъ припасовъ, 5) изъ банковъ и кассъ немедленно потребовать деньги золотомъ, 6) не платить казнѣ податей и посошныя дворянству, также не платить помѣщикамъ и въ пользу церквей и ввести новый прогрессивный подоходный налогъ, 7) школу передать въ руки новаго самоуправленія и вести преподаваніе на родномъ языкѣ, оставивъ русскій языкъ, какъ предметъ, 8) бойкотировать всѣ судебныя инстанціи и избрать новыхъ судей, 9) вооружить народъ и организовать милицію, 10) нужно всѣми силами поддерживать всеобщую

забастовку, 11) стремиться къ освобожденію политическихъ, требовать скорѣйшаго возвращенія Манчжурской арміи, требовать уничтоженія военнаго положенія, военныхъ судовъ, смертной казни и административнаго произвола, 12) требовать расформированія арміи и передачи вооруженія народной милиціи, 13) требовать созыва учредительнаго собранія.

Постановленія Тениссонской фракціи нѣсколько болѣе умѣреннаго характера и не признаютъ осуществленія программы путемъ революціоннымъ, допуская лишь пассивное сопротивленіе дѣйствіямъ правительства.

Вотъ тезисы прибалтійскаго освободительнаго движенія, еще довольно смутные для крестьянскихъ обществъ и народныхъ массъ. Крестьянское населеніе твердо сознаетъ одно — гнетъ помѣщиковъ сдѣлался невыносимъ, защиты не видно ни отъ властей, ни отъ суда, а поэтому нужно примкнуть къ новой лучшей организаціи.

* * *

4-го декабря въ Іевве состоялся первый многолюдный митингъ, на который собрались болѣе 1,500 батраковъ и безземельныхъ крестьянъ. На этомъ митингѣ было рѣшено избрать при содѣйствіи мѣстнаго сельско-хозяйственнаго общества (принадлежащаго къ умиротворенной Тениссонской партіи) комитетъ для организаціи слѣдующихъ митинговъ. Членами комитета были избраны Тамъ, Клетбергъ и Данилевскій.

9-го декабря состоялся второй митингъ, избравшій новую волостную администрацію. Затѣмъ толпа человѣкъ около 500 отправилась по мѣстечку Іевве и совершила цѣлый рядъ дѣйствій: 1) закрыли всѣ винныя лавки; съ аптеки и мирового суда сняли наружные государственные гербы; 3) въ министерскомъ училищѣ уничтожили высочайшіе портреты и икону, предложивъ учителю Тальпу, котораго въ мѣстечкѣ не любили за его будто бы черносотенное направленіе, уволиться.

Вотъ дѣйствія іеввеских революціонеровъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что всѣ дѣйствія обошлись безъ вооруженныхъ столкновеній и въ окрестностяхъ никакихъ погромовъ и насилій произведено не было. Впрочемъ, революціонеры подали еще судьѣ одно прошеніе, въ которомъ просили сбавить арендную плату. Прошеніе то, написанное однимъ изъ вожаковъ движенія, было возвращено

писаремъ судьи, какъ незаконное. Послѣ совѣщанія, на которомъ кажется большинство склонялось къ исправленію текста прошенія, оно было безъ исправленій вновь подано. Вмѣсто отвѣта на это прошеніе крестьянъ потребовали въ судъ. Тогда они подали заявленіе, подписанное многими, въ томъ числѣ бывшимъ помощникомъ волостного старшины Михкелемъ Кереманомъ, въ которомъ, какъ сбивчиво и туманно объясняютъ крестьяне, рѣзко отвергалось право существующаго суда. Жалоба на высокую арендную плату относилась къ помѣщику барону Манделю изъ Эйханхайна.

Дня черезъ два послѣ описанныхъ событій въ Іевве появились войска.

Начались обыски и аресты. Многихъ арестовали по указанію мѣстнаго урядника Бринкмана, имѣющаго съ крестьянами старые счеты. Арестовали 12 человѣкъ членовъ пожарнаго общества за то, что они когда то письменно предложили пожарное депо для устройства митинговъ. Членовъ комитета для организаціи митинговъ Клетберга и Данилевскаго также арестовали, а Таму и еще одному дѣятелю Краусу удалось бѣжать, что вызвало появленіе на столбахъ и стѣнахъ Іевве слѣдующаго акта военной импровизированной юриспруденціи:

«Въ силу даннаго мнѣ полномочія симъ объявляю, что лица, завѣдомо скрывающія бунтовщиковъ І. Тамма и М. Крауса или оказывающія имъ какое-либо другое содѣйствіе, признаны будутъ также бунтовщиками и подвергнуты смертной казни, а крестьянъ волостного общества, въ предѣлахъ котораго они окажутся завѣдомо скрытыми, буду подвергать штрафу до 15 тысячъ рублей. Лицо же, содѣйствующее обнаруженію или поимкѣ ихъ, будетъ награждено. Начальникъ 1 военнаго участка лейтенантъ Беклемишевъ. № 2469, 1906 г. 2 января, м. Іевве».

А что г. Беклемишевъ шутить не любитъ, доказываетъ слѣдующій трагическій эпизодъ, записанный мною со словъ мѣстныхъ жителей.

Въ волость нагрянули начальникъ Везенбергскаго уѣзда г. Уткинъ (всегда пользовался уваженіемъ населенія), лейтенантъ Беклемишевъ, урядникъ и солдаты. Тутъ же вертѣлся одинъ изъ помѣщиковъ-бароновъ. Крестьяне разбѣжались, но человѣкъ 12 оказались окруженными, въ томъ числѣ и бывш. помощникъ волост. старшины Кереманъ. Начальство спросило у арестованныхъ, подписы-

вали ли они «заявленіе». Нѣкоторые отвѣтили утвердительно, нѣкоторые отговаривались незнаніемъ. Тогда г. Беклемишевъ приказалъ всѣхъ арестованныхъ временно запереть въ домѣ, а Керемана, какъ наиболѣе по мнѣнію лейтенанта виновнаго, отвести во дворъ и... разстрѣлять.

Керемана схватили солдаты и вывели на дворъ. За ними, несмотря на грозные окрики начальства, бросился одинъ престарѣлый эстонецъ, оставшійся свидѣтелемъ послѣдующей тяжелой сцены. Этотъ старикъ валялся въ ногахъ у офицера, умоляя пощадить Керемана, если и виновнаго, то не болѣе другихъ.

Но исполнители—я не говорю судьи, такъ какъ все рѣшеніе и дѣло произошло въ теченіе не болѣе $^1/_2$ часа, когда нельзя было произвести самаго кратчайшаго слѣдствія и *полевѣйшаго* суда—были неумолимы.

Керемана привязали къ воротамъ. Онъ попросилъ разрѣшенія проститься съ женой и дѣтьми—ему отказали. Онъ попросилъ позволенія помолиться и, какъ-то высвободивъ руку, занесъ крестное знаменіе...

Грянулъ троекратный залпъ шести солдатскихъ винтовокъ...

Казнь совершилась!

Даже и терроризованные жители Іевве возмутились и заволновались такой жестокой, скорой и несправедливой расправой.

По общему мнѣнію Керманъ палъ невинною жертвой — онъ былъ чуждъ понятій о значеніи политическаго движенія.

Для успокоенія умовъ г. Беклемишевъ издалъ такое объявленіе:

«Для прекращенія распространяющагося неправильнаго слуха, объявляю жителямъ м. Іевве и окрестностей, что крестьянинъ деревни Кахулъ Керманъ *разстрѣлянъ мною*, какъ агитаторъ и главарь *незаконно составленнаго заявленія*.

Начальникъ военнаго участка лейтенантъ Беклемишевъ. Съ подлиннымъ вѣрно: и. д. начальника Везенбергскаго уѣзда Уткинъ. № 2.445. Декабря 30-го, 1905 г.»

«*Разстрѣлянъ мною*»...—Да развѣ это не диктаторскій разстрѣлъ?

Нужны ли для васъ комментаріи? Для меня они не нужны, такъ какъ я видѣлъ выраженіе ужаса и безумнаго недоумѣвающаго горя при одной передачѣ этого трагическаго эпизода...

Здѣсь же, въ Іевве, такимъ же способомъ были разстрѣляны работникъ Августъ Мауеръ и крестьянинъ Давидъ Куллама.

„Въ Прибалтійскомъ краѣ". Сложеніе оружія, отобраннаго у населенія.

Кромѣ того арестованы и судьба ихъ неизвѣстна еще до 40 крестьянъ.

* * *

Чтобы полнѣе закончить описаніе «революціи» въ Іевве, долженъ упомянуть, что въ окрестностяхъ сгорѣло нѣсколько старыхъ помѣщичьихъ сараевъ, причины пожаровъ которыхъ бароны указываютъ на поджоги, крестьяне же усматриваютъ въ этихъ пожарахъ провокацію.

Оружіе по требованію военныхъ властей добровольно было доставлено крестьянами на мызу Іевве въ количествѣ нѣсколькихъ возовъ. Это—преимущественно были старинныя охотничьи ружья и часть финскихъ ножей—обычная принадлежность каждаго крестьянина Прибалтійскаго края по обыкновенію охотника, впрочемъ, давно уже властью бароновъ лишеннаго этого удовольствія.

Выясняя ничтожность революціоннаго движенія въ Іевве и Тапсѣ, я вовсе не хочу этимъ сказать, что все движеніе всего края носитъ такой характеръ. Далеко нѣтъ! Уже въ Ревельскомъ уѣздѣ, а тѣмъ болѣе въ Лифляндіи и Курляндіи революція носила стихійный характеръ, но я описываю въ порядкѣ моего постепеннаго слѣдованія въ этотъ край и параллельно съ возстаніемъ отмѣчаю репрессіи, и вы видите, какое получается соотвѣтствіе!..

IV.

Къ освободительному движенію въ Эстляндской губерніи.

Въ эстляндскомъ генералъ-губернаторствѣ такъ же, какъ и въ остальныхъ областяхъ Прибалтійскаго края, да и вообще въ Россіи, освободительное движеніе проявилось давно въ городскихъ и рабочихъ массахъ, достигнувъ наивысшаго развитія въ извѣстные прошлогодніе октябрьскіе дни. Что же касается крестьянскаго эстонскаго населенія, то слѣдуетъ замѣтить, что въ Эстляндіи вплоть до объявленія военнаго положенія никакихъ волненій, погромовъ и насилій не производилось. Бывали кое-гдѣ незначительные частные случаи, являющіеся слабымъ отраженіемъ движенія въ Курляндіи и Лифляндіи, но въ объявленіи военнаго положенія надобности никакой не было.

Такъ дѣло тянулось до 9 декабря прошлаго года.

Вотъ краткое описаніе того, что произошло потомъ въ передачѣ одного изъ мѣстныхъ ревельскихъ обывателей:

8 декабря въ Ревелѣ было получено извѣстіе о рѣшеніи петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ объявить забастовку.

Въ этотъ же день рѣшеніе это было съ прибавленіемъ призывного воззванія ревельскаго комитета р. с.-д. р. п. издано за подписью послѣдняго.

Къ 2 ч. дня забастовали почти всѣ крупные заводы и фабрики.

Въ слѣдующій день (9-го) состоялись митинги. Къ забастовкѣ присоединились „Балтійская мануфактура“, всѣ остальныя фабрики и даже мелкія мастерскія. Въ этотъ же день было издано возваніе р. к.-р. с.-д. р. п. и с. р. д. города Ревеля къ гражданамъ. На собраніи совѣта р. д. было рѣшено закрыть всѣ торговыя предпріятія, за исключеніемъ торгующихъ съѣстными припасами; рѣшено было также заставить бастовать городовыхъ. 9-го же остановилась желѣзная дорога. Въ городѣ все было спокойно. Ночью съ 9 на 10 были арестованы члены желѣзнодорожнаго бюро г.г. Соловейчикъ, Нейманъ и Викманъ. Утромъ 10 декабря появилось объявленіе эстляндскаго губернатора Гирса о введеніи военнаго положенія въ Ревелѣ и уѣздѣ. Обязательныхъ постановленій издано не было. Тогда состоялись многолюдные митинги на многихъ фабрикахъ. Въ это время въ городѣ и уѣздѣ все еще было спокойно. У большинства даже существовало убѣжденіе, что желѣзнодорожная забастовка, какъ почти и вездѣ въ Россіи, будетъ сорвана. Но начались многочисленные аресты русскихъ и эстонскихъ дѣятелей, даже вполнѣ легальныхъ и пользующихся въ городѣ общимъ уваженіемъ. Вліяніе „нѣмецкой партіи“ въ этихъ арестахъ было болѣе чѣмъ очевидно. Захватывались русскіе и эстонцы, которые могли бы пройти при выборахъ въ Государственную Думу и составить тамъ хотя бы большинство радикаловъ. Арестовали начальника желѣзнодорожной станціи Грибанова и даже его жену, почтенную даму, дѣти которой уже взрослые—одинъ студентъ. Арестовали старшаго фабричнаго инспектора Шевалева, эстонскаго писателя Микельсона и мн. др. Наконецъ арестовали крестьянскихъ депутатовъ и многихъ рабочихъ. Встревоженное населеніе объяснило объявленіе военнаго положенія и аресты лучшихъ мѣстныхъ дѣятелей настояніемъ ненавистной нѣмецкой партіи и происками бароновъ. Въ отвѣтъ на

эти мѣры въ уѣздѣ вспыхнули безпорядки. Начались поджоги, разгромъ заводовъ и имѣній и захватъ въ плѣнъ помѣщиковъ. Терпѣливые, всегда тяготѣющіе къ законному порядку, эстонцы не выдержали, наконецъ, и яркая вѣковая злоба разлилась въ стихійный мятежъ.

Въ уѣздъ двинулись войска. Такъ начался „возстаніе“ здѣсь.

V.

„Революція“ въ Тапсѣ и окрестностяхъ и разстрѣлъ браконьера.

Въ окрестностяхъ Тапса, такъ же какъ и Іевве, движеніе проявлялось очень слабо.

Въ Тапсѣ первая вспышка (впрочемъ и послѣдняя) произошла 8 декабря.

На станціи Тапсъ остановился вагонъ, нагруженный оружіемъ и охраняемый солдатами. Говорили, что оружіе везутъ въ Ревель.

У станціи собралась большая толпа эстонцевъ, рекрутовъ и крестьянъ. Какъ молнія толпу облетѣлъ слухъ, что оружіе выслано изъ Петербурга для врученія баронамъ съ цѣлью ихъ лучшаго вооруженія противъ эстонцевъ. Не долго думая, толпа ринулась къ вагону, пытаясь разнести его. Солдаты встрѣтили толпу залпами, причемъ былъ убитъ одинъ молодой парень, остальные разбѣжались.

Вскорѣ на станцію прибыли моряки и воцарилась военная власть. Разсказываютъ, что мичманъ фонъ-Штейнъ потребовалъ отъ крестьянъ добровольнаго обнаруженія оружія, угрожая въ противномъ случаѣ разстрѣломъ.

Оружіе приносили. Начались аресты. Между прочимъ арестованы мѣстный телеграфистъ и пом. начальника станціи г. Праке, сильно не ладившіе до того съ молодымъ помѣщикомъ барономъ Гойненгенъ-Гюне.

Но дѣло не ограничилось только арестами, былъ и разстрѣлъ.

Верстахъ въ 2-хъ отъ Тапса проживалъ со старымъ отцомъ молодой одинокій крестьянинъ Вельплеръ.

Вельплеръ, по характеристикѣ его односельчанъ, былъ человѣкъ веселый, любилъ выпить и занимался почти исключительно охотой, за что на него уже давно точили зубы бароны-помѣщики.

И вотъ — если вѣрить мѣстнымъ жителямъ — что произошло.

Поздно вечеромъ въ ворота дома, занимаемаго Вельплерами, постучались. Открываются двери и появляется офицеръ съ солдатами (матросами). У молодого Вельплера спрашиваютъ—гдѣ ружье? Онъ говоритъ, что ружье уже продано. Начинается обыскъ. Ружья дѣйствительно не оказалось, но нашли финскій охотничій ножъ.

— Слѣдуй за нами!—сказалъ офицеръ молодому Вельплеру.

Тотъ повиновался. Вышли на улицу.

— Ступай впереди, мы пойдемъ за тобой.

Вельплеръ выдвинулся впередъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Грянулъ выстрѣлъ и выбѣжавшій на шумъ его старый Вельплеръ нашелъ только трупъ своего сына.

VI.

Разстрѣляніе вмѣсто плетей по просьбѣ приговореннаго.

Въ приходѣ Финкель-Гапсальскаго уѣзда (раіонъ усмиренія генерала Безобразова) на этихъ дняхъ разстрѣляли 3 человѣкъ, изъ коихъ одинъ безусловно интеллигентный человѣкъ Б. Лайпманъ. Кромѣ того здѣсь же подверглись жестокой экзекуціи 64 крестьянина—старые и молодые и сельскіе учителя! Войска сожгли три эстонскихъ усадьбы и новый волостной домъ, послѣдній за то, что въ немъ повстанцы уничтожили царскій портретъ. При усмиреніи дѣятельное добровольное участіе принимаютъ бароны и просто «фоны».

Очень тяжелы подробности разстрѣла Бернгарта Лайпмана.

Несчастный 16 января только что вернулся изъ Ревеля къ своей семьѣ. Это былъ образованный человѣкъ, музыкантъ и интеллигентный дѣятель (братъ его довольно извѣстный въ Ревелѣ художникъ).

Едва только Лайпманъ вошелъ въ свой домъ, какъ появился съ 6 солдатами офицеръ запаса фонъ-Реппенкампфъ (братъ манчжурца).

Лайпмана арестовали, предъявивъ ему обвиненіе во-первыхъ, въ томъ, что онъ будто бы подговаривалъ крестьянъ не платить помѣщикамъ аренды и, во-вторыхъ, за участіе въ извѣстномъ ноябрьскомъ юрьевскомъ конгрессѣ.

Военный судъ собравшихся офицеровъ былъ кратокъ—Лайпману присудили 100 ударовъ плетью.

Лайпманъ запротестовалъ, категорически заявивъ, что онъ предпочитаетъ разстрѣлъ, чѣмъ такой позоръ. Его заявленіе уважили.

Несчастнаго разстрѣляли!

Случай этотъ, по ужасу казалось бы невѣроятный, записанъ со словъ близкаго къ Лайпману лица.

VII.

Провокація и списки.

Проѣздомъ изъ Іевве въ Тапсъ, въ вагонѣ — по свидѣтельству моего спутника — одинъ молодой человѣкъ (судя по разговору, изъ имѣнія Лехтсъ — помѣщикъ или управляющій) говорилъ своей дамѣ:

— О, у насъ спокойно! Мы составили списокъ безпокойныхъ крестьянъ у кого было оружіе, и передали дѣло офицеру... И конечно у насъ теперь спокойно... (Говорилось это, конечно, на чистѣйшемъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ).

* * *

Для характеристики дѣятельности бароновъ приведу случай, имѣвшій мѣсто—по свидѣтельству очевидцевъ—въ вышеупомянутомъ приходѣ Фиккель.

Еще прошлымъ лѣтомъ въ деревнѣ останавливается какой-то молодой человѣкъ, называющій себя собирателемъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ. Вскорѣ онъ начинаетъ распространять прокламаціи, въ которыхъ заключается подстрекательство къ разгрому и поджогу имѣній. Крестьяне схватили его и арестовали. Тогда онъ открыто заявилъ, что ему все равно ничего не сдѣлаютъ, такъ какъ онъ агентъ тайной полиціи Александръ Тупскъ. Заявленіе это подтвердилось документомъ. Между прочимъ у Тупска вырвалось характерное признаніе, что его подослалъ владѣлецъ имѣнія Фиккель молодой баронъ Икскуль.

VIII.

Погромы.

Я уже отмѣчалъ, что въ Эстляндіи пострадало отъ погромовъ до 80 винокуренныхъ заводовъ съ усадьбами и до 100 имѣній — (опечатка исказила эту цифру въ 600). [1])

---

[1]) Эстляндскій ландтагъ уже постановилъ начать съ правительствомъ переговоры о возмѣщеніи убытковъ за сожженныя и разгромленныя имущества. *Итакъ—опять раскошеливайся русская многострадальная казна!..* *В. К.*

Собрать весь матеріалъ и описать погромы потребовалось бы слишкомъ много времени и мѣста. Отмѣчу наиболѣе характерные случаи.

Въ общемъ картина народной мести была дѣйствительно ужасна. Разъяренная толпа бурно изливала свою злобу своимъ вѣковымъ угнетателямъ.

Но помѣщики и тутъ сами подливали масло въ огонь. Ихъ провокаторская дѣятельность, доносы, наускиваніе военныхъ властей, если такъ можно выразиться, разжигали страсти. Многіе очевидцы разсказывали мнѣ, что видѣли во главѣ карающихъ военныхъ отрядовъ въ качествѣ добровольныхъ указчиковъ молодыхъ бароновъ. Были случаи, когда бароны участвовали съ оружіемъ въ рукахъ въ преслѣдованіи повстанцевъ.

* * *

Вотъ ужасныя подробности смерти помѣщика фонъ-Баранова.

Поздно вечеромъ къ парадному крыльцу помѣщичьяго дома имѣнія Пенингби подъѣхало нѣсколько саней съ повстанцами. Человѣкъ около 30 повстанцевъ окружили домъ и немедленно открыли ружейный огонь по окнамъ.

На заднемъ крыльцѣ появился владѣлецъ имѣнія помѣщикъ фонъ-Барановъ и тутъ же былъ тяжело раненъ выстрѣломъ изъ ружья. Несчастный кое-какъ дотащился все-таки до комнаты, гдѣ и упалъ на диванъ. Съ воплями отчаянія его окружили домашніе — жена, дѣти, гувернантка. Въ комнату ворвались безпредѣльно разъяренные повстанцы и 4 пулями прикончили помѣщика. Жену, дѣтей и гувернантку они ударами вытолкали на дворъ, послѣ чего начался разгромъ имущества и пожаръ.

* * *

Группа повстанцевъ, въ числѣ которыхъ, какъ говорятъ, кромѣ эстонцевъ, были и латыши, окружили имѣніе Куйменъ. Арендаторъ имѣнія фонъ-Самсонгъ пытался было спрятаться въ лѣсу, но попопался въ руки народа. Отъ него потребовали выдачи оружія. Онъ отказалъ и его избили прикладами ружей. Наконецъ за него заступился кто-то изъ толпы. Побои прекратились и съ фонъ-Самсонга повстанцы взяли письменное обѣщаніе, что онъ будетъ ходатайствовать въ Ревелѣ о снятіи военнаго положенія въ краѣ. Имѣніе, тѣмъ не менѣе, было разграблено и сожжено.

* * *

Вотъ похожденія хорошо организованнаго и вооруженнаго отряда, въ которомъ участвовали и рабочіе городскихъ фабрикъ и заводовъ. Этотъ отрядъ, въ количествѣ болѣе 150 всадниковъ, направился къ имѣнію Мексъ. Управляющій имѣніемъ фонъ-Герпе, увѣдомленный о приближеніи грозы, ускакалъ, приказавъ своимъ людямъ по возможности не раздражать толпу. Отрядъ повидимому былъ въ хорошемъ настроеніи духа—они пообѣдали, перемѣнили лошадей и забрали съ собой 38 рублей, но имѣнія не сожгли, заявивъ, что не желаютъ грѣться у огня господскаго дома. Кромѣ того, они разгромили винокуренный заводъ, выпустивъ огромный запасъ спирту, котораго вообще на заводахъ было накоплено очень много вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки. Затѣмъ повстанцы забрали денежную кассу имѣнія, оставивъ на имя фонъ-Герпе квитанцію.

Этотъ же отрядъ и отправился въ имѣніе Зоммергофъ, гдѣ въ руки повстанцевъ попался лѣсничій Кренкель. У лѣсничаго отобрали ружья и кассу съ 64 рублями, въ чемъ ему и выдали квитанцію. Сопротивлявшемуся Кренкелю одинъ изъ повстанцевъ угрожалъ распороть животъ, но дѣло ограничилось только угрозою. Кренкель остался невредимъ, а имущество его разгромили и разграбили.

Этотъ отрядъ совершилъ еще цѣлый рядъ погромовъ. Всѣ люди подчинялись какому-то вожаку, сигналы игрались на рожкѣ.

IX.

Ревельская административная вакханалія.

Все интеллигентное русское и эстонское населеніе Ревеля въ большомъ страхѣ. (Ликуютъ только нѣмцы). Никто не увѣренъ въ безопасности своей личности—того и гляди, что безъ всякаго повода васъ повлекутъ въ каменныя объятія «толстой Маргариты»... [1])

Нигдѣ, кажется, реакція не торжествуетъ такъ сильно какъ въ Ревелѣ.

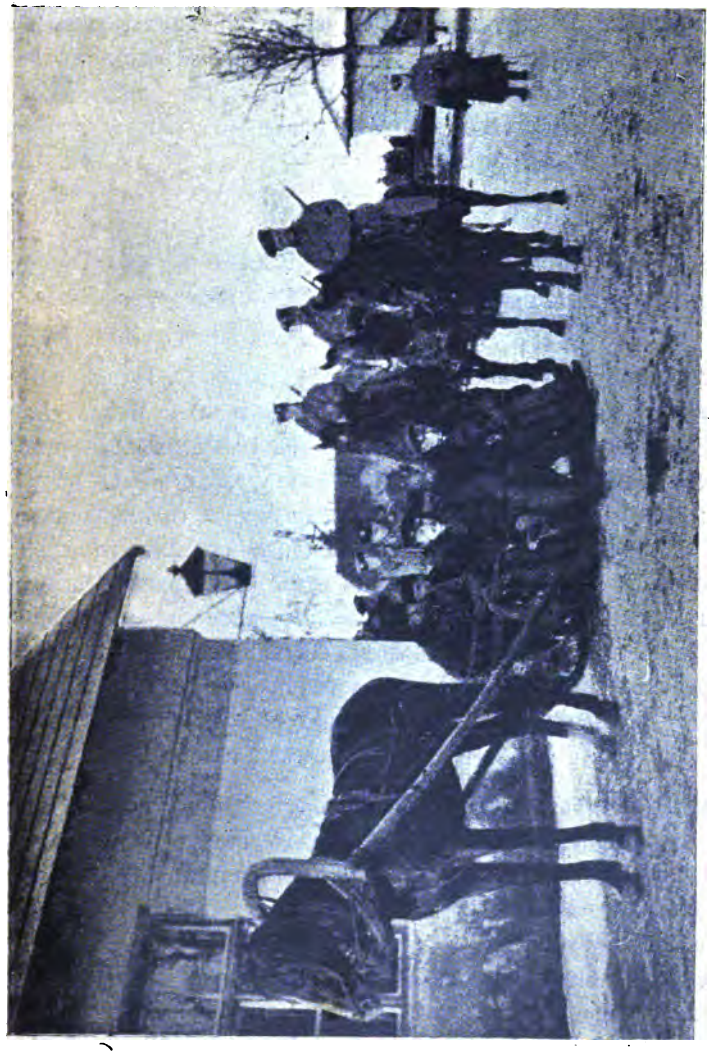
Въ октябрѣ, декабрѣ и, наконецъ, въ январѣ произведенъ здѣсь цѣлый рядъ арестовъ, которые продолжаются до сихъ поръ. Ревельская тюрьма переполнена—понадобилось спѣшное приспособленіе для этой цѣли другихъ помѣщеній.

Такую вакханалію арестовъ здѣсь объясняютъ, во-первыхъ, происками нѣмецкой партіи, а во-вторыхъ, особымъ вниманіемъ къ Ре-

[1]) „Толстая Маргарита“—такъ называется въ Ревелѣ старинная, чуть-ли не средневѣковая башня, нынѣ экстренно приспособленная для тюрьмы.

велю изъ Петербурга, гдѣ дѣйствуетъ недавно бывшій ревельскій губернаторъ Лопухинъ—нынѣ правая рука всемогущаго Дурново[1]).

То и другое объясненіе имѣетъ безусловное основаніе, какъ и



„Въ Прибалтійскомъ краѣ", Захваченные драгунами.

[1]) Теперь власть перешла въ руки гг. Горемыкина и Столыпина, но картина «правы» отнюдь не измѣнилась. В. К.

существуютъ еще несомнѣнныя доказательства третьяго объясненія по поводу ареста нѣкоторыхъ лицъ—это личная месть жандармскихъ властей.

Г. Лопухинъ навѣрное еще не забылъ печальныя страницы своей дѣятельности въ Эстляндіи. Онъ навѣрно помнитъ, какъ вслѣдствіе его нераспорядительности 16 октября прошлаго года въ Ревелѣ произошла ужасная грандіозная бойня—разстрѣлъ войсками беззащитной толпы. Это ужасное событіе вызвало слѣдующую телеграмму представителей города въ Петербургъ:

Телеграмма ревельской городской думы г-ну министру внутреннихъ дѣлъ.

Четырнадцатаго съ четырехъ часовъ начались въ городѣ погромы, продолжались всю ночь. Никакой охраны жители не имѣли. Пятнадцатаго городское самоуправленіе, благодаря содѣйствію рабочихъ возстановило порядокъ. Губернаторъ обѣщалъ удалить войска съ улицъ. Шестнадцатаго вечеромъ, когда шли переговоры со старшинами рабочихъ о дальнѣйшей охранѣ, войска стали стрѣлять въ мирно собравшихся на сходку, обсуждавшую мѣры къ охранѣ города. Убитыхъ и раненыхъ чрезвычайно много. Городское самоуправленіе, выражая свое негодованіе по поводу бездѣйствія четырнадцатаго и стрѣльбы шестнадцатаго числа слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность. Въ населеніи страшное волненіе.

Городской голова Гіацинтовъ.

И вотъ теперь, когда реакція торжествуетъ, когда у кормила власти въ качествѣ правой руки Дурново стоитъ г. Лопухинъ, на ревельцевъ посыпались удары... Аресты постигли лучшихъ городскихъ дѣятелей и, какъ вы увидите ниже, многіе арестованы по предписанію г. Дурново [1]).

А если бы вы послушали, какъ еще недавно этотъ же г. Лопухинъ либерально разъяснялъ ревельскимъ жителямъ и полицейскимъ властямъ примѣненіе Высочайшаго манифеста отъ 17 октября!

Вотъ выдержка изъ этого любопытнаго историческаго документа:

[1]) Многіе гласные арестованы, а желѣзнодорожники уже приговорены къ ссылкѣ.

20 октября 1905 г.

Отъ эстляндскаго губернатора.

Отнынѣ всѣ административные и полицейскіе чины должны въ основу своихъ дѣйствій положить неукоснительно строгое соблюденіе закона и глубокое сознаніе того, что вся ихъ служба должна состоять не въ опекѣ надъ населеніемъ и надзорѣ надъ нимъ, а въ бдительной охранѣ его личныхъ, политическихъ и имущественныхъ правъ и интересовъ. Отнынѣ не могутъ признаваться преступными, запрещенными и преслѣдуемыми никакіе убѣжденія и взгляды. Самыя проявленія ихъ могутъ быть признаны преступными и преслѣдуемы только тогда, когда они грозятъ прямымъ нарушеніемъ порядка и открытымъ насиліемъ противъ властей, личной безопасности и имущества обывателей. Поэтому ни заявленіе кѣмъ-либо своихъ хотя бы самыхъ крайнихъ религіозныхъ и политическихъ взглядовъ, ни распространеніе ихъ устно, письменно, или путемъ печати, ни критика распоряженій правительства и его органовъ не должны вызывать вмѣшательства полиціи. Полиція должна наблюдать только за тѣмъ, чтобы никакія насильственныя дѣйствія не осуществлялись и не подготовлялись, чтобы политическая проповѣдь никого не призывала къ нимъ и только къ нимъ и чтобы одни классы населенія и отдѣльныя лица не нарушали спокойнаго теченія жизни другихъ. Поэтому нельзя не только подвергать обыскамъ и арестамъ, но даже привлеченію къ дознанію и слѣдствію за проповѣдь соціалистическихъ теорій, за принадлежность къ кружкамъ и организаціямъ этого направленія, но не только можно, но и должно преслѣдовать въ законномъ порядкѣ проповѣдь нападенія на власти, насилія надъ лицами и ихъ имуществомъ, отъ кого бы такая проповѣдь ни исходила; полиція обязана принимать мѣры къ тому, чтобы такая проповѣдь не причинила никому вреда, и будетъ отвѣтственна, если не предотвратитъ его. Въ отношеніи собраній и сходокъ полиція должна руководствоваться правилами, установленными именнымъ указомъ правительствующему сенату 14 октября текущаго года. Въ примѣненіи его она не должна допускать никакой придирчивости, никакого стремленія поставить собранія и сходки подъ опеку; ея вмѣшательство въ ихъ устройство и теченіе должно быть ограничено наблюденіемъ надъ тѣмъ, чтобы они не представляли изъ себя непосредственной, готовой немедленно осуществиться угрозы порядку и спокойствію обывателей.

Таковы общія указанія, которыя я считаю нужнымъ преподать всѣмъ мнѣ подвѣдомственнымъ чинамъ. Если при примѣненіи ихъ появятся какія-либо неправильности, приглашаю каждаго отъ таковыхъ потерпѣвшаго заявлять мнѣ о томъ.

Эстляндскій губернаторъ *Лопухинъ*.

И горе тѣмъ легковѣрнымъ гражданамъ, которые выказали подъ вліяніемъ широковѣщательныхъ словъ г. Лопухина свои даже и не «самые крайніе политическіе взгляды» или примкнули къ самымъ невиннымъ союзамъ или организаціямъ...

Недремлющее око Дурново и К° всюду теперь видитъ «крамолу» и жертва за жертвой отправляются въ тюрьму.

* * *

Къ половинѣ января въ ревельской тюрьмѣ состояло болѣе 200 политическихъ заключенныхъ.

Мнѣ удалось достать ихъ именной списокъ.

Списокъ заключенныхъ въ ревельской губернской тюрьмѣ.

1) А. Ваганъ —начальникъ почт. тел. конт., 2) Гедройцъ—почт. чиновникъ, 3) М. Соловейчикъ *)—ревизоръ Балт. ж. д., 4) Грибановъ—нач. Рев. ст. ж. д., 5) Худобашевъ **)—инж., 6) Толузаковъ *)—инж. Рев. ст. ж. д., 7) Г. Викманъ *), 8) К. Нейманъ, 9) Шевалевъ *)—старшій фабричный инспекторъ, 10) Грибанова—жена нач. ст. ж. д., 11) А. Булатъ **) — помощн. прис. пов., 12) Лендеръ — членъ управы, 13) Сякъ **)—дир. газ. зав., 14) Клементъ—бухг. газ. зав., 15) Рабиссонъ—вет. вр., 16) Киманъ—гор. управа, 17) Марта Леппъ **), 18) С. І. Сомнинскій **), 19) О. Штарнбекъ **), 20) Г. Петтаій **), 21) Э. М. Оттъ **), 22) В. Палькъ **), 23) М. Полевой **), 24) Д. Ліезнеръ—студ. мед., 25) Я. Креенъ **), 26) А. Тоонеръ—раб., 27) А. Яспуговъ—б. ж. д. мастеръ., 28) Ч. Чоганозсонъ—раб., 29) Г. Поомъ—рабоч., 30) Г. Принцу—рабоч., 31) Я. Крукъ—фонарщ., 32) Унтенбергъ – фонарщ., 33) Ф. Михкельсонъ**), 34) К. Тюрна—наборщикъ, 35) Метеисъ—кр-ка, 36) Р. Ренке—изъ волости, 37) Г. Каунъ, 38) Р. Даммъ, 39) Рейнхартъ, 40) Линдеманъ, 41) И. Поммеръ—изъ волости, 42) И. Велкманъ, 43) Л. Штейнъ, 44) Г. Ойссаръ, 45) М. Сакаусъ, 46) И. Пальмъ, 47) Н. Пяйвъ, 48) И. Кальманъ, 49) Г. Эрнесаксъ, 50) Г. Майдеръ, 51) И. Фридолинъ—зав. Вольта, 52) Ю. Кокъ—интел., 53) И. Мильдебергъ—изъ вол., 54) Г. Сиреканну, 55) Г. Кукепала, 56) Я. Пахла—(раб. зав. Двиг.), 57) К. Метусъ—(раб. зав. Двиг.), 58) Г. Пендеръ—(раб. зав. Двиг.), 59) Г. Ребенъ—(раб. зав. Двиг.), 60) И. Видло, 61) А. Перчикъ—б. ж. д., 62) А. Коолманъ—раб. з. Крулль, 63) Э. Бахманъ—раб. з. Вигандъ, 64) М. Зоммеръ—портъ,

---

*) Бюро желѣзнодорожнаго союза.
**) Бюро союза интеллигенціи.

65) Г. Вольбрикъ—портъ, 66) Г. Лаба—портъ, 67) И. Трейманъ—Вигандъ, 68) А. Липингъ—Вигандъ, 69) М. Нуркъ—Везенбергъ, 70) Прохаликъ—зол., 71) О. Кентемъ, 72) М. Эльба, 73) Г. Коппель, 74) Ю. Эльба, 75) Шмидтъ, 76) Ю. Янсонъ—(раб. Вольта), 77) Г. Инзъ, 78) Я Комбергъ, 79) М. Проммъ, 80) М. Клостеръ, 81) К. Пала, 82) К. Вайну, 83) Я. Баллокъ, 84) Г. Каазикъ, 85) Я. Праксъ—пом. нач. ст. Лехте, 86) Г-жа Ермъ, 87) Розенъ, 88) И. Мольникъ—секр. Вейсен. полиціи, 89) Я. Керманъ, 90) А. Темантъ,—кр-нъ, 91) Н. Янсонъ, 92) О. Зауэръ-Круль, 93) Л. Шуманъ, 94) К. Брокеръ,—раб. Лаусм., 95) Меклеръ—раб. Летер., 96) А. Зоммеръ—раб. Круль, 97) Я. Гиршъ—изъ волости 98) Г. Брюкъ, 99) О. Рейманъ—зав. Вольта изъ волости, 100) Г. Кренштонъ,—изъ вол., 101) П. Туде, 102) А. Амонъ, 103) Т. Пикатъ, 104) А. Онтонъ, 105) Я. Каунъ, 106) Я. Паккане, 107) К. Кива, 108) Ю. Шталь, 109) Я. Клаусъ, 110) Я. Липсма, 111) О. Лампотъ, 112 И. Нейдерфъ, 113) Г. Клеманъ, 114) Т. Рейманъ, 115) Ю. Труверсъ, 116) Г. Ведамъ, 117) Д. Пульборгъ, 118) Линкъ, 119) Лепермanъ, 120) Тобри, 121) Ганспшмидтъ, 122) Корбманъ, 123) Эстерманъ, 124) Вене, 125) Леппъ, 126) Лууръ, 127) Калбергъ, 128) А. Поммеръ, 129) И. Пихлакасъ, 130) М. Тасибергъ— зав. Двиг., 131) Русманъ—изъ пол., 132) А. Васманъ—Двиг. 133) А. Лунскъ Двигат., 134) Г. Каазикъ—Двигат., 135) А. Тикасъ—Звѣзда, 136) Г. Гасперусъ—Віеганъ, 137) А. Мялло—Віеганъ, 138) Г. Китсъ—Крулль, 139) А. Кобрантъ—Маіеръ, 140) Г. Киршъ—Маіеръ, 141) Н. Григорьевъ—лаусм., 142) К. Кассь—изъ волости, 143) Р. Проммисъ—изъ волости, 144) Линдломъ—бол. бум. пр., 145) В. Зеленцовъ—бол. бум. пр., 146) И. Соколовъ, бол. бум. пр., 147) Я. Лао—бол. бум. пр., 148) Г. Кеватъ—б. ж. д., изъ Тапса: 149) И. Корнѣевъ, 150) О. Сауденбергъ, 151) Э. Кузикъ, 152) Э. Іогансонъ, 153) В Голубевъ, 154) А Вайнс, 155) К. Тетельбаумъ, 156) О. Гегеръ, 157) Я. Вейдебаумъ, 158) Я. Крапне, 159) М. Тутто, 160) Г. Лозеръ, 161) А. Гинзенбергъ, 162) Поска—пр. пов. 163) Пелеръ—докторъ, 163) Мазингъ—докторъ, 165) Липсъ—докторъ, 166) Родіоновъ—(акц. чин.), 167) Фейнъ—б. ж. д., 168) Линквистъ—б. ж. д., 169) А. Баркъ, 170) И. Ормузъ, 171) Я. Лаанъ, 172) И. Ріймакъ—ст. Іевве, 173) А. Тапсаль, 174) А Кембо, 175) А. Давидовъ, 176) Я. Клетенбергъ, 177) М. Арусъ, 178) А. Касперъ, 179) А. Ильвесъ, 180) И. Крузбартъ, 181) Г. Эскель, 182) М Раудманъ, 183) А. Нійдеръ, 184) Я. Лагле, 185) Я. Лагле, 186) И. Антонъ, 187) П. Пусецъ, 188) А. Рятсепъ, 189) Я. Леппъ, 190) А. Нійнъ, 191) Э. Мяндъ, 192) Д. Калдъ, 193) И. Кылу, 194) Э. Вилленбергъ, 195) Ю. Реммелгасъ, 196) И Вальтеръ, 197) Г. Алергъ, 198) Г. Піймъ, 199) И. Эйно, 200) Э. Петерсонъ, 201) Ю. Петерсонъ. Изъ волостей увезены: 202) Я. Лимбергъ, 203) Г. Кальмусъ, 204) Я. Янсонъ, 205) М. Ленцманъ, 206) Д. Тахино, 207) Колумбусъ. Освобождены кромѣ помѣщенныхъ

изъ волостей: 208) Г. Россъ, 209) И. Смеженковъ—б. ж. д., 210) А. Зинковичъ—б. ж. д., 211) А. Лембертъ, 212) А. Грюнфельдъ, 213) Гросбергъ, 214) Эльмингъ, 215) Я. Туй—б. ж. д., 216) М. Кару—раб. Двиг., 217) А. Безцѣнный—псал., 218) А. Аабъ—раб. Виганда.

17 января заключеннымъ членамъ желѣзнодорожнаго бюро объявлена бумага за подписью Дурново, по которой нѣкоторыя лица административно ссылаются въ Тобольскую и Архангельскую губ. безъ объясненія причинъ.

Ссылаются ревизоръ г. Соловейчикъ на 5 лѣтъ, инж. Худабашевъ на 4 года и г. Толузаковъ на 3 года въ Тобольскую губернію. Гг. Нейманъ, Викманъ и супруги (!) Грибановы на 3 года въ Архангельскую губернію.

Гг. Соловейчикъ, Худабашевъ, Толузаковъ извѣстны въ Ревелѣ, какъ люди съ весьма умѣренными взглядами, и къ нимъ, какъ и Нейману и Викману, можно придраться только за желѣзнодорожную забастовку. Но арестъ и ссылка г-жи Грибановой явленіе совершенно непостижимое.

Общественная дѣятельность г-жи Грибановой заключалась иногда въ совмѣстномъ съ членами легальнаго союза интеллигенціи кормленіи въ столовой союза дѣтей бѣдныхъ и безработныхъ рабочихъ. И за это ссылка на 3 года!

Жены нѣкоторыхъ заключенныхъ пробовали обращаться за выясненіемъ причинъ ареста къ генералъ-губернатору, и къ прокурору, и къ жандармскимъ властямъ и, наконецъ, къ г. Дурново.

Г. министръ въ такихъ случаяхъ отвѣчалъ:

— Помилуйте, я ничего не знаю—это все жандармерія дѣлаетъ...

А жандармское начальство говоритъ:

— Мы тутъ рѣшительно не при чемъ—всѣмъ распоряжается министръ Дурново...—и т. д.

А женѣ одного изъ заключенныхъ, и безъ того убитой горемъ, представитель юстиціи, прокуроръ ревельскаго суда, г. Тимашевскій вмѣсто успокоенія или разъясненія сказалъ:

— Я знаю одно, что вашего мужа такъ сошлютъ, что даже вы, какъ жена, не узнаете, куда именно...

* * *

Въ дѣло удовлетворенія личной мстительной злобы подъ шумокъ

«крамолы» внесъ свою лепту и мѣстный жандармскій полковникъ г. Красногорскій.

Называемъ его фамилію, такъ какъ есть свидѣтели, которые слышали, какъ г. Красногорскій похвалялся:

— А Грибановы, Соловейчикъ, Худабашевъ думали роль здѣсь играть... Ревельскими звѣздами хотѣли здѣсь быть... Хорошо, что теперь военное положеніе—я имъ покажу себя!..

И показалъ. Всѣ эти лица по непостижимымъ причинамъ арестованы и ссылаются.

* * *

И высшій педагогическій синклитъ не устоялъ отъ искушенія присоединиться къ общей вакханаліи.

Въ женской гимназіи уволенъ цѣлый рядъ ученицъ. Нѣкоторыя увольняются за «вредныя направленія», иныя за приписанные имъ проступки. Такъ напримѣръ у-ца Синопалова уволена за бросаніе въ гимназіи бомбы (!) съ цѣлью произвести химическую обструкцію, хотя цѣлый рядъ свидѣтелей подтверждаетъ невиновность Синопаловой. У-ца Пщеволоцкая уволена за то, что на улицѣ разговаривала съ знакомыми дамами про черносотенниковъ. Проходившій въ это время учитель гимназіи Андріевскій принялъ названіе «черносотенника» на свой счетъ,—въ результатѣ у-цу уволили. И т. д.

Въ Александровской гимназіи увольняются три учителя. Двое изъ нихъ, гг. Рабиновичъ и Афанасьевъ, были вызваны въ Ригу къ попечителю округа г. Ульянову (бывшій профессоръ варшавскаго университета).

Г. Ульяновъ по какому-то таинственному списку прочиталъ гг. Рабиновичу и Афанасьеву цѣлый рядъ обвиненій, напримѣръ, принадлежность къ всероссійскому союзу учителей (преподавателей среднихъ школъ), присутствіе на панихидѣ по погибшимъ при ревельскомъ разстрѣлѣ 16-го октября и т. д.

Въ заключеніе г. Ульяновъ тономъ барина, говорящаго съ прислугою, заявилъ:

— Можете искать себѣ другое мѣсто!..

Коротко и ясно.

X.

Марта Леппъ.

Среди ревельскихъ заключенныхъ томится молодая эстонка Марта Леппъ. По отзывамъ знающихъ ее лицъ—это молодая симпатичная дѣвушка, недавно выдержавшая въ Петербургѣ экзаменъ на домашнюю учительницу.

Марта Леппъ отличается смѣлымъ, рѣшительнымъ характеромъ и чрезвычайной отзывчивостью къ нуждамъ народа. Среди эстонцевъ и русской интеллигенціи она пользовалась большимъ уваженіемъ.

Леппъ часто выступала на митингахъ въ качествѣ ораторши по женскому и по нѣкоторымъ политическимъ вопросамъ. Ея рѣчи отличались смѣлостью сужденій и рѣзкой правдивостью.

Успѣхъ молодой ораторши былъ оцѣненъ администраціей и еще до 17 октября она была арестована.

16 октября Леппъ въ числѣ другихъ политическихъ выпустили на свободу.

Въ этотъ же день дѣятельная, энергичная дѣвушка появляется на рыночной площади, гдѣ собралась большая мирная толпа народа (съ вѣдома администраціи) для обсужденія принятія мѣръ, обезпечивающихъ порядокъ въ городѣ.

Леппъ взбирается на бочку и произноситъ страстную убѣдительную рѣчь.

Въ это время по какому-то несчастному, до сихъ поръ невыясненному обстоятельству, появляются войска, открывшія по толпѣ ружейный огонь.

Ораторы, сраженныя пулями, падаютъ первыми.

Леппъ, прострѣленная 4 пулями, снова попадаетъ въ тюрьму...

Теперь, какъ слышно, она поправляется.

Участь дѣвушки живо интересуетъ ревельское общество.

Циркулируетъ упорный слухъ, что какъ только Леппъ поправится окончательно—ей угрожаетъ разстрѣлъ!..

Не хочется этому вѣрить. Не можетъ быть, чтобы вина дѣвушки, уже сильно пострадавшей за свою открытую смѣлость, была такъ велика и ужасна!..

XI.

Президентъ „Эстонской республики".

Въ Везенбергѣ былъ арестованъ портной Шульцъ и впослѣдствіи разстрѣлянъ, какъ президентъ Эстонской республики.

По словамъ знавшихъ его лицъ—это былъ психически—больной человѣкъ, ненормальность котораго бросалась всѣмъ въ глаза.

Шульцъ однажды является въ Юрьевъ въ редакцію «Постимесъ».

Блѣдный, съ горящими глазами, онъ обращается въ редактору, г. Тениссону.

— Вы г. Тениссонъ?

— Да, я Тениссонъ.

— Я пріѣхалъ нарочно посмотрѣть, какой вы. Говорятъ, что вы губите нашу страну...

— Странно... Какимъ же это образомъ?..

— Вашими статьями. Но я—я спасу Эстляндію. Я имѣю большія связи въ Петербургѣ при Дворѣ. Я былъ друженъ съ императоромъ Александромъ III...

Далѣе полилась безсмысленная, безсвязная рѣчь.

Пришлось успокаивать будущаго президента миѳической республики.

Таковы представители эстонскаго сепаратизма.

XII.

Изъ рукъ гражданскаго «правосудія» подъ военный разстрѣлъ.

Въ Тапсѣ мнѣ разсказывали, что 23 декабря, когда уже стемнѣло, шагахъ въ 100 отъ станціи былъ разстрѣлянъ солдатами человѣкъ.

Жители видѣли, какъ этого человѣка, совершенно обезсилѣвшаго (онъ наканунѣ былъ тяжело раненъ пулей въ затылокъ), тащили солдаты и вскорѣ же грянулъ залпъ. Въ оставленномъ трупѣ опознали сапожника Нейдорфа изъ Везенберга. Жители говорили мнѣ, что Нейдорфъ въ Везенбергѣ покушался на жизнь купца Кансберга. Мотивомъ преступленія нѣкоторые называли личную месть, другіе—

месть по найму посторонних лицъ, была конечно и возможность политическаго преступленія. Слѣдствію предстояло разобраться въ обстоятельствахъ этого дѣла, но тутъ то я поразился утвержденіемъ тапсенскихъ жителей, что военныя власти будто бы похитили Нейдорфа у властей гражданскихъ, посадили въ вагонъ, тамъ его допросили и, доставивъ изъ Везенберга въ Тапсъ, немедленно разстрѣляли... Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ Везенбергѣ въ то время была объявлена только усиленная охрана, а военное положеніе объявили уже послѣ разстрѣла Нейдорфа (военное положеніе объявлено 26 декабря).

Я рѣшилъ было разслѣдовать это дѣло при возвращеніи изъ Прибалтійскаго края, такъ какъ Везенбергъ я уже проѣхалъ, но въ Ревелѣ, проглядывая «Ревельскія Извѣстія»—газету, болѣе чѣмъ умѣренную и осторожную, я нашелъ полное подтвержденіе разсказа жителей Тапса.

Судите сами:

Везенбергъ.

«21 декабря, около 7 часовъ вечера, въ колоніальную лавку И. Г. Кансберга, находящуюся по Петербургской улицѣ, вошелъ крестьянинъ, нѣкій Нейдорфъ, проживающій въ деревнѣ недалеко отъ гор. Везенберга, и заявилъ желаніе купить лимонъ. Когда купецъ Кансбергъ началъ исполнять желаніе покупателя, послѣдній вынулъ изъ своего кармана заряженный револьверъ и далъ по Кансбергу три выстрѣла, но каждый разъ промахнулся. Стоявшій за прилавкомъ испуганный приказчикъ, съ цѣлью спасенія жизни своего хозяина, вынулъ свой револьверъ и далъ выстрѣлъ по злоумышленнику, ранивъ его въ затылокъ. Злоумышленникъ пытался убѣжать, разбивъ при этомъ стекла въ дверяхъ лавки, но его задержали и предали полицейской и судебной властямъ. Поспѣшившій на мѣсто преступленія мѣстный судебный слѣдователь составилъ о случившемся протоколъ и подвергъ преступника на время производства слѣдствія задержанію при везенбергскомъ уѣздномъ полицейскомъ управленіи. Утромъ же 24 декабря арестанта Нейдорфа не оказалось въ арестномъ помѣщеніи, о чемъ сообщено было судебному слѣдователю. Впослѣдствіи оказалось, что Нейдорфъ военною властью (въ Везенбергѣ усиленная охрана) выведенъ и—разстрѣлянъ. Что понудило несчастнаго Нейдорфа къ совершенію злодѣянія, къ покушенію на жизнь купца Кансберга осталось, за неокончаніемъ

слѣдствія и преждевременной смертью преступника, невыясненнымъ. Полагаютъ только, что у Нейдорфа личной мести къ Кансбергу не могло быть, а служилъ онъ скорѣе исполнительнымъ органомъ другихъ личностей, питавшихъ почему-то злобу на мѣстнаго городского голову (купецъ Кансбергъ состоитъ везенбергскимъ головою). Задержанъ также братъ злоумышленника, содержатель одного постоялаго двора, котораго подозрѣваютъ въ сообщничествѣ въ преступленіи. Но подозрѣніе это, повидимому, имѣетъ мало основанія.

28 декабря на улицахъ города Везенберга полиціей выставлены были объявленія, что вся Эстляндская губернія съ 26 декабря объявлена на военномъ положеніи». («Рев. Изв.» № 1, 1906 г.).

* * *

И такъ человѣка выхватили изъ судебной власти и разстрѣляли. Къ сожалѣнію, я не могъ выяснить фамиліи авторовъ разстрѣла, ибо это держится въ большомъ секретѣ...

Могу только сообщить фамилію лица, стоявшаго тогда во главѣ мѣстной военной власти—это генералъ-лейтенантъ Вороновъ.

Нынѣ ген.-лейт. Вороновъ уволенъ или получилъ другое назначеніе (замѣненъ ген.-лейт. Саранчевымъ) будто бы «за бездѣйствіе власти»...

Уму непостижимо, какія же нужно проявить «дѣйствія», чтобы заслужить одобреніе нашихъ высшихъ сферъ?..

XIII.

„Усмиреніе“ въ Алленкюлѣ.

Въ маленькомъ вагончикѣ по узкоколейной дорогѣ (Ревель—Валкъ) добрались мы до ст. Алленкюль. Здѣсь, какъ слышно, недавно побывалъ генералъ Безобразовъ.

На перронѣ обычная картина современной русской дѣйствительности:—солдаты на этотъ разъ—матросы въ боевой готовности съ винтовками въ рукахъ. На вокзалѣ нѣсколько человѣкъ шумно разговаривающихъ нѣмцевъ и иногда мелькаютъ угрюмыя, какъ-то сгорбившіяся фигуры эстонцевъ.

Мы скромно пробираемся на улицу мѣстечка (слава Аллаху—на этотъ разъ безъ обыска) и идемъ въ единственную и ближайшую деревенскую гостиницу.

Низъ гостиницы также занятъ матросами и тамъ же томились только что передъ нами арестованные двое эстонцевъ. Изъ помѣщенія, занимаемаго матросами, неслись звуки русскаго душу щемящаго, унылаго напѣва...

Отъ запуганной несловоохотливой хозяйки эстонки мы узнаемъ только въ общихъ чертахъ, что въ окрестностяхъ Алленкюля были народныя волненія, что сюда недавно пріѣзжалъ генералъ, по приказанію котораго двоихъ крестьянъ разстрѣляли и человѣкъ десять подвергли розгамъ. Аресты подозрѣваемыхъ въ агитаціи продолжаются и до сихъ поръ...

Зловѣщая тишина мѣстечка, нарушаемая только заунывными звуками солдатской пѣсни, угрюмыя, запуганныя лица эстонцевъ—все это лишало насъ надежды на успѣшное выясненіе происходящихъ здѣсь событій.

* * *

Несмотря на тяжелыя гнетущія условія жизни, культурныя стремленія эстонцевъ такъ сильны, энергія ихъ такъ удивительна, что почти въ каждомъ приходѣ (приходъ—центръ нѣсколькихъ волостныхъ обществъ) вы найдете организаціи общества трезвости, сельскохозяйственное и музыкальное общество (снится ли нашей бѣдной деревнѣ что-либо подобное?).

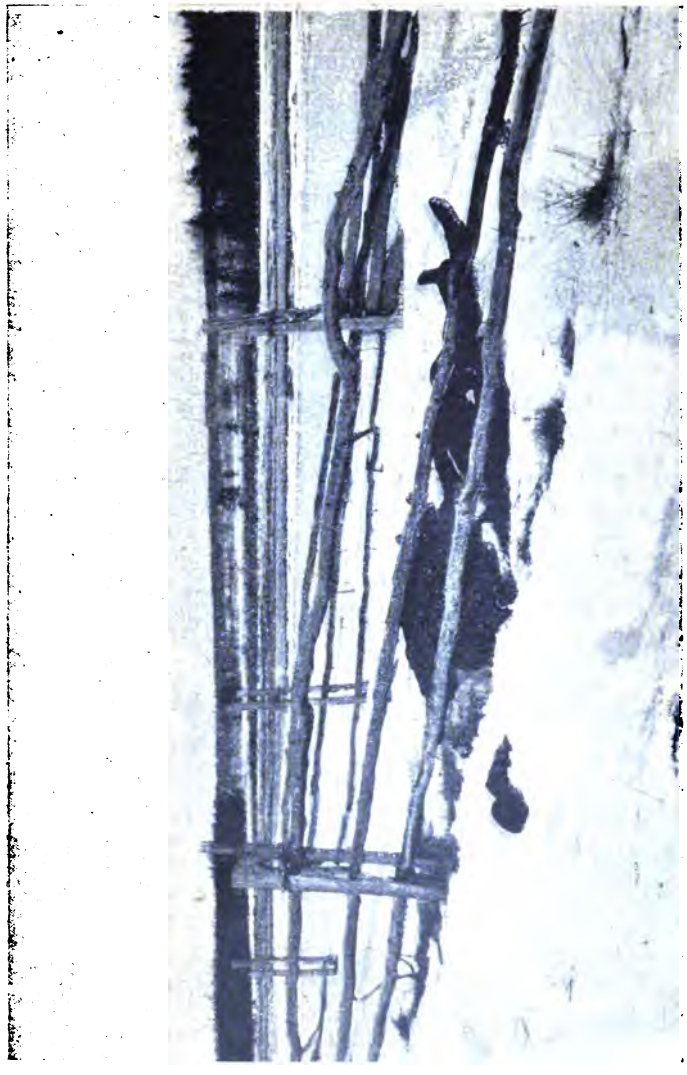
Мы отправляемся въ клубъ мѣстнаго музыкальнаго общества. Въ весьма благоустроенномъ клубѣ съ буфетомъ и билліардомъ пустынно.

Но намъ посчастливилось встрѣтить одного изъ окрестныхъ сельскихъ учителей, уцѣлѣвшаго отъ передряги благодаря своей извѣстной благонамѣренности.

Вотъ что поразсказалъ намъ этотъ педагогъ, по складу своихъ воззрѣній во всякомъ случаѣ несклонный къ преувеличеніямъ.

— Въ нашемъ Алленкюльскомъ приходѣ—славу Богу—все обошлось довольно благополучно. Послѣ 17 октября у насъ, какъ и повсюду, состоялись митинги, на которыхъ обсуждались народныя нужды. На одномъ изъ митинговъ были избраны делегаты на ноябрскій извѣстный конгрессъ въ Юрьевѣ. И вотъ, когда возвратились изъ Юрьева эти делегаты, крестьяне, сильно заинтересованные резолюціями, собрались на митингъ. Изъ личныхъ наблюденій можно было замѣтить, что большинство нашихъ крестьянъ склонялись къ одобренію умѣренной фракціи конгресса, т. е. Тениссоновской пар-

тіи [1]). Никакихъ безпорядковъ, никакихъ насилій крестьяне не производили. Только въ декабрѣ, какъ то, къ намъ изъ Ревеля, прибыла толпа фабричныхъ и крестьянъ, которые направились въ бли-



«Въ Прибалтійскомъ краѣ». Разстрѣлянные на дорогѣ.

[1]) Въ предыдущихъ письмахъ я уже выяснилъ значеніе фракцій юрьевскаго конгресса.

жайшія окрестности. Присоединились ли кто именно изъ нашихъ крестьянъ и рабочихъ—судить не могу (въ Алленкюлѣ целлулоидный заводъ). Повстанцы эти вскорѣ скрылись, успѣвъ все-таки поджечь господскій домъ въ имѣніи Тегналь. Послѣ этого все у насъ было спокойно. Въ концѣ декабря сюда прибыли войска и начались аресты. Предварительное слѣдствіе производили мѣстные помѣщики бар. Шиллингъ, бар. Таубе и еще какія то лица, конечно не безъ участія полиціи. Особенно энергично дѣйствовалъ баронъ Таубе (совладѣлецъ мѣстнаго завода) приказавшій рабочимъ подать въ закрытыхъ пакетахъ анонимныя заявленія съ указаніемъ обязательно шести неблагонадежныхъ лицъ. Рабочіе крайне затруднялись выполнить эту задачу. Нѣкоторые, болѣе находчивые, не безъ лукавства написали въ числѣ неблагонадежныхъ фамиліи помѣщиковъ. Другіе, перепуганные грядущими событіями, простодушно писали фамиліи лицъ, провинившихся когда-либо самыми пустяковыми проступками, и, наконецъ, для того, чтобы заполнить строго объявленную цифру шесть,—писали фамиліи рабочихъ и крестьянъ, почему-нибудь пришедшихъ въ этотъ моментъ на умъ... Какъ использовало слѣдствіе этотъ матеріалъ мнѣ неизвѣстно. Наконецъ, къ намъ прибылъ генералъ Безобразовъ, съ состоящимъ при немъ, кажется въ качествѣ переводчика, г. фонъ-Коцебу. Начался судъ и расправа...

Далѣе изъ словъ разсказчика и изъ объясненій другихъ мѣстныхъ жителей, съ которыми намъ пришлось говорить, обрисовывается такая картина.

Генералъ обращался къ населенію съ строгими рѣчами, призывающими къ порядку. Рѣчи эти переводилъ на эстонскій языкъ фонъ-Коцебу.

По приговору военнаго суда двоихъ крестьянъ, Кютта и Чезія, разстрѣляли.

Передъ казнью, внимая народнымъ мольбамъ, генералъ сказалъ, что если бы за кого-нибудь изъ преступниковъ поручилась и просила вся волость, онъ, быть можетъ, и простилъ бы такого.

Перепуганные всѣмъ происходящимъ крестьяне молчали. Наконецъ, одинъ заговорилъ что-то смущеннымъ лепетомъ. Можно было понять, что онъ сказалъ:—«Хорошій, очень хорошій человѣкъ Кютта, и Богъ ужъ знаетъ, какъ онъ пошелъ противъ царя»... Послѣ этихъ словъ смерть Кютты была рѣшена окончательно.

Впослѣдствіи, по свидѣтельству очевидцевъ, крестьянинъ такъ

неловко защитившій Кютту, горько плакалъ, какъ ребенокъ, проклиная себя за неумѣлое вмѣшательство.

Передъ разстрѣломъ Чезія голосъ изъ толпы крикнулъ (говорятъ, что голосъ принадлежалъ одному изъ мѣстныхъ купцовъ):

— Онъ (Чезія) плохой человѣкъ. Намъ такихъ не надо!..

Чезію за отсутствіемъ заступниковъ также разстрѣляли.

Одна молодая эстонка подошла къ купцу, крикнувшему предательскія слова, и горячо проговорила:

— Поди и напейся крови этого человѣка!..

Затѣмъ началась экзекуція. Къ поркѣ присудили человѣкъ 10. Пороли солдаты ивовыми скрученными прутьями. На долю каждаго караемаго досталось не менѣе ста ударовъ.

Душу раздирающіе крики несчастныхъ сливались съ торжественнымъ звономъ колокола мѣстной кирки, такъ какъ экзекуція какъ разъ происходила наканунѣ Новаго года.

Такъ закончилось «усмиреніе» въ Аллекюлѣ.

XIV.

Протестъ и опроверженіе.

«Юрьевъ, 18 января. Просимъ напечатать слѣдующій протестъ: обвиненіе эстонскаго населенія въ сепаратистическихъ тенденціяхъ лишены всякаго основанія. Возбужденное состояніе умовъ, начавшееся съ 17 октября, проявлялось въ стремленіи къ реформамъ школы, аграрнаго устройства и мѣстнаго самоуправленія на основаніи всеобщаго голосованія въ видахъ избавленія отъ угнетающаго экономическаго и политическаго господства нѣмецкаго помѣщичьяго меньшинства. Выдѣлялись фракціи: умѣренная стремилась къ осуществленію реформъ конституціоннымъ путемъ и культурными средствами, а также къ культурному соперничеству съ привилегированнымъ нѣмецкимъ элементомъ; крайняя, находившаяся подъ вліяніемъ общеимперскаго революціоннаго движенія, добивалась указанныхъ реформъ самовольными мѣрами, которыми увлеклась главнымъ образомъ незначительная часть городского пролетаріата и безземельнаго сельскаго населенія. Крайнее направленіе поощрялось всеобщимъ бездѣйствіемъ властей съ 17 октября. Въ связи съ увеличивающимся общеимперскимъ встревоженнымъ состояніемъ умовъ подъ дѣйствіемъ желѣзнодорожной и почтово-телеграфной забастовокъ немногочисленные край-

ніе элементы мѣстами приступали къ самовольной замѣнѣ прежняго состава волостныхъ правленій новыми лицами на основаніи всеобщаго голосованія безъ насилія. Насильственныя дѣйствія, проявив-

„Въ Прибалтійскомъ краѣ". Горящая латышская деревня.

шіяся въ разгромахъ имѣній, начались съ строгаго проведенія военнаго положенія въ Ревелѣ и съ ареста ревельскихъ дѣятелей. Шайки неорганизованныхъ ревельскихъ пролетаріевъ, къ которымъ при-

соединились хулиганы, направлялись въ уѣзды, чтобы отомстить разгромомъ имѣній помѣщикамъ, въ которыхъ видѣли виновниковъ строгаго примѣненія военнаго положенія. Къ шайкамъ, отчасти подъ вліяніемъ террора, присоединились главнымъ образомъ безземельные элементы.

Общій характеръ движенія аграрный. Цѣль заключалась въ устраненіи помѣщичьяго экономическаго гнета. Если бы представители власти совершенно не бездѣйствовали, умѣренные элементы собственными силами преодолѣли бы сторонниковъ насилія. Напримѣръ, крестьяне Перновскаго уѣзда составили милицію для отраженія ревельскихъ шаекъ, опустошавшихъ имѣнія. Прибывшія во второй половинѣ декабря войска, нигдѣ не находя сопротивленія, однако стали дѣйствовать, какъ будто имѣли дѣло съ открытымъ вооруженнымъ возстаніемъ. Не находя всегда прямыхъ виновниковъ погромовъ, войска подъ командою офицеровъ нѣмцевъ, какъ Мидчипмана, фонъ-Штейна, ротмистра фонъ-Сиверса, военнаго прокурора фонъ-Коцебу и другихъ, захватывали, преимущественно по указаніямъ помѣщиковъ-нѣмцевъ, лицъ, выступавшихъ ораторами на допускавшихся послѣ 17 октября митингахъ, также замѣченныхъ въ самовольной охотѣ или имѣвшихъ личныя дѣла съ помѣщиками. Арестованные подвергались произвольно, безъ предварительнаго разслѣдованія и суда, разстрѣливанію или жестокой поркѣ до 200 ударовъ, часто по единоличному распоряженію офицеровъ, позволявшихъ себѣ расправу также надъ опорочепными по частнымъ дѣламъ, слывущими ворами и проч. Сжигалось также имущество заподозрѣнныхъ. Въ одномъ Феллинскомъ уѣздѣ, гдѣ разгромовъ не было, разстрѣляно болѣе семидесяти лицъ. Приведемъ нѣсколько отдѣльныхъ рельефныхъ случаевъ: инспекторъ эстонскаго александровскаго городского училища, стипендіатъ министерства земледѣлія агрономъ Рамотъ безъ разслѣдованія былъ назначенъ къ разстрѣлянію и лишь по ходатайству жены преданъ военному суду. Въ Феллинскомъ городскомъ училищѣ трое учениковъ высѣчены солдатами за предъявленіе учебному начальству петиціи. Въ Лугенгузенѣ Везенбергскаго уѣзда убиты и ранены залпами матросовъ запершіяся отъ страха въ домѣ одна женщина и четверо дѣтей. Произволъ дѣйствующаго подъ руководствомъ имѣющаго кажется чрезвычайныя полномочія генерала Безобразова летучаго отряда ротмистра фонъ-Сиверса нынѣ достигъ Юрьевскаго уѣзда, гдѣ, кромѣ самовольной рубки лѣса въ Лайваскомъ имѣніи и вытре-

бованія оружія у загницкаго помѣщика, никакихъ насильственныхъ дѣйствій не было. 14, 15 и 16 января въ Ранденскомъ приходѣ ротмистръ фонъ-Сиверсъ, по указаніямъ мѣстнаго ранденскаго помѣщика фонъ-Берга, началъ расправу. Безъ всякаго основанія назначено тѣлесное наказаніе волостному писарю Янесу, который освобожденъ только по единодушному ходатайству всего мѣстнаго населенія; фонъ-Сиверсъ заставилъ принадлежащаго къ мѣстной сельской интеллигенціи умѣренной фракціи бывшаго волостного старшину Ольдта держать подвергавшагося поркѣ крестьянина за ноги, Янеса офицеръ отправилъ въ сопровожденіи солдатъ за розгами для него же. Населеніе охвачено паникой. Были случаи помѣшательства и самоубійства отъ страха. Народъ возмущенъ издѣвательскимъ произволомъ офицеровъ. Правосознаніе уничтожается ничѣмъ невызванными жестокостями. Въ наущиваніяхъ помѣщиковъ-нѣмцевъ усматриваютъ стараніе возстановить иго нѣмецкое при помощи государственной власти. Такое предположеніе усиливается фактомъ, что ротмистромъ фонъ-Сиверсомъ сдѣлано населенію внушеніе обращаться за добрымъ совѣтомъ какъ жить къ помѣщикамъ и при встрѣчѣ съ ними снимать шапки. Предвидится въ будущемъ жажда тайной мести, обостреніе впослѣдствіи отношеній населенія къ нѣмецкому элементу и подрывъ всякаго довѣрія къ правительству. Нынѣшній произволъ жестокости и несправедливости представляется настоящимъ средствомъ истребить лояльность и уваженіе къ законности, пагубно отражаясь на будущемъ Прибалтійскаго края. Мѣстное коренное эстонское населеніе, какъ упорный трудовой элементъ, не заслуживаетъ угнетенія со стороны государственной власти въ угоду привилегированному нѣмецкому меньшинству. Протестуя противъ насилія, изводящаго населеніе, эстонская интеллигенція считаетъ совершенно достаточнымъ судебныхъ властей для привлеченія къ отвѣтственности виновныхъ въ нарушеніи порядка въ насильственныхъ дѣйствіяхъ и самоуправствѣ. Эстонское населеніе, всегда исполнявшее долгъ передъ государствомъ, ожидаетъ прекращенія нынѣшняго произвола и примѣненія мѣръ справедливости и законности».

Теннисонъ, редакторъ, кандидатъ правъ; Ауле, кандидатъ коммерціи; Виркгаузъ, секретарь; Гюнерсонъ, публицистъ; Калласъ, докторъ философіи; Кивастикъ, городской гласный и др.

* * *

Для читателей, конечно, не прошли незамѣченными телеграфный протестъ изъ Юрьева мѣстной эстонской интеллигенціи противъ насилій и произвола и затѣмъ опроверженіе этихъ же лицъ.

Итакъ—эстонскіе интеллигенты, довѣрившись «частнымъ свѣдѣніямъ», разошлись съ дѣйствительностью, теперь же они получили точныя данныя. Далѣе протестанты оговариваются, что тенденція ихъ телеграммы вовсе не заключалась въ намѣреніи оскорбить честь войскъ.

Ошибка исправлена и правда восторжествовала!

Для наибольшаго возстановленія истины постараемся пролить свѣтъ на точныя данныя.

Вотъ свѣдѣнія, собранныя мною въ Юрьевѣ по этому поводу.

Послѣ появленія въ печати телеграфнаго протеста изъ Юрьева, сюда экстренно прибылъ генералъ Безобразовъ.

Одного изъ подписавшихъ протестъ (г. Тениссона) немедленно вызвали къ генералу и къ мѣстному временному генералъ-губернатору Колоченко.

Генералъ Безобразовъ въ очень вѣжливой корректной формѣ объявилъ г. Тениссону, что протестъ не соотвѣтствуетъ истинѣ и оскорбляетъ честь войскъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ неточностей еще оказались слѣдующія: 1) агрономъ Рамотъ къ разстрѣлу приговариваемъ не былъ; 2) фонъ-Коцебу военнымъ прокуроромъ не состоитъ, а только переводчикомъ; 3) офицеры въ дѣйствительности подвергали разстрѣлу и наказаніямъ лицъ, вина которыхъ была доказана, и все это происходило по законамъ военнаго времени.

Всѣ эти «возстанавливающія истину» обстоятельства подтверждаются, какъ сказалъ генералъ, офиціальными донесеніями и источниками.

Г. Тениссонъ заявилъ (какъ мнѣ передавали), что протестующіе отнюдь и не думали оскорблять чести войскъ. Для всѣхъ понятно, что войска исполняютъ свой долгъ, тяжелый, мучительный долгъ. Разумѣется войска дѣйствуютъ по приказанію свыше. Но нельзя не протестовать, когда военная сила съ безповоротными скорыми полевыми судами примѣняется тамъ, гдѣ не видно никакой экстренной надобности. Трудно допустить мысль, чтобы офицеръ сознательно могъ разстрѣлять невиновнаго, но экстренность слѣдствія можетъ и приводитъ къ роковымъ ошибкамъ. Нельзя также не протестовать противъ непостижимой жестокости нѣкоторыхъ преставителей карающей

власти, жестокости, превышающей надобность военнаго времени. Также нельзя не протестовать и противъ допущенія мѣстныхъ нѣмцевъ-дворянъ къ качествѣ судей эстонскаго и латышскаго населенія, такъ какъ во всякомъ случаѣ безпристрастіе этихъ лицъ подлежитъ большому сомнѣнію. Вотъ существенныя данныя эстонскаго протеста. Въ остальномъ и въ виду общаго возбужденія умовъ могли быть и ошибки.

Генералъ на это замѣтилъ, что онъ понимаетъ возраженія гражданскихъ людей, но законы военнаго времени носятъ совершенно другой характеръ.

— Вотъ, послѣ отмѣны военнаго положенія мы навѣрное поймемъ другъ друга,—дабавилъ генералъ.

Далѣе г. Тениссону и для передачи всѣмъ подписавшимъ протестъ былъ любезно, но категорически объявленъ такой ультиматумъ:

«Требуемъ, чтобы вы послали въ тѣ же газеты опроверженіе, въ противномъ случаѣ вы всѣ будете преданы *полевому суду*. Даемъ на размышленіе 24 часа».

Полевому суду! Эта перспектива вызвала въ нѣкоторыхъ протестантахъ чувство, какое вызываетъ дуло револьвера, приставленнаго къ вашему виску посторонней властною рукой...

Можно бы рѣшиться выступить па судѣ гражданскомъ въ качествѣ обвиняемыхъ. Эстонцы были увѣрены, что они доказали бы свою невиновность въ главномъ обвиненіи—намѣреніи оскорбить честь войскъ. Ну, а за неточности въ передачѣ менѣе значительныхъ фактовъ можно бы и понести наказаніе!—Но здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, извѣстно, что такое полевой судъ! Попробуйте при головокружительной быстротѣ дѣлопроизводства полевого суда что-нибудь доказать! Рискъ—воля ваша—страшный, а многіе изъ подписавшихъ протестъ люди семейные!..

Въ результатѣ размышленій отвѣтъ на грозный ультиматумъ былъ утвердительный, и опроверженіе появилось въ газетахъ.

Пишущему эти строки также приходилось и приходится писать противъ произвола и пересоловъ, чинимыхъ нѣкоторыми военными властями.

Писалъ я изъ Москвы, отмѣчая цѣлый рядъ непостижимыхъ жестокостей въ декабрьскіе кровавые дни въ Москвѣ, писалъ и пишу теперь и изъ Прибалтійскаго края и не думаю, что даже и полевой судъ обвинитъ меня въ намѣреніи оскорбить честь войскъ.

Не будучи военнымъ, я тѣмъ не менѣе основательно знаю быть нашихъ войскъ и ихъ нужды, ибо въ качествѣ военнаго корреспондента всю злополучную войну провелъ на позиціяхъ и въ арміи, лично на себѣ испытавъ многія невзгоды.

Я привыкъ любить войско—плоть отъ плоти народа нашего—и всегда радовался возможности отмѣтить всѣ успѣхи и хорошія стороны нашей военной среды. Я никогда не приписывалъ наши ужасныя манчжурскія неудачи качествамъ войскъ, а видѣлъ эти причины въ несовершенствѣ и непригодности нашего режима.

Я отлично знаю, сколько честныхъ, хорошихъ людей у насъ въ арміи, и тѣмъ болѣе увѣренъ, что мои протесты противъ жестокости, произвола и насилія будутъ оцѣнены по достоинству.

Я отъ всей души присоединяюсь къ существеннымъ даннымъ протеста эстонской интеллигенціи. Съ фактами въ рукахъ я докажу вамъ жестокость нѣкоторыхъ офицеровъ изъ мѣстныхъ нѣмцевъ, не оправдываемую никакими условіями военнаго времени. Я докажу также и скрѣплю доказательства свидѣтельскими показаніями, что вслѣдствіе быстроты слѣдствія и производства военнаго суда погибли невинныя жертвы!..

XV.

Феллинская трагедія.

Подвиги нѣмецкой „милиціи“. — Напутствіе бунтарямъ. — Инквизиція и пытки нашего вѣка. — Военная карательная экспедиція въ городскомъ училищѣ. — Разстрѣляніе ш.-ротмистромъ фонъ-Сиверсомъ малолѣтнихъ и лицъ непричастныхъ къ политическому движенію. — Спасенный отъ разстрѣлянія.

Въ Феллинскомъ уѣздѣ освободительное революціонное движеніе отразилось самымъ слабымъ образомъ. Происходили обычные митинги, на которыхъ, повидимому, доминировали вѣянія умѣренной тенниссоновской фракціи. Только въ двухъ волостяхъ пробовали было пере-

избрать волостное управленіе и читались постановленія, принятыя по поводу современнаго положенія Россіи крайней фракціей. Но все это продѣлывалось мирно, безъ насилій, постановленіями сходовъ.

Въ общемъ, по дружному завѣренію вполнѣ заслуживающихъ довѣрія мѣстныхъ русскихъ и эстонскихъ гражданъ въ Феллинскомъ уѣздѣ, а тѣмъ болѣе, въ Феллинѣ, все время было спокойно. Никакихъ грабежей и погромовъ.

Впрочемъ, еще въ началѣ декабря, мѣстная нѣмецкая партія во главѣ съ баронами организовала въ Феллинѣ милицію самообороны, нѣчто въ родѣ пресловутой шмаковской милиціи въ декабрскіе кровавые дни въ Москвѣ...

Отрядъ этой милиціи, тщательно вооруженный, на хорошихъ коняхъ выѣхалъ изъ Феллина на поиски «разбойниковъ». Гдѣ-то по близости имѣнія Кабалъ отряду будто бы удалось настичь «шайку» поджигателей. Рыцари побѣдили. Трехъ крестьянъ они разстрѣляли на мѣстѣ, а пятерыхъ взяли «въ плѣнъ» и торжественно привезли въ феллинскую тюрьму. Послѣ этого «дѣла» даже и милиція вынуждена была бездѣйствовать, такъ какъ въ уѣздѣ и городѣ было рѣшительно тихо.

24 декабря въ городѣ объявлено военное положеніе. Тогда же сюда прибылъ отрядъ уланъ съ артиллеріей. Отрядомъ командовалъ полковникъ Марковъ.

Въ городѣ и уѣздѣ начались аресты.

26 декабря произошелъ характерный эпизодъ, ярко рисующій, отъ какихъ случайностей зависитъ жизнь гражданина, имѣвшаго великое несчастіе попасть подъ иго военнаго суда.

Передадимъ этотъ случай такъ, какъ разсказывалъ мнѣ его мѣстный священникъ.

— 26 декабря,—такъ началъ свой разсказъ о. Б.,—часовъ около 4-хъ утра, меня разбудилъ полицейскій надзиратель, приглашавшій для напутствованія арестантовъ въ замкѣ барона Унгеръ-Штембергеръ. Отправился я туда. Мрачное такое, темное, ненастное утро было. Въ замкѣ засталъ пастора и какого-то офицера. Офицеръ объявилъ мнѣ и пастору, что мы должны напутствовать четырехъ заключенныхъ, приговоренныхъ къ разстрѣлу.—Знаютъ ли приговоренные объ ожидающей ихъ участи?—спросилъ я офицера.—Нѣтъ, не знаютъ.—Охъ, какая тяжелая обязанность объявлять это!..—вздохнулъ я и отправился къ заключеннымъ, среди которыхъ одинъ былъ

православный. Это былъ 19-лѣтній сельскій учитель Янзенъ. Я зналъ его и никакъ не могъ представить себѣ этого юношу такимъ важнымъ преступникомъ. Сначала ужасная вѣсть не произвела впечатлѣнія на Янзена. Онъ положительно не повѣрилъ, что его могутъ разстрѣлять. Правда, онъ участвовалъ на митингахъ и разъяснялъ крестьянамъ постановленія юрьевскаго конгресса, но кто же послѣ манифеста 17 октября не участвовалъ на митингахъ?.. Но когда стало извѣстнымъ, что уже сдѣланы приготовленія къ разстрѣлу и у озера заготовлена могила—Янзенъ повѣрилъ... Трудно передать его ужасъ, смѣшанный съ изумленіемъ. Я успокаивалъ его, а затѣмъ рѣшилъ отправиться къ офицеру, чтобы заступиться. Подошелъ и еще одинъ офицеръ. Я говорилъ имъ, что нельзя ли отсрочить разстрѣлъ и назначить судъ и слѣдствіе. Одинъ изъ офицеровъ сказалъ: «попросите полковника, быть можетъ, онъ и уважитъ вашу просьбу». Хотѣлъ доложить полковнику, но получился отвѣтъ, что онъ спитъ. Дѣлать нечего—причастилъ я Янзена [1]). Онъ, бѣдняга, все время просилъ и умолялъ, чтобы только назначили подробное слѣдствіе и судъ! Вдругъ появляется полковникъ Марковъ.—Вы какъ здѣсь?—съ изумленіемъ спрашиваетъ онъ меня и пастора.—Мы объяснили. Полковникъ прочиталъ статьи закона, кажется о полевыхъ судахъ, гдѣ сказано, что бунтарей можно разстрѣливать и безъ напутствія...—Даже, чтобъ никто и не зналъ объ разстрѣлѣ, — добавилъ полковникъ.— Но, впрочемъ,—сказалъ затѣмъ Марковъ,—если ужъ все такъ вышло, то я откладываю разстрѣлъ. Принимаю это на свою отвѣтственность. Пусть пополнится слѣдствіе и, затѣмъ произойдетъ судъ. — Всѣмъ намъ стало радостно, полковникъ и офицеры сами были довольны такимъ оборотомъ дѣла.

Обрадованныхъ отсрочкой арестантовъ отправили въ тюрьму.

Итакъ, благодаря великодушію полковника, 4 человѣка получили временное право на жизнь и надежду на болѣе точное обстоятельное слѣдствіе.

Офицеры изъ отряда Маркова выражали удивленіе и удовольствіе, что въ Феллинѣ и уѣздѣ такъ спокойно. Вскорѣ этотъ отрядъ потребовали въ другую мѣстность, кажется въ Руенъ.

---

[1]) Впослѣдствіи Янзенъ былъ доставленъ въ Очлустверкую волость, гдѣ по суду фонъ-Сиверса былъ разстрѣлянъ.

А въ Феллинъ прибыли драгуны во главѣ съ штабъ-ротмистромъ фонъ-Сиверсомъ.

Съ этого времени начинается феллинская драма даже, вѣрнѣй, жестокая кровавая трагедія...

* * *

Къ 9 января феллинская тюрьма переполнилась заключенными, которыхъ пришлось даже размѣстить въ другихъ, наскоро приспособленныхъ, помѣщеніяхъ.

Въ числѣ заключенныхъ были подозрѣваемые въ грабежахъ и поджогахъ въ сосѣднихъ уѣздахъ (такихъ лицъ числилось около 20), но большинство были арестованы по тайнымъ доносамъ и по характеристикѣ мѣстной полиціи—эте мелкіе мошенники, воры, покушавшіеся когда-то на кражу и только подозрѣваемые въ мелкихъ уголовныхъ проступкахъ. Можно положительно утверждать, что по крайней мѣрѣ половина заключенныхъ не имѣла отношенія ни къ политическому, ни къ аграрному движеніямъ и не принимала участія въ грабежахъ и насиліяхъ.

Начались экзекуціи. Подъ личнымъ наблюденіемъ шт.-ротмистра фонъ-Сиверса, солдаты пороли арестованныхъ ивовыми скрученными толстыми прутьями. Били жестоко, безпощадно. Число ударовъ назначалось фонъ-Сиверсомъ отъ 25 до 200, а иногда шт.-ротмистръ просто поглядывалъ на свои браслетные кавалерійскіе часы и опредѣлялъ экзекуціи по времени.

Нѣкоторые изъ истязуемыхъ, даже женщины, проявляли иногда удивительную героическую стойкость—стиснувъ зубы, не издавали ни одного стона. Тѣло несчастныхъ, по выраженію одного изъ экзекуторовъ, превращалось въ сплошную кровяную говядину, отдѣлялись полоски кожи и клочья мяса, а страдальцевъ продолжали бить, въ надеждѣ вырвать измученный стонъ.

Были случаи [1]), когда фонъ-Сиверсъ, заговорившись съ кѣмъ-нибудь изъ бароновъ или полицейскихъ, забывалъ про экзекуцію и свои часы... затѣмъ онъ оборачивался къ солдатамъ, только что закончившимъ огромное количество ударовъ и хладнокровно говорилъ: «А ну, валяйте его еще, ребята!» И несчастную жертву подвергали вторичной пыткѣ.

---

[1]) Я группирую эти ужасныя подробности изъ различныхъ фактовъ экзекуторской дѣятельности «Христолюбиваго воина»—г. фонъ-Сиверса.

Иногда фонъ-Сиверсу казалось, что солдаты щадятъ приговоренныхъ и бьютъ недостаточно сильно. Тогда онъ поручалъ экзекуцію мѣстнымъ крупнымъ уголовнымъ арестантамъ, предупреждая ихъ, что если будутъ бить недостаточно сильно, то подвергнутся сами жестокой карѣ.

И экзекуція продолжалась съ удвоенной энергіей. Былъ случай, когда только-что избитая розгами женщина, не издавшая ни одного стона, сильнымъ энергичнымъ голосомъ заявила своему мучителю:

— Это не по закону. Такихъ русскихъ законовъ нѣтъ, чтобы такъ наказывать!

Фонъ-Сиверсъ приказалъ выпороть ее вторично.

Не знаю какими законами, какими временными положеніями и приложеніями руководился фонъ-Сиверсъ, съ какой то непостижимой жестокостью смаковавшій казни и пытки и прибѣгавшій къ чисто-инквизиторскимъ пріемамъ.

Посудите сами. Нѣкоторыхъ изъ обреченныхъ, для усугубленія ихъ страданій нравственной пыткой, угрозами заставляли держать ноги жертвъ экзекуціи. Этой пыткѣ подвергались обыкновенно болѣе развитые люди—писаря, волостные старшины и др.

Многимъ ради позора обрѣзали волосы на головѣ (у женщинъ) и обривали головы, усы и бороды у мужчинъ.

По свидѣтельству одного изъ мѣстныхъ адвокатовъ, такимъ нравственнымъ и физическимъ пыткамъ былъ, между прочими, подвергнутъ молодой художникъ г. В—ъ, близкій къ умопомѣшательству отъ перенесеннаго потрясенія...

Экзекуціямъ и пыткамъ [1]) подвергались безусловно и женщины, и совершенно юные мальчуганы.

Былъ день (11 января), когда—по выраженію мѣстныхъ обывателей—стонъ стоялъ надъ Феллиномъ. Били въ тюрьмѣ, били въ кормчѣ и били, наконецъ, даже въ городскомъ училищѣ... (?)

* * *

«Крамола» была обнаружена и въ феллинскомъ городскомъ училищѣ. Здѣсь—изволите ли видѣть—ученики подали своему учебному начальству петицію, въ которой, главнымъ образомъ, просили, чтобы преподаваніе велось на родномъ языкѣ, съ обязатель-

[1]) Развѣ можно другимъ словомъ опредѣлить эти «дѣйствія» карателя фонъ-Сиверса? *В. К.*

нымъ однако изученіемъ и русскаго,—не обязательное ношеніе формы внѣ классовъ, свободное чтеніе книгъ въ училищной библіотекѣ...

9 января фонъ-Сиверсъ пригласилъ къ себѣ въ гостиницу учителей Михельсона и Глаголевскаго, строго предупредивъ ихъ, что они виновники броженія среди учениковъ и могутъ быть разстрѣляны за это. Впрочемъ, угроза эта не осуществилась.

11 января фонъ-Сиверсъ, въ сопровожденіи 12 солдатъ, явился въ училище, когда ученики были въ сборѣ. Онъ заявилъ инспектору, что за протестъ подвергнетъ учениковъ экзекуціи—одного черезъ десятаго. Учительскій персоналъ энергично запротестовалъ противъ насилія.

Фонъ-Сиверсъ нашелъ возможнымъ уступить и потребовалъ отъ инспектора выдачи «главарей», т. е. учениковъ, лично подававшихъ петиціи. Были указаны ученики Янъ Мялькъ и Мегусъ.

Передъ этимъ, изъ толпы обезумѣвшихъ отъ ужаса учениковъ, выдѣлился робкій голосъ маленькаго мальчугана Леопольда Кихно:

— Г. офицеръ, неужели насъ всѣхъ будутъ пороть?

— А, онъ еще разговариваетъ,—разсвирѣпѣлъ штабъ-ротмистръ.— Дать ему сорокъ ударовъ!

И мальчугана подвергли жестокой экзекуціи. „Главари“ отдѣлались дешевле, чѣмъ этотъ несчастный ребенокъ,—они получили по 25 ударовъ!

И такъ состоялась жестокая, ужасная расправа надъ малолѣтними.

Уже много времени спустя, я бесѣдовалъ съ малышами по этому поводу.

И нервная судорога искривила дѣтскія личики при одномъ только воспоминаніи ужасной расправы. Слѣды сильнаго нервнаго потрясенія молодыхъ, совершенно не окрѣпшихъ организмовъ, были на лицо.

* * *

9-го января подъ предводительствомъ фонъ-Сиверса солдаты вывели за городъ на лѣсистый берегъ озера первую партію изъ 40 человѣкъ. Тутъ были подозрѣваемые въ грабежахъ и поджогахъ въ сосѣднихъ уѣздахъ (такихъ лицъ числилось около 20), остальные—арестованные по тайнымъ доносамъ разныхъ лицъ и по характеристикѣ мѣстной полиціи—это мелкіе мошенники, воры, покушавшіеся когда то на кражу и только подозрѣваемые въ мелкихъ уголовныхъ проступкахъ. Можно положительно утверждать, что многіе изъ обреченныхъ совер-

шенно не имѣли отношенія ни къ политическому, ни къ аграрному движеніямъ и не принимали участія въ грабежахъ и насиліяхъ.

Былъ 8-й часъ утра. У озера была приготовлена огромная яма—

„Въ Прибалтійскомъ краѣ". Разстрѣлъ (съ момент. фот.).

могила, разсчитанная на нѣсколько десятковъ человѣкъ. Приговоренные ждали казни съ завязанными за спину руками, у нѣкоторыхъ—

по разсказамъ очевидцевъ—руки уже были отморожены. Противъ обыкновенія для напутствія былъ приглашенъ священникъ и пасторъ.

Произошла тяжелая мучительная сцена. Обреченные падали на колѣни и молили о пощадѣ. Они не просили освободить ихъ, но рыдая, оглашая воздухъ отчаянными, душу раздирающими криками, молили только о назначеніи слѣдствія и суда!..

Говорятъ, что смертный приговоръ былъ утвержденъ по телеграфу генераломъ Безобразовымъ, но во всякомъ случаѣ по достовѣрнымъ, неопровержимымъ источникамъ я знаю, что на усмотрѣніе временнаго прибалтійскаго генералъ-губернатора смертные приговоры представлены не были.

Трудно установить фамиліи разстрѣлянныхъ, но имена тѣхъ, которыхъ напутствовалъ священникъ, я знаю: 1) Я. Мадисонъ, 2) Я. Пульдеръ, 3) М. Мери, 4) Т. Кернеръ, 5) Н. Михайловъ, 6) А. Кербляне, 7) М. Майсте (оставилъ 6 малолѣтнихъ дѣтей), 8) А. Мулликасъ 21 года, 9) П. Пихелькасъ 17 лѣтъ (!) и 10) А. Пихелькасъ 15 лѣтъ (читайте—пят-на-дца-ти!).

Фамиліи остальныхъ 30 мнѣ неизвѣстны. Ихъ партіями по 3—4 человѣка разстрѣляли. Нѣкоторыхъ пришлось доканчивать штыками и револьверами, а одинъ изъ очевидцевъ высказываетъ ужасное предположеніе, что могли быть случаи и заживо погребенныхъ, такъ какъ тѣла безъ всякаго внимательнаго осмотра побросали въ общую яму и затрамбовали землею, на которой впослѣдствіи выступили кровавыя пятна.

* * *

На другой день послѣ казни фонъ-Сиверсъ выстроилъ на площади войска. Передъ этимъ полицейскіе и солдаты созывали на площадь народъ. Пробили барабаны, и фонъ-Сиверсъ обратился къ народу съ рѣчью, которую онъ самъ же перевелъ и на эстонскій языкъ.

Передаю эту характерную рѣчь такъ, какъ ее запомнили нѣкоторые слушатели.

— Крестьяне въ послѣднее время не давали помѣщикамъ пользоваться лѣсомъ, закрыли корчмы и проч.—все это противозаконно. Это наставленія разныхъ смутьяновъ, мошенниковъ и воровъ. Если крестьяне сами не знаютъ, какъ поступать, то слѣдуетъ обращаться къ помѣщикамъ за совѣтомъ, которые всегда давали и дадутъ хорошіе совѣты. Здѣсь много разстрѣляно негодяевъ, и я буду еще разстрѣливать... При встрѣчѣ съ помѣщикомъ крестьяне должны снимать шапку и кланяться, иначе буду пороть!

Въ другой своей рѣчи фонъ-Сиверсъ запрещалъ крестьянамъ читать газеты, заявивъ, что «изъ газетъ они вычитаютъ себѣ только розги».

* * *

11 января въ Феллинѣ разстрѣляли еще 13 человѣкъ. Затѣмъ начались многочисленные разстрѣлы и экзекуціи въ уѣздѣ.

И всюду, гдѣ карателемъ выступалъ фонъ-Сиверсъ, ужасы варьировались разными оттѣнками, говорить о которыхъ тяжело да пожалуй и безполезно...

Можно только изумляться, какъ могли генералы гг. Орловъ, Безобразовъ и др. брать къ себѣ офицеровъ изъ мѣстныхъ бароновъ, пристрастность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Я, напримѣръ, положительно знаю, что у фонъ-Сиверса въ качествѣ мѣстнаго помѣщика, были съ крестьянами столкновенія, доходившія до суда.

* * *

Разсказываютъ, что, когда генералъ Безобразовъ разбиралъ протестъ эстонской интеллигенціи, тутъ же находился и шт.-ротмистръ фонъ-Сиверсъ.

Фонъ-Сиверсъ далъ объясненіе, что онъ подвергаетъ разстрѣлу и экзекуціямъ только тѣхъ лицъ, относительно которыхъ существуетъ твердое убѣжденіе и доказательства, что они «дурные», негодные люди. Многихъ преступниковъ выдавали фонъ-Сиверсу сами крестьяне.

Дѣйствительно были случаи, когда терроризованные крестьяне выдавали болѣе или менѣе порочныхъ членовъ своего общества. «Преступники» эти обыкновенно ничего общаго съ политическимъ движеніемъ не имѣли и являлись несчастными жертвами отпущенія.

Что же касается многочисленныхъ разстрѣловъ, произведенныхъ фонъ-Сиверсомъ, то можно только изумляться, откуда шт.-ротмистръ черпалъ свое твердое убѣжденіе и доказательство виновности разстрѣливаемыхъ лицъ.

Я положительно утверждаю, что нѣкоторыя жертвы разстрѣла погибли или за мелкіе уголовные проступки, или же совершенно безвинно.

Вотъ напримѣръ крестьянинъ Ланнъ Феллидсторингъ. За что его разстрѣляли? По общимъ отзывамъ лицъ, знавшихъ его, это былъ честный работникъ, а къ политическому движенію онъ вовсе не принадлежалъ.

По обвиненію за сношеніе съ ворами и мошенниками разстрѣлянъ нѣкто Пійръ. Онъ былъ мелкій ходатай по судебнымъ дѣламъ. Защита мелкихъ уголовныхъ преступниковъ—была единственнымъ источникомъ его существованія. Обвинить же его можно было только за пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ... Но развѣ за это разстрѣливаютъ?

Укажу еще на разстрѣляннаго крестьянина Кассъ. По показаніямъ многихъ лицъ, его могли обвинить только въ тайной продажѣ водки.

* *
*

Одного изъ обреченныхъ фонъ-Сиверсомъ къ разстрѣлу—учителя Кельдера—удалось отстоять и спасти.

Фонъ-Сиверсъ извлекъ Кельдера изъ тюрьмы, гдѣ тотъ содержался въ числѣ другихъ политическихъ. Кельдера доставили въ Тенасальмскую волость (Феллинскаго уѣзда).

Здѣсь фонъ-Сиверсъ спрашиваетъ Кельдера, православный ли онъ?

Почувствовавши въ этомъ вопросѣ что то недоброе, Кельдеръ спрашиваетъ:

— Къ чему же я приговоренъ?

Фонъ-Сиверсъ молчитъ.

— Неужели къ смерти?

— Да. Васъ судъ приговорилъ къ разстрѣлу!—наконецъ, отвѣчаетъ фонъ Сиверсъ.

— Но гдѣ же былъ этотъ судъ? Какъ же меня не допрашивалъ еще никто?..—взмолился Кельдеръ.

Молчаніе.

Тогда Кельдеръ проситъ разрѣшенія пригласить для напутствія священника.

Это ему разрѣшили.

Священникъ, знававшій учителя Кельдера за противника всякихъ насилій и за вполнѣ легальнаго дѣятеля, рѣшилъ заступиться за него.

Къ этому времени къ мѣсту предполагаемаго разстрѣла собрался и народъ, узнавшій о предстоящей учителю—общему любимцу—ужасной участи.

Кельдеръ уже принялъ причастіе.

Священникъ началъ умолять фонъ-Сиверса отсрочить казнь, ручаясь за благонадежность Кельдера. Изъ толпы народа раздались

крики: «пощадите его! Онъ всегда насъ и дѣтей нашихъ училъ только всему хорошему!..»

Фонъ-Сиверсъ былъ неумолимъ.

Тогда священникъ и толпа упали на колѣни. Многіе молили и плакали. Священникъ просилъ дать возможность послать генералъ-губернатору телеграмму.

Наконецъ фонъ-Сиверсъ смилостивился:

— Дѣлаю отсрочку казни на сутки. Кстати и темно уже теперь. Телеграмму я пошлю самъ.

Но священникъ по просьбѣ народа немедленно отправилъ временному прибалтійскому генералъ-губернатору такую телеграмму: «Войзекскій учитель Кельдеръ проситъ черезъ меня ваше высокопревосходительство сообщить, за что и какимъ судомъ онъ приговоренъ къ смертной казни. Его не допрашивали. По просьбѣ народа 13-го января вечеромъ исполненіе приговора отложено на сутки. Сиверсъ обѣщалъ обратиться телеграммой куда-то. Священникъ *Густавсонъ*».

Въ результатѣ этого ходатайства разстрѣлъ былъ отмѣненъ совершенно, и Кельдеръ впослѣдствіи отдѣлался какимъ-то административнымъ взысканіемъ, но предоставляется судить каждому, что испыталъ этотъ мученикъ произвола, безъ вины поставленный лицомъ къ смерти.

XVI.

Семейный „судъ“ (еще о дѣятельности фонъ-Сиверса).

Въ имѣніи «Мери» (Юрьевскаго уѣзда) фонъ-Зейдлица забастовали батраки. Забастовка продолжалась 2 дня. Вызвана она была совершенно не политическими мотивами. Дѣло въ томъ, что у старика-помѣщика было два сына, изъ которыхъ одинъ еще въ прошломъ году обѣщалъ батракамъ за особую службу по охранѣ имѣнія отъ нападенія хулигановъ по 10 рублей каждому, но, не выполнивъ обѣщанія, умеръ.

Отецъ и братъ покойнаго не пожелали исполнить обѣщаніе, что и вызвало протестъ батраковъ въ видѣ двухнедѣльной забастовки.

И вотъ 23-го января въ «Мери» явились «каратели». Это были — шт.-ротмистръ фонъ-Сиверсъ (главное дѣйствующее лицо фел-

линской трагедіи), родственникъ фонъ-Зейдлица, затѣмъ помѣщики прапорщики фонъ-Гельмерзенъ [и фонъ-Бергъ и еще помѣщикъ родной братъ фонъ-Сиверса.

Шестерыхъ батраковъ «семейнымъ судомъ» присудили къ тѣлесному наказанію. Несчастные получили по 200 ударовъ, но фонъ-Сиверсъ по своему обыкновенію не ограничился только физическимъ истязаніемъ своихъ жертвъ — онъ подвергъ ихъ и нравственной пыткѣ...

Каждый изъ наказываемыхъ долженъ былъ держать своего товарища при совершеніи экзекуціи!

И вся эта отвратительная «семейная» расправа производилась подъ громкимъ девизомъ усмиренія «крамолы»!

* * *

Вообще фонъ-Сиверсъ былъ чрезвычайно щедръ на тѣлесныя наказанія.

Въ Конготайской волости батраки Л. Лубій и К. Энкъ поссорились съ приказчикомъ имѣнія (Штокебю) совершенно изъ-за пустяковъ—батраки хотѣли набрать въ имѣніи для своихъ надобностей хворосту.

Достаточно было приказчику пожаловаться, чтобы батраки понести тяжелое наказаніе.

Фонъ-Сиверсъ подвергъ ихъ экзекуціи, Энка—100 и Лубія—120 ударовъ.

При этомъ фонъ-Сиверсъ объявилъ, что бьетъ за непочтеніе къ «мызнымъ властямъ» (!)

* * *

Характерное обстоятельство. Въ Феллинѣ, какъ разъ во время террора «усмиренія», производимаго фонъ-Сиверсомъ, происходили выборы (11—15 января).

Само собою разумѣется, избранными оказались всѣ нѣмцы, тогда какъ прежде они далеко не преобладали въ думѣ.

XVII.

Чего стоятъ казенныя «опроверженія».

Въ Прибалтійскомъ краѣ они стоятъ не больше, чѣмъ въ Петербургѣ, какъ показываетъ слѣдующая кровавая исторія. Въ №

616 «Рижск. Вѣд.» было напечатано сообщеніе, что «до 20» подслѣдственныхъ арестантовъ были разстрѣляны въ Феллинѣ начальникомъ отряда фонъ-Сиверсомъ. Въ № 620 же было напечатано опроверженіе предсѣдателя рижскаго окружного суда, что сообщеніе это «совершенно ложно». Редакція, заявляя о правдивости и освѣдомленности лица, доставившаго сообщеніе, недоумѣвала, какъ могло произойти такое недоразумѣніе. Нѣкій, очевидно, свѣдующій феллинецъ сообщаетъ «Рижск. Вѣд.» по этому поводу слѣдующее:

«Недоразумѣніе произошло вслѣдствіе того, что предсѣдатель окружного суда имѣлъ въ виду лишь лицъ, дѣла коихъ были назначены къ разсмотрѣнію въ эту сессію, а не разстрѣлянныхъ г. ф.-Сиверсомъ подслѣдственныхъ арестантовъ, дѣла о которыхъ конечно не могли быть назначены къ слушанію за ихъ смертью и для которыхъ остается лишь одинъ судъ—страшный судъ Христовъ, на которомъ вмѣстѣ съ ними предстанутъ и казнившіе ихъ безъ суда человѣческаго. Могу привести имена 16 подслѣдственныхъ арестантовъ, находившихся въ мѣстной тюрьмѣ въ качествѣ обвиняемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ по постановленіямъ судебнаго слѣдователя 2-го участка Феллинскаго уѣзда и 9 января разстрѣлянныхъ штабсъ-ротмистромъ ф.-Сиверсомъ: К. Рейндорфъ, Юрій Геппокъ, Гансъ Тилль, Оскаръ Кенникъ, К. Юргенсонъ, А. Мегти, Г. Іостъ, Г. Германъ, Г. Пихельгасъ, П. Пихельгасъ, В. Кивисонъ, А. Мулликасъ, Я. Пундеръ, Я. Мадисонъ, Г. Мулликасъ и К. Мулликасъ. Дѣло объ этихъ арестантахъ въ концѣ января было судебнымъ слѣдователемъ направлено къ прекращенію вслѣдствіе казни ихъ. Именъ прочихъ подслѣдственныхъ арестантовъ, казненныхъ ф.-Сиверсомъ, мнѣ не удалось установить, такъ какъ официальные акты мнѣ недоступны, но вѣдь отъ 16 и безъ того не далеко «до 20». Изъ этого видно, что ваше сообщеніе изъ Феллина не было «совершенно ложно».

Ужъ лучше бы замыкались въ «гордое молчаніе» и не брались опровергать ужасную правду!..

Кстати, по поводу прибалтійскихъ дѣлъ. Въ баронскихъ кругахъ продолжается обсужденіе вопроса, весьма современнаго: сколько можетъ человѣкъ перенести ударовъ нагайкой?

Нѣкій докторъ (!) Купперъ въ своей статьѣ, напечатанной въ «Düna-Zeitung», утверждаетъ, что человѣкъ можетъ перенести 400 ударовъ безъ всякаго (!!!) вреда для здоровья. А другой врачъ въ «Рижск. Вѣд.» говоритъ слѣдующее: «Ко мнѣ явился молодой латышъ

изъ Рингмундегофа, получившій 100 ударовъ нагайкой. Картина, представившаяся моимъ глазамъ, когда онъ обнажилъ свое тѣло, была такъ ужасна, что даже мои нервы, закаленные 10-тилѣтнею практикою и полуторагодовымъ пребываніемъ въ Манчжуріи, не выдержали. Я долженъ былъ отвернуться отъ больного, чтобы скрыть свое волненіе. Спина представляла собой сплошную кровоточащую рану. Избавлю читателя отъ болѣе подробнаго описанія. Скажу лишь, что больной не могъ ни сидѣть, ни лежать на спинѣ. Состояніе это продолжалось до 12 дней, пока кожа не покрылась болѣзненными струпьями». Такого состоянія здоровья молодого сильнаго человѣка, получившаго только (!) 100 ударовъ, а по мнѣнію «Düna-Zeitung» 400 ударовъ еще не оставляютъ (!) вреднаго вліянія на здоровьѣ. Карательныя экспедиціи сѣкутъ свои жертвы такъ, что отъ каждаго удара нагайкою по голому тѣлу кровь брызжетъ струями. Карательная экспедиція въ Куртенгофѣ (у Риги) застрѣлила 3-хъ и предала тѣлесному наказанію 38 лицъ. Нѣкоторые изъ избитыхъ (лѣсникъ Яковскій, Браманъ, Озолинъ и др.), получившіе отъ 100 до 150 ударовъ, лежатъ трудно больными.

Говорите послѣ всего этого о культурности нѣмецкихъ прибалтійскихъ круговъ...

(«Русь»).

XVIII.

Нельзя молчать!

Нашъ солдатъ извѣстенъ по всѣмъ войнамъ включительно до русско-японской—какъ сердечный, добродушный человѣкъ, коль скоро врагъ его превратился въ побѣжденнаго или плѣннаго.

Но горе противнику, по странѣ котораго проходятъ наши мало еще развитыя солдатскія массы. Тутъ нуженъ очень строгій надзоръ офицеровъ, въ противномъ случаѣ солдатъ не прочь и помародерничать.

Какъ результаты недосмотра, а иногда индифферентности начальства, такіе случаи бывали въ Манчжуріи, гдѣ солдаты по недоразумѣнію считали нашими врагами манчжуръ и китайцевъ и частенько грабили и разоряли ихъ.

Тѣмъ наибольшая отвѣтственность ложится на военное начальство, руководящее карательными отрядами. Вѣдь дѣйствія этихъ отрядовъ происходятъ не во вражеской странѣ, и здѣсь не должно

быть всемогущихъ побѣдителей, забирающихъ все непріятельское, не разбирая ни правыхъ, ни виновныхъ.

Тяжело писать объ этомъ, но съ грустью приходится констатировать факты, изъ коихъ видно, что и въ Прибалтійскомъ краѣ солдаты, конечно, вслѣдствіе нерадивости своего начальства, дѣйствовали не всегда безупречно.

Тяжело писать это про своихъ, но нельзя молчать! Что подумаютъ о насъ народы, съ которыми намъ придется жить въ дружбѣ и дѣлить общіе интересы?..

Необходимо смыть этотъ позоръ!

Нельзя молчать!—Нужно гласно, только гласно, а не келейно, разобрать всѣ эти факты и предать гласному суду виновныхъ...

* * *

Приведу для примѣра выдержки изъ безыскусственнаго письма дѣвушки къ своему брату. За правдивость этого письма мнѣ ручались.

«Дорогой братъ!.. Въ субботу солдаты окружили Альтъ-Аупъ съ пушками и пулеметами и никого не выпустили. Въ два часа послѣ обѣда они начали насъ обстрѣливать. Мы благополучно перенесли адскій шумъ, тогда солдаты пришли въ наше селеніе и начали грабить жителей. Они выломали двери лавокъ и начали ихъ громить. Въ нашу лавку тоже пришла кучка солдатъ, захватила кассу и все, что только можно было взять съ собою: чай, папиросы, спички. У Рудольфа они отняли часы, били его такъ, что одинъ его глазъ и досихъ поръ не выздоровѣлъ. Тогда они пришли въ пашу квартиру, разбросали платье, перерыли шкафы и комоды, бросили все на полъ и взяли съ собою еще часы. Затѣмъ они пропороли всѣ постели и затѣмъ, угрожая штыками, стали требовать деньги. Когда они обыскали карманы и не нашли денегъ, тогда они начали бить мою мать прикладами ружей въ спину. Меня они также ударили два раза и вытолкнули изъ дому. На улицѣ солдаты грабили и колотили публику. Вечеромъ солдаты устроили такую иллюминацію, что пылало все небо»...

* * *

А вотъ и другой фактъ, но уже болѣе отрадный, показывающій, что есть среди солдатъ и гуманные, съ правильнымъ взглядомъ на вещи.

Дѣло происходило въ Зегевольдѣ въ имѣніи князя Крапоткина [1]).

Въ лавку близъ вокзала явились чины 2-го гвардейскаго стрѣлкового баталіона унт.-офиц. Рыжовъ, рядовой Скомороховъ и еще какіе-то два солдата. Они набрали въ лавкѣ различный товаръ—папиросы, сигаретты, лакомства, въ общемъ рублей на шесть.

«Покупатели» уже собрались уходить, совершенно, повидимому, не думая объ уплатѣ за товаръ.

Терроризованный лавочникъ покорно молчалъ.

Но въ лавкѣ въ это время оказались чины гв. сапернаго батальона, ефрейторъ Коржаковъ и фельдшеръ Чуркинъ.

— Стойте!—закричали они. — Потрудитесь уплатить лавочнику за товаръ!..

Рыжовъ и Скомороховъ вмѣсто уплаты вступили съ саперами въ перебранку, а затѣмъ и въ драку.

Къ счастью саперъ поддержали подошедшіе въ это время унтеръ-офицеры (саперы же) Щукинъ и Слѣтовскій.

Дѣло едва-едва обошлось безъ вооруженнаго столкновенія. Тѣмъ не менѣе, стрѣлковъ задержали и представили по начальству, которое обѣщало взыскать съ виновныхъ.

Но дѣло этимъ не ограничилось. Для наводки слѣдствія къ злополучному лавочнику явился фельдфебель 4-й роты того же стрѣлкового батальона (фамилію его не знаю).

Первымъ дѣломъ фельдфебель постарался нагнать страху на недовольныхъ. Одного изъ крестьянъ, спросившаго въ лавкѣ при фельдфебелѣ у солдата: «Зачѣмъ вы пріѣхали сюда — вѣдь у насъ все тихо?», фельдфебель захватилъ въ вагонъ и немедленно подвергнулъ экзекуціи—50 ударовъ!

Затѣмъ онъ увлекъ лавочника въ отдѣльную комнату и здѣсь вымогалъ у него сто рублей, угрожая ему и женѣ револьверомъ. Безъ сомнѣнія, деньги эти ему были выданы.

Этотъ случай, быть можетъ, сошелъ бы лихому фельдфебелю благополучно, но нѣсколько позже его же совершенно неожиданно накрылъ на мѣстѣ преступленія одинъ изъ саперныхъ офицеровъ...

---

[1]) Отмѣчу кстати характерное явленіе. Князь Крапоткинъ извѣстенъ среди населенія за человѣка справедливаго, гуманнаго. И „повстанцы", опасаясь грабежа со стороны посторонних элементовъ, забрали изъ дома всѣ вещи князя, а впослѣдствіи все почти до мелочей, даже дѣтскія игрушки аккуратно, добровольно возвратили князю.

Выломавъ окно одного изъ домовъ, вломились, безъ свидѣтелей, фельдфебель производилъ въ квартирѣ «обыскъ» и былъ пойманъ съ поличнымъ.

Неизвѣстно, какому суду преданъ этотъ фельдфебель, но было бы желательно, чтобы приговоры по тайнымъ дѣламъ были преданы гласности, а въ особенности должны быть объявлены населенію, гдѣ было совершено преступленіе. Нельзя молчать!

XIX.

Къ характеристикѣ карательныхъ экспедицій.

Адвокатъ М., пользующійся репутаціей безусловно правдиваго человѣка, передалъ мнѣ эпизодъ съ его коллегою З.

Дѣло было въ эти дни «усмиренія» въ гор. Фридрихсштадтѣ.

Адвокатъ З., прибывшій сюда для защиты, прогуливался по коридору мѣстной гостиницы съ мировымъ судьей Х.

Разговаривая про свои личныя дѣла, З., между прочимъ, сказалъ судьѣ:

— Вотъ поѣду замѣщать должность юрисконсульта Либаво-Роменской жел. дор. Тяжелое теперь тамъ положеніе—юрисконсульта административно высылаютъ, другого юриста арестовали...

Въ это время распахивается дверь одного изъ номеровъ и въ коридорѣ появляется какой-то лейтенантъ въ полномъ боевомъ вооруженіи.

— Кто вы такіе, — грозно закричалъ онъ, обращаясь къ З. и судьѣ,—и по какому здѣсь дѣлу?

Собесѣдники объяснили свое званіе и причины пребыванія въ городѣ, поинтересовавшись, въ свою очередь, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло.

— Я—начальникъ карательнаго отряда—объявилъ лейтенантъ,— и долженъ вамъ замѣтить, господа, что вы ведете противоправительственные разговоры... я этого не потерплю!..

Собесѣдники категорически возразили, что никакихъ противоправительственныхъ разговоровъ они не вели, а бесѣдовали про личныя дѣла и отношенія.

Соціальное положеніе З. и судьи, вѣроятно, подѣйствовало успокаивающе на лейтенанта, и онъ, понизивъ топъ, вступилъ въ мирные разговоры съ ними.

Въ этомъ разговорѣ лейтенантъ сдѣлалъ откровенную характери-

стику карательной системы, системы, въ существованіе которой невозможно было бы повѣрить,—говоритъ З.,— если бы это не разсказывалъ лично одинъ изъ руководителей экзекуціи.

— Трудная наша задача, — разсказывалъ лейтенантъ,—заберемъ латышей и начинаемъ допрашивать. Ни звука не отвѣчаетъ, будто бы и не понимаютъ по-русски. Ну, что-жъ, начинаемъ пороть. Приходится всыпать отъ 25 до 150 и болѣе нагаекъ. И когда тѣло превращается въ битую говядину, латышъ начинаетъ говорить по-русски. Продолжаемъ допросъ. И если этотъ допрашиваемый назоветъ чью-нибудь фамилію, какъ агитатора, троекратно, то и... довольно,— агитаторъ захватывается и разстрѣливается.

Полагаю, что и этого отрывка изъ разговора вполнѣ достаточно, чтобы уяснить весь ужасъ произвольной карательной системы.

XX.

Тальсенская трагедія.

Взятіе города Тальсена карательнымъ отрядомъ.— Рѣчь генарала Хорунженко. — Вопіющее дѣло.— Спасенный изъ „мертваго списка".

Въ Туккумѣ, гдѣ повстанцы латыши почти уничтожили отрядъ мѣстныхъ драгунъ [1]), генералъ Хорунженко произвелъ «усмиреніе» довольно мягко, за что и получилъ выговоръ отъ высшаго начальства.

За то въ Тальсенѣ взвинченный выговоромъ генералъ Хорунженко показалъ себя.

Въ Тальсенѣ безъ разбору досталось и виновнымъ и правымъ.

Тальсенъ обстрѣляли артиллеріей, а затѣмъ кавалеристы вошли въ городъ... Начались поджоги домовъ и стрѣльба на улицахъ. Производилась буквально охота на людей. О сопротивленіи никто и не думалъ. Солдаты носились по городу, и стоило кому-нибудь изъ гражданъ появиться на улицѣ, какъ его осыпали пулями.

Трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, вопли обезумѣвшихъ отъ ужаса

[1]) Какъ извѣстно, въ Туккумѣ повстанцы окружили отрядъ драгунъ изъ 40 человѣкъ въ корчмѣ. Осада длилась нѣсколько дней, наконецъ повстанцы подожгли корчму, причемъ погибли частью отъ пуль, частью отъ огня до 20 драгунъ и подполковникъ Миллеръ: трупы оказались изуродованными. Остальные драгуны и офицеры бѣжали.

жителей, грандіозный пожаръ—море огня, изуродованные трупы на улицахъ и крики раненыхъ—вотъ фонъ тальсенской трагедіи.

Дома подозрѣваемыхъ вожаковъ войска подожгли, но такихъ сомнительныхъ домовъ было — по дружному показанію жителей — не болѣе 5—6, тогда какъ сгорѣло 23 дома!..

На улицахъ оказалось до 25 труповъ и 10 раненыхъ. Нѣкоторыя улицы города и теперь еще представляютъ изъ себя обгорѣлыя развалины.

Къ тушенію пожара подъ страхомъ смерти никто не допускался.

Мѣстный воинскій начальникъ приказалъ было тушить пожаръ.

Родственникъ предсѣдателя пожарнаго общества въ сопровожденіи часового солдата, назначеннаго воинскимъ начальникомъ для охраны пожарныхъ, въ пожарной каскѣ вышелъ на улицу и протрубилъ «сборъ» пожарныхъ.

Моментъ... и одинъ изъ драгунъ прицѣлился почти въ упоръ въ добровольца-пожарнаго. Тогда въ свою очередь солдатъ часовой прицѣлился изъ винтовки въ драгуна.

«Враги» стояли другъ противъ друга, не опуская ружей.

Наконецъ, драгунъ спрашиваетъ—что вы за люди?..

— Намъ воинскій начальникъ приказалъ тушить пожаръ—отвѣчаютъ ему.

— Туда-то вашего начальника — закричалъ драгунъ — мы и его пристрѣлимъ!..—Однако драгунъ не рѣшился стрѣлять въ пѣхотинца, и «враги» разошлись безъ кровопролитія.

Мѣстный священникъ о. Циренъ, рискуя своей жизнью, умолялъ солдатъ прекратить поджоги и не мѣшать тушенію пожара, но драгуны отвѣчали:

— Нѣтъ, батюшка, мы мстимъ за Туккумъ!..

Къ генералу Хорунженко, находившемуся на горѣ передъ городомъ отправился воинскій начальникъ, полицейскіе и депутаты отъ города. Генерала просили разрѣшить тушеніе пожара.

— Какъ, нахалы вы этакіе!.. Васъ надо разстрѣлять! Я пріѣхалъ сюда душить, рѣзать, а не тушить!.. — послѣдовалъ отвѣтъ.

Однако, немного спустя, генералъ разрѣшилъ приступить къ тушенію пожара.

Мирнымъ жителямъ, которые пожелаютъ, было разрѣшено покинуть опальный городъ.

И вотъ жители—жертвы террора, побросавъ на произволъ судьбы

почти все свое имущество, направились къ станціи Стенденъ (верстъ 12 отъ Тальсена).

Изгнанники составили обозъ—ленту въ одну версту длиною...

Городъ же опустѣлъ и словно вымеръ... Кто не могъ уѣхать въ Стенденъ, Митаву или Виндаву, попрятались въ ближайшемъ лѣсу.

Въ Стенденѣ, на вокзалѣ, генералъ Хорунженко сказалъ огромной толпѣ жителей-бѣглецовъ характерную рѣчь, которую приведу въ выдержкахъ такъ, какъ она записана у нѣкоторыхъ слушателей.

— Извините, господа!—такъ началъ свою рѣчь Хорунженко,—что я причинилъ вамъ небольшое (!) безпокойство. Я пріѣхалъ въ Туккумъ и когда вступилъ туда, увидѣлъ такую картину: лежитъ подполковникъ Миллеръ съ распоротымъ животомъ и вывороченными внутренностями и съ надписью на груди по-латышски. Дальше лежатъ трупы изуродованныхъ драгунъ и въ проволокѣ запутаны убитыя лошади... Мы вступаемъ въ городъ—раздаются выстрѣлы. Я говорю солдатамъ—подождемъ до утра, а то насъ многихъ убьютъ. Городъ мы оцѣпили. На другой день появилась депутація съ иконою и крестомъ. Я сказалъ имъ, чтобы выдали виновныхъ, а мирнымъ жителямъ опасаться нечего... Такъ вотъ до чего испорчены люди—Миллера, добродушнаго человѣка, убили. Движеніемъ повсюду руководятъ мальчишки! Народъ сдѣлался невѣжливымъ. Напримѣръ: ѣду я изъ Туккума въ Стенденъ. На ст. Перинъ остановка. На вокзалѣ сидятъ нѣсколько человѣкъ, подхожу къ одной группѣ—старики. Спрашиваю, что они тутъ дѣлаютъ? Они говорятъ—работы нѣтъ, сидимъ и ждемъ поѣзда. Подхожу къ другой группѣ—молодежь изъ агитаторовъ этихъ самыхъ и изъ тѣхъ, что желѣзнодорожный путь портятъ.—Ты что тутъ дѣлаешь? (спрашиваемъ у одного).—Онъ говоритъ:—А ты кто такой?—Представьте себѣ—мнѣ такъ говоритъ!.. Я позвалъ солдатъ и говорю:—Я покажу тебѣ, кто я такой!..—И приказалъ разстрѣлять его. Другіе бросились бѣжать.—Стой, куда бѣжите?—подозвалъ я ихъ къ себѣ и сказалъ:—Вы видѣли, что значитъ военная сила и какая власть въ моихъ рукахъ. Подите скажите объ этомъ въ городѣ и въ деревнѣ, что со всякимъ, кто не будетъ повиноваться властямъ, будетъ такъ же поступлено...

Далѣе генералъ громилъ дѣйствія революціонеровъ и закончилъ свою рѣчь приблизительно такими словами:

— Латыши задумали основать свою республику и даже монету

свою отчеканили! Я имъ покажу! Пройду по всей Курляндіи и возстановлю порядокъ. Пусть латыши помнятъ имя Хорунженко!..

* * *

На страшномъ фонѣ тальсенскаго погрома выдѣляется фактъ дикаго непостижимаго убійства мѣстнаго городского учителя Владиміра Андреевича Казина.

Смертельно ранилъ Казина мѣстный помѣщикъ, доброволецъ или рядовой изъ вольноопредѣляющихся, баронъ фонъ-Сиверсъ (Какъ говорятъ, дальній родственникъ шт.-ротмистра фонъ-Сиверса, но за это не ручаюсь).

Я видѣлся съ несчастной вдовой В. А. Казина, осмотрѣлъ мѣсто убійства и выяснилъ обстоятельства.

5 декабря, около часу дня стрѣльба въ Тальсенѣ совершенно затихла. Прошелъ даже откуда-то слухъ, что войска больше стрѣлять не будутъ.

В. А. Казинъ отправился на почту. Въ это время между домомъ Казина и почтой одинъ изъ домовъ загорѣлся. Казинъ бросился было домой, но его не пропустили солдаты, оцѣпившіе улицу. Тогда Казинъ зашелъ на время въ ближайшую съ почтой гостиницу. Здѣсь кто-то ему сказалъ, что въ квартирѣ полицейскаго чиновника Швельнина пожаръ и нужно бы спасти дѣтей его.—Я пойду спасать—сказалъ Казинъ—меня знаютъ и офицеры и солдаты, и не тронутъ!—Дѣйствительно, Казинъ былъ знакомъ со всѣми офицерами мѣстнаго гарнизона и водилъ съ ними компанію (въ томъ числѣ и съ вольноопредѣляющимся фонъ-Сиверсомъ). Въ политическомъ отношеніи Казинъ никакого подозрѣнія не возбуждалъ, относясь къ движенію индифферентно. Итакъ, онъ отправился спасать дѣтей, захвативъ попутно за руку маленькую дѣвочку Расманъ, которую Казинъ хотѣлъ доставить въ болѣе безопасное мѣсто. Неподалеку отъ своего дома впереди шагахъ въ 50-ти Казинъ увидѣлъ человѣка въ солдатской фуражкѣ, въ которомъ онъ узналъ барона фонъ-Сиверса. Фонъ-Сиверсъ стоялъ на пригоркѣ на лѣсенкѣ, ведущей въ кирху, и взвелъ на Казина ружье.

— Что вы? что вы?—съ ужасомъ закричалъ Казинъ.—Я право славный, я учитель Казинъ, развѣ вы не узнаете меня?..—и учитель инстинктивно оттолкнулъ въ сторону отъ себя дѣвочку.

Грянулъ выстрѣлъ. Казинъ, тяжело раненый, упалъ.

Крики Казина были услышаны женой его, которая высунувшись

изъ окна своей лѣстницы, увидала лежащаго на улицѣ раненаго мужа, а по близости стоялъ человѣкъ въ солдатской фуражкѣ, впослѣдствіи оказавшійся фонъ-Сиверсомъ.

— Зачѣмъ ты стрѣлялъ?—закричала г-жа Казина.

Фонъ-Сиверсъ прицѣлился и въ нее. Къ счастью Казиной, сосѣдка ея, Якобсонъ, успѣла оттолкнуть ее въ сторону. Грянулъ выстрѣлъ и пуля просвистѣла мимо женщинъ.

Г-жа Казина бросилась на улицу и подбѣжала къ истекающему кровью мужу. Сюда же подошелъ инспекторъ городского училища.

Фонъ-Сиверсъ прицѣлился и въ инспектора, но крики г-жи Казиной остановили его. Онъ подошелъ къ раненому Казину и проговорилъ:

— Я васъ ранилъ, но я не узналъ, что вы Казинъ...

В. А. Казина внесли въ училище, гдѣ онъ къ ночи скончался.

Передъ смертью на вопросъ, кто его ранилъ, Казинъ отвѣтилъ:

— Баронъ фонъ-Сиверсъ!

Слѣдовательно, Казинъ могъ узнать, кто въ него цѣлился, да и трудно было не различить человѣка на разстояніи не болѣе 20 саженъ.

Очевидцы событія, не постигая причины убійства, предполагаютъ, что быть можетъ фонъ-Сиверсъ дѣйствовалъ въ пьяномъ видѣ.

Впечатлѣніе г-жи Казиной такое, что фонъ-Сиверсъ былъ пьянъ, но тѣмъ не менѣе хорошо держался на ногахъ и говорилъ правильно и связно. Только глаза фонъ-Сиверса были ужасно злые и налитые кровью.

Насколько извѣстно въ Тальсенѣ загадочное дѣло это—по крайней мѣрѣ гласно—суду не предано.

Положеніе обездоленной вдовы тяжелое.

По разсказамъ очевидцевъ, фонъ-Сиверсъ вообще въ этотъ день проявлялъ особенно энергичную дѣятельность. Онъ всюду появлялся съ винтовкою въ рукѣ, стрѣлялъ и многимъ угрожалъ...

* * *

Другой городской тальсенскій учитель г. Заудманъ также подвергался смертельной опасности. Онъ былъ занесенъ въ «мертвый списокъ» на основаніи тайныхъ доносовъ, доказывающихъ, что онъ будто бы предсѣдатель с.-р. комитета. Тогда какъ это—человѣкъ съ совершенно умѣренными взглядами.

О предстоящемъ Заудману разстрѣлѣ случайно узнали мѣстный священникъ о. Циренъ и инспекторъ городского училища. Благодаря ихъ энергичному заступничеству Заудманъ остался живъ и благополучно здравствуетъ и до сихъ поръ.

XXI.

Взгляды высшей мѣстной администраціи на положеніе дѣлъ.

Часть нѣкоторыхъ спеціальныхъ карательныхъ отрядовъ уже покидаетъ Прибалтійскій край. Прибылъ временный передвижной военный судъ съ болѣе обстоятельнымъ слѣдствіемъ, но весьма суровыми приговорами. Мѣстами все еще продолжаются ужасные разстрѣлы незакончившихъ свою дѣятельность карательныхъ отрядовъ; еще слышатся стоны крестьянъ, избиваемыхъ и истязаемыхъ прутьями и нагайками... мѣстами, вопреки приказаніямъ генералъ-губернаторовъ—пылаютъ крестьянскія жилища, подожженныя по всемогущей волѣ какого-нибудь лейтенанта, корнета или подпоручика...

Я проѣхалъ по этой странѣ, залитой народною кровью, странѣ, гдѣ стоны и крики жертвъ огня и меча смѣшиваются съ злобными проклятьями осиротѣлыхъ, обездоленныхъ, измученныхъ людей...

Но когда же конецъ? Гдѣ же исходъ этой кровавой трагедіи?..

Я побывалъ у одного изъ мѣстныхъ высокопоставленныхъ лицъ.

На вопросъ мой, не является ли освободительное движеніе въ краѣ основаннымъ главнымъ образомъ на аграрно-экономической почвѣ, генералъ отвѣтилъ:

— О, нѣтъ. Аграрныя причины, конечно, играютъ нѣкоторую роль въ движеніи, но совершенно незначительную. Аграрный, школьный, экономическій и церковный вопросы, разумѣется, нуждаются въ реформахъ, но главная суть не въ нихъ. По моему мнѣнію, объявленіе свободъ на основаніи высочайшаго манифеста отъ 17 октября попало здѣсь на исключительную неподготовленную почву. Въ Прибалтійскомъ краѣ слишкомъ много преступнаго элемента, который поспѣшилъ примкнуть къ освободительному движенію только ради своихъ преступныхъ цѣлей.

Я поинтересовался, кого именно генералъ подразумѣваетъ подъ преступнымъ элементомъ.

— Это браконьеры, всевозможные воры и мошенники. Въ Эстляндіи еще преступность значительно меньше, а среди латышей (въ Лифляндіи и Курляндіи) есть даже цѣлыя преступныя волости!..

Мнѣ хотѣлось возразить генералу, что если всмотрѣться внимательно въ уголовную статистику края, то сдѣлается яснымъ, что «преступность» сельскаго населенія и вытекаетъ именно изъ столкновеній съ привилегированнымъ положеніемъ дворянства, что браконьерство, потравы, мелкія кражи и проч. «преступленія» въ этомъ родѣ въ большинствѣ случаевъ являются невольнымъ исходомъ изъ невыносимаго угнетеннаго положенія крестьянъ, что эта преступность еще больше доказываетъ важность и неотложность упомянутыхъ реформъ... Но рѣчь сановника не прерывалась, и мнѣ приходилось выслушивать все новыя и новыя данныя.

— Населеніе вооружилось, направивъ вооруженную силу, главнымъ образомъ, на грабежъ, на смертные приговоры нѣмцамъ и властямъ и проч. Въ городахъ къ освободительному движенію примѣшались хулиганы и мошенники. У государственнаго банка въ Ригѣ, напримѣръ, стояли толпы латышей, требовавшіе обмѣна бумажекъ на золото. Проницательные плуты-агитаторы увѣряли народъ, что золота въ банкѣ для всѣхъ не хватитъ, и вымѣнивали деньги по 70 коп. за рубль, наживая на предѣлкѣ 30%. Нѣкоторые ораторы на митингахъ брали съ народа по 100 рублей за выходъ (!). Съ населенія угрозами вымогали деньги на вооруженіе...

— Такъ что и политическое движеніе въ городахъ объясняется уголовно-преступными мотивами?

— Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ. Въ городахъ среди интеллигенціи и рабочихъ есть безусловно честные, преданные идеѣ люди. Но и тутъ большую роль играетъ преступный, такъ сказать, противоправительственный элементъ. Это не анархисты, не республиканцы, а просто именно противоправительственный элементъ. Среди нихъ есть и латыши, и поляки, и эсты и русскіе (только нѣмцы не были названы генераломъ). Они ругаютъ и стараются не признавать правительства. Среди нихъ есть люди всевозможныхъ профессій — и чиновники, и даже русскіе учителя, получившіе, повидимому, непріятное воспитаніе. Напримѣръ, въ одной только Ригѣ найдется около 40 тысячъ такого противоправительственнаго элемента. Что же касается окраски политическаго движенія, то толковъ о сепаратизмѣ я не придаю большого значенія, хотя имѣются данныя,

что существовали организаціи республикъ. Напримѣръ, въ Ригѣ было объявленно 17 латышскихъ республикъ [1]) и арестованъ лавочникъ, избранный однимъ изъ президентовъ. Конгрессы въ Юрьевѣ и въ Ригѣ считаю также попыткой организовать, такъ сказать, «ученую республику»... И вотъ, прежде чѣмъ приступить къ введенію свободныхъ началъ и реформъ, нужно дать отстояться мути изъ преступныхъ элементовъ, дать возможность опуститься ей на дно и изолировать, обезвредить вліяніе на положеніе дѣлъ противоправительственныхъ элементовъ... Тогда можно будетъ приступить и къ осуществленію реформъ, среди которыхъ аграрная не представляетъ первенствующаго значенія.

Далѣе на мой вопросъ: не настали ли уже благопріятный моментъ для прекращенія дѣятельности отдѣльныхъ карательныхъ отрядовъ?.. получился такой отвѣтъ:

— Это очень трудный вопросъ. Въ настоящій моментъ, повидимому, наступило внѣшнее затишье. Но кто можетъ поручиться за дальнѣйшее? Вотъ въ Петербургѣ былъ уже случай ограбленія сберегательной кассы... А здѣсь, повторяю, слишкомъ много преступнаго элемента. Что же касается слуховъ о томъ, что карательный отрядъ генерала Орлова не былъ допущенъ въ Ригу будто бы за ненадобностью, то, насколько мнѣ извѣстно, это не вѣрно. Тутъ были просто техническія соображенія—кавалерія считается неподходящимъ родомъ оружія для дѣйствія въ городахъ. Въ Ригѣ, напримѣръ, нужна пѣхота, которая и пополняется тамъ моряками. Я знаю—теперь много толковъ въ печати и въ обществѣ о жестокости и суровости дѣйствій карательныхъ отрядовъ и полевыхъ судовъ. Напримѣръ, такой авторитетъ, какъ г. Кузьминъ-Караваевъ, доказываетъ даже незаконность такого суда и расправы. Но при этомъ не принимается во вниманіе исключительность мѣстныхъ условій, исключительность даже не предусмотрѣнная, не охваченная законами и положеніями...

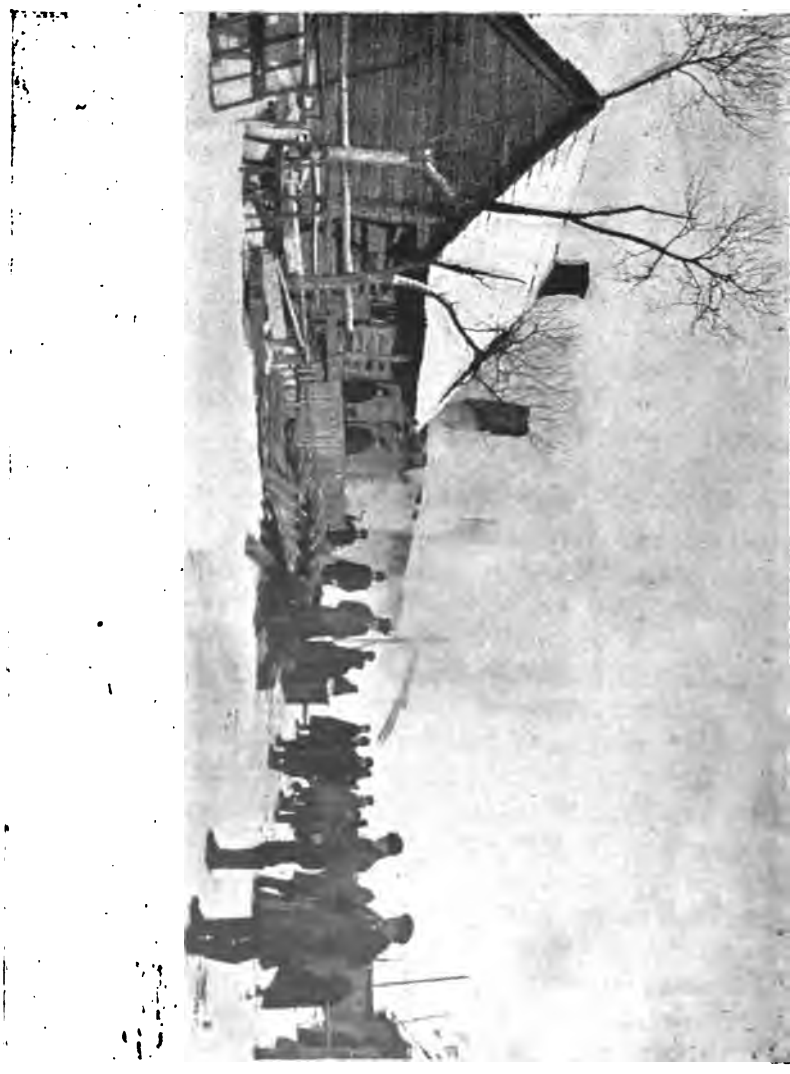
Я также выразилъ недоумѣніе, въ чемъ же собственно заключается мѣстная исключительность?

Изъ словъ генерала выяснилось, что исключительность обусло-

---

[1]) Уже одно существованіе 17 (?) республикъ указываетъ на несостоятельность обвиненія. Вѣроятно, новыя волостныя самоуправленія въ переводѣ на русскій языкъ получили наименованіе республикъ! В. И.

вливается опять-таки многочисленностью преступнаго элемента, а иногда и частными причинами.



„Въ Прибалтійскомъ краѣ". Разгромленная латышская деревня.

— Что же касается лично меня,—сказалъ генералъ,—то я не сторонникъ быстрыхъ рѣшеній и расправы. Разумѣется, тамъ, гдѣ я убѣжденъ, что данный членъ общества вреденъ для общей жизни,

я могу его безъ всякаго суда и проволочки повѣсить и разстрѣлять, пользуясь ст. 12[1]) военнаго положенія, но я предпочитаю обстоятельное, даже продолжительное слѣдствіе военнаго суда, которое даетъ возможность иногда по одному арестованному преступнику добраться до цѣлаго ряда другихъ.

Далѣе генералъ не одобряетъ часто практикуемое карательными отрядами сжиганіе строеній. Насколько извѣстно изъ приказовъ прибалтійскаго генералъ-губернатора по этому поводу, сжиганіе допускается только какъ случайное, отъ дѣйствія, напримѣръ, артиллеріи, или когда строеніе служитъ гнѣздомъ для обороняющихся повстанцевъ. Во всѣхъ же иныхъ случаяхъ сжиганіе строеній не разрѣшается и даже были приказы генералъ-губернатора, запрещающіе поджоги. (Напримѣръ, приказъ врем. курлянд. ген.-губерн. Бекмана отъ 16 января с. г.). Но и послѣ этого сжиганіе продолжается. Объясняется это явленіе «горячностью» молодыхъ, увлекающихся начальниковъ карательныхъ экспедицій. Гг. лейтенанты, корнеты и подпоручики словно соперничаютъ между собою, кто больше сжегъ.

Власть пока безсильна прекратить эти злоупотребленія, такъ какъ предполагается, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ начальники экспедицій дѣйствуютъ въ силу особыхъ опять-таки исключительныхъ обстоятельствъ...

Я покинулъ любезнаго собесѣдника своего, совершенно не успокоенный его взглядами на современное положеніе дѣлъ въ краѣ.

Вопросъ — гдѣ же исходъ этой кровавой трагедіи? — остается въ той же мучительной силѣ.

XXII.

Разъясненіе профессора Кузьмина-Караваева.

Корреспонденція В. Климкова («Русь», № 21) проливаетъ свѣтъ на фактическія и юридическія основанія карательныхъ ужасовъ, тво-

---

[1]) Сводъ зак. т. II, прилож. къ ст. 23, ст. 12: «Если въ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи, будетъ признано необходимымъ, для охраненія государственнаго порядка или успѣха веденія войны принять такую чрезвычайную мѣру, которая не предусмотрѣна въ семъ приложеніи, то главнокомандующій непосредственно или по представленію командующаго арміей дѣлаетъ распоряженіе о принятіи сей мѣры собственною властью, донося о томъ государю императору.

рящихся въ Прибалтійскомъ краѣ. До сихъ поръ приходилось только гадать, чѣмъ руководствуются высшіе и низшіе агенты власти, примѣняя разстрѣлы безъ суда, сжигая и разоряя отдѣльныя постройки и цѣлыя деревни. Теперь раскрывается ихъ собственная точка зрѣнія на эти явно беззаконныя дѣйствія.

Авторъ корреспонденціи не называетъ фамиліи лица, съ которымъ онъ велъ бесѣду, но по всему видно, что это лицо — высшій представитель временной мѣстной власти, военной и гражданской.

— Что касается лично меня,—сказалъ генералъ, — то я не сторонникъ быстрыхъ рѣшеній и расправъ. Разумѣется, тамъ, гдѣ я убѣжденъ, что данный членъ общества вреденъ для общей жизни, я могу его безъ всякаго суда и проволочки повѣсить и разстрѣлять, пользуясь ст. 12 военнаго положенія, но я предпочитаю обстоятельное, даже продолжительное слѣдствіе военнаго суда, которое даетъ возможность иногда по одному арестованному преступнику добраться до цѣлаго ряда другихъ [1]).

Итакъ, юридическое основаніе разстрѣловъ безъ суда — ст. 12 правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи.

Основаніе фактическое — «исключительность мѣстныхъ условій, исключительность, не предусмотрѣнная и не охваченная законами и положеніями».

Намъ приходилось уже дважды разбирать статью 12 правилъ воен. пол. («Молва», № 12 и «Русь» № 13) по поводу многократнаго разстрѣливанія въ Варшавѣ, «уличенныхъ» въ приготовленіи и храненіи взрывчатыхъ веществъ, въ вымогательствѣ и другихъ дѣяніяхъ, за которыя не положено смертной казни ни по законамъ мирнаго времени, ни по закону времени военнаго, ни въ общемъ уголовномъ кодексѣ, ни въ кодексѣ военно-уголовномъ. Важность вопроса заставляетъ снова къ нему вернуться.

Св. зак. т. II, прилож. къ ст. 23, ст. 12:

«Если въ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи, будетъ признано необходимымъ, для охраненія государственнаго порядка или успѣха веденія войны, принять такую чрезвычайную мѣру, которая не предусмотрѣна въ семъ приложеніи, то главнокомандующій непосредственно или по представленію командующаго арміей дѣлаетъ рас-

---

[1]) Точность воспроизведенія всей бесѣды само собою разумѣется, остается на отвѣтственности г. Климкова.

поряженіе о принятіи сей мѣры собственною властью, донося о томъ государю императору».

Если толкованіе этого закона по мѣсту, занимаемому имъ въ правилахъ о военномъ положеніи, и по сопоставленію его съ тѣмъ, какъ трактуется о лишеніи жизни въ законахъ основныхъ, быть можетъ, не убѣдительно для не спеціалистовъ въ юриспруденціи, то, во всякомъ случаѣ, нѣтъ надобности быть юристомъ, чтобы видѣть, что онъ говоритъ только о главнокомандующемъ и ни о комъ больше.

Главнокомандующій въ организаціи управленія войсками въ военное время и въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, занимаетъ мѣсто, рѣзко отличное отъ начальниковъ рѣшительно всѣхъ степеней.

«Главнокомандующій—опредѣляетъ ст. 18 положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время—представляетъ лицо императора и облекается чрезвычайною властью». Онъ «подчиняется въ дѣйствіяхъ своихъ исключительно и непосредственно верховной власти и за свои распоряженія и дѣйствія отвѣтствуетъ только передъ его величествомъ; во всѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ это полезнымъ или нужнымъ, онъ имѣетъ право обращаться непосредственно къ государю императору. Никакое правительственное мѣсто или лицо не даетъ главнокомандующему предписаній и не можетъ требовать отъ него отчетовъ» (ст. 20). «Приказанія главнокомандующаго именуются, какъ изъявленія воли монарха, «повелѣніями» (ст. 23). Онъ «можетъ собственной властью заключать съ непріятелемъ перемиріе» (ст. 26).

При такихъ полномочіяхъ и при такой полнотѣ власти главнокомандующаго, ст. 12 правилъ воен. полож. получаетъ полное логическое объясненіе. Послѣ перечисленія, какія права въ области административныхъ распоряженій получаютъ командующіе арміями (ст. 10) и «каждый военный начальникъ» (ст. 11), законъ гласитъ, что главнокомандующій можетъ принять всякую чрезвычайную мѣру, признанную имъ необходимой «для охраненія государственнаго порядка или успѣха веденія войны».

Но кромѣ него абсолютно никто не уполномоченъ принимать такую *всякую* мѣру, ибо онъ одинъ «представляетъ лицо императора и облекается чрезвычайною властью».

И главнокомандующій, однако, не въ правѣ, ссылаясь на 12 ст., разстрѣливать безъ суда, потому что подобная мѣра относится не

къ области административной, а къ области отправленія уголовнаго правосудія. Въ этой же области для него обязательны опредѣленія военно-судебнаго устава, какъ то прямо выражено въ ст. 34, пунктъ 8, полож. о полевомъ управленіи войскъ: «права главнокомандующаго по военно-судной части изложены въ военно-судебномъ уставѣ». Онъ имѣетъ право предавать виновныхъ военному суду, ограничивать общую подсудность, конфирмовать приговоры, отмѣнять кассаціонное обжалованіе, даже временно усиливать строгость наказаній, въ законѣ положенныхъ, не доводя только усиленія до смертной казни, но права непосредственнаго суда и расправы ему не предоставлено, какъ никогда не пользуется этимъ правомъ монархъ, хотя приговоры постановляются его именемъ. Тѣмъ менѣе допустима передача главнокомандующимъ кому бы то ни было этого непринадлежащаго ему права.

Слѣдовательно, если бы съ г. Климковымъ говорилъ даже главнокомандующій, то онъ не имѣлъ бы законнаго основанія сказать, что «разумѣется» можетъ повѣсить вреднаго члена общества «безъ всякаго суда и проволочки». Въ устахъ же неглавнокомандующаго это «разумѣется» есть плодъ двоякаго заблужденія.

«Главнокомандующій—гласитъ ст. 17 положенія о полев. упр. войскъ—опредѣляется и увольняется по непосредственному усмотрѣнію государя императора высочайшимъ приказомъ и вмѣстѣ указомъ правительствующему сенату». Такихъ приказа или указа о назначеніи главнокомандующаго въ Прибалтійскій край опубликовано по сегодняшній день не было. Не было опубликовано и о предоставленіи кому-либо изъ начальствующихъ тамъ лицъ правъ главнокомандующаго, какъ это сдѣлано въ указѣ отъ 3 февраля въ отношеніи вновь назначеннаго командующаго войсками на Дальнемъ Востокѣ, генерала Гродекова.

Заблужденіе!.. Сколькимъ несчастнымъ оно стоило жизни! Сколько погибло, во избѣжаніе «проволочки», ни въ чемъ неповинныхъ—по ошибкѣ!..

Фактическое основаніе противозаконныхъ жестокостей, совершаемыхъ въ Прибалтійскомъ краѣ, по словамъ собесѣдника г. Климкова, лежитъ въ «исключительности мѣстныхъ условій, исключительности, не предусмотрѣнной и не охватываемой законами и положеніями».

Что въ Прибалтійскомъ краѣ создались въ настоящее время исключительныя мѣстныя условія, противъ этого спорить нельзя. Что исключительныя условія не охватываются общими нормами закона—также безспорно. Общія нормы имѣютъ въ виду обычныя юридическія отношенія гражданъ между собою и къ органамъ власти, когда авторитетъ закона въ сознаніи населенія не поколебленъ, и подчиненіе опредѣленіямъ права составляетъ общее явленіе, а нарушеніе ихъ—частное. При революціи же получается обратное соотношеніе: повиновенія во имя долга, т. е. вслѣдствіе сознанія обязанности повиноваться, не существуетъ, и внѣшнее принужденіе остается единственнымъ регуляторомъ правоотношеній.

Но что отсюда слѣдуетъ? Неужели отсюда слѣдуетъ предоставленіе полнаго произвола органамъ, выполняющимъ принужденіе, въ выборѣ средствъ и способовъ его?

Пока сила имѣетъ передъ собою силу, пока идетъ бой—все равно, будутъ ли бойцомъ войска другого государства, или боевая революціонная дружина,—выборъ средствъ и способовъ побѣдить дѣйствительно долженъ принадлежать самимъ примѣняющимъ силу. Но разъ бой конченъ, для государственной силы наступаетъ моментъ дѣятельности иного рода—дѣятельности по закону и на основаніи закона. Правда, не на основаніи закона, обычно дѣйствующаго въ государствѣ, однако такого, который включаетъ произволъ и усмотрѣніе въ извѣстныя опредѣленныя границы.

Изъ исключительности обстоятельствъ, создавшихся въ Прибалтійскомъ краѣ, большее, что можетъ слѣдовать, это введеніе исключительныхъ же законовъ. И пока военные отряды и власти дѣйствуютъ въ предѣлахъ правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, ни возмущаться противъ нихъ, ни обвинять собственно ихъ въ чемъ-либо нельзя.

Объектомъ критики могутъ быть правила, но не исполнители. Когда же исполнители освобождаютъ себя отъ какихъ бы то ни было ограниченій, то получается злоупотребленіе властью, всю тяжесть отвѣтственности за которое они принимаютъ на себя.

Можетъ быть впрочемъ генералъ, говорившій съ г. Климковымъ считаетъ, что исключительность мѣстныхъ условій въ Прибалтійскомъ краѣ не охватывается даже исключительными правилами военнаго положенія?

Если да—а изъ бесѣды какъ будто вытекаетъ, что именно такой

точки зрѣнія держится генералъ,—то позволительно ему предложить вопросъ: неужели онъ полагаетъ, что мѣстныя исключительныя условія въ Прибалтійскомъ краѣ болѣе далеки отъ предположеній, которыми руководствовался русскій законодатель, издавая правила военнаго положенія, нежели условія Манчжуріи? Неужели то, что обязательно примѣнялось въ Манчжуріи—судъ прежде лишенія жизни китайцевъ, нарушившихъ прокламацію главнокомандующаго, и допущеніе уничтоженія строеній лишь настолько, насколько это необходимо для успѣха боя,—непримѣнимо въ охваченныхъ пожаромъ возстанія Эстляндской, Лифляндской и Курляндской русскихъ губерніяхъ? Неужели эти безконечно-малыя гарантіи для населенія хотя бы того, что не произойдетъ ошибки въ личности лишеннаго жизни, или что имущественное благосостояніе гражданъ не будетъ зависѣть отъ «горячности молодыхъ увлекающихся начальниковъ», несовмѣстимы съ задачей возвратить край къ повиновенію закону?

Не въ исключительныхъ условіяхъ здѣсь дѣло. Правъ былъ графъ Витте, говорившій въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, что «обширнѣйшая» наша администрація, «воспитанная на иныхъ началахъ», не имѣетъ «гражданскаго навыка». Всѣ администраторы закона не любятъ. Онъ въ ихъ глазахъ—вредное стѣсненіе. А судъ—ненужная «проволочка». Сбросить съ себя докучные путы закона всячески стремятся ежедневно урядники, земскіе начальники, губернаторы. И у каждаго всегда готова ссылка на исключительныя условія, которыхъ никто кромѣ нихъ не понимаетъ. Нужно ли приводить доказательства!? Недаромъ вся Россія уже двадцать пять лѣтъ находится на положеніи усиленной охраны... [1])

Что такое воззрѣніе администраторовъ ведетъ къ анархіи—къ безвластію въ многовластіи—объ этомъ они не заботятся. А между тѣмъ иного исхода быть не можетъ. Разъ отвергаетъ для себя обязательность закона старшій начальникъ, онъ безсиленъ удержать отъ того же младшихъ.

[1]) Въ устраненіе недоразумѣній напоминаемъ мало кому извѣстныя «правила для мѣстностей, необъявленныхъ въ исключительномъ положеніи» (приложеніе къ ст. 1 тома XIV св. зак., ст. 28—31). На основаніи этихъ правилъ, если хотя одна губернія объявлена на положеніи усиленной охраны, то «во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ государства» можетъ получать примѣненіе и военная подсудность съ назначеніемъ смертной казни, и право губернаторовъ удалять отъ должностей служащихъ въ органахъ самоуправленія, и право полиціи подвергать аресту и дѣлать обыски. Во всѣ двадцать пять лѣтъ съ 1881 г. эта возможность была и остается всероссійскимъ постояннымъ фактомъ.

Генералъ, бесѣдовавшій съ г. Климковымъ, предпочитаетъ «обстоятельное, даже продолжительное слѣдствіе военнаго суда, которое даетъ возможность иногда по одному арестованному преступнику добраться до цѣлаго ряда другихъ». «Предпочитаетъ» не въ силу категоричнаго требованія закона, а вслѣдствіе своего субъективнаго мнѣнія. Въ результатѣ—слѣдствій не производится и арестованныхъ разстрѣливаютъ безъ «проволочки». «Въ раіонѣ дѣйствій сѣвернаго отряда» населеніе даже предварительно оповѣщено, что виновные въ вооруженномъ нападеніи на чиновъ войска и т. д. подлежатъ немедленному разстрѣлянію.

Тотъ же генералъ, гласитъ корреспонденція «не одобряетъ часто практикуемое карательными отрядами сжиганіе строеній. Насколько извѣстно изъ приказовъ прибалтійскаго генералъ-губернатора по этому поводу, сжиганіе допускается только какъ случайное, отъ дѣйствія, напримѣръ, артиллеріи, или когда строеніе служитъ гнѣздомъ для обороняющихся повстанцевъ. Во всѣхъ же иныхъ случаяхъ сжиганіе строеній не разрѣшается, и даже были приказы генералъ-губернатора, запрещавшіе поджоги».

А жгутъ, жгутъ и жгутъ. Генералъ Орловъ предупреждаетъ, что зданія, въ которыхъ будетъ произведено вооруженное нападеніе на должностныхъ лицъ, подлежатъ немедленному уничтоженію. «Гг. лейтенанты, корнеты и подпоручики словно соперничаютъ между собою, кто больше сжегъ».

«Горячность» молодыхъ начальниковъ!»... Да вѣдь отъ такого оправданія разстрѣловъ и поджоговъ волосы становятся дыбомъ! И офицеръ Оконевъ, убившій студента Давыдова, не корыстью руководился. И онъ молодъ и горячъ, быть можетъ.

Корреспонденція г. Климкова проливаетъ еще свѣтъ на истинныя причины латышской революціи. Наивные люди думаютъ, что она вызвана вѣковымъ подавленіемъ латышей нѣмецкими баронами, что безземельные батраки и арендаторы возстали во имя права на землю и на національное самоопредѣленіе. Какъ они жестоко ошибаются!

Разговоръ по этому вопросу г. Климкова съ генераломъ столь характеренъ, что его нельзя изложить въ извлеченіи.

«На вопросъ мой, не является ли освободительное движеніе въ краѣ основаннымъ, главнымъ образомъ, на аграрно-экономической почвѣ, генералъ отвѣтилъ:

— О, нѣтъ. Аграрныя причины конечно играютъ нѣкоторую роль въ

движеніи, но совершенно незначительную. Аграрный, школьный, экономическій и церковный вопросы, разумѣется, нуждаются въ реформахъ, но главная суть не въ нихъ. По моему мнѣнію, объявленіе свободъ на основаніи высочайшаго манифеста отъ 17 октября попало здѣсь на исключительно неподготовленную почву. Въ Прибалтійскомъ краѣ слишкомъ много преступнаго элемента, который поспѣшилъ примкнуть къ освободительному движенію только ради своихъ преступныхъ цѣлей.

Я поинтересовался, кого именно генералъ подразумѣваетъ подъ преступнымъ элементомъ?

— Это браконьеры, всевозможные воры и мошенники. Въ Эстляндіи еще преступность значительно меньше, а среди латышей (въ Лифляндіи и Курляндіи) есть даже цѣлыя преступныя волости!...»

Итакъ, революцію дѣлаютъ воры, мошенники и браконьеры, къ которымъ въ городахъ присоединились не анархисты, не республиканцы, а просто «противоправительственный элементъ».

Слишкомъ ужъ это «просто». Невольно приходится заподозрить г. Климкова: точно ли онъ воспроизвелъ бесѣду [1]).

В. Кузьминъ-Караваевъ.
(«Русь»).

XXIII.

Либавскіе провокаторы и организація еврейскихъ погромовъ.

Я побывалъ въ Либавѣ въ концѣ января настоящаго года.

Настроеніе тамъ было тревожное. Говорили о возможности еврейскихъ погромовъ. Возмущались арестами симпатичнѣйшихъ дѣятелей Либавы.

При мнѣ какъ разъ—по обыкновенію безъ объясненія причинъ—административно высылались адвокаты А. Ф. Зандбергъ и Е. К. Михальчи.

Мнѣ удалось побесѣдовать съ обоими адвокатами.

На мой вопросъ о возможности въ Либавѣ еврейскаго погрома А. Ф. Зандбергъ предоставилъ въ мое распоряженіе «докладъ комиссіи» по этому поводу.

[1]) Смѣю увѣрить почтеннаго профессора г. Кузьмина-Караваева, что бесѣда воспроизведена точно. *В. Климковъ.*

Кстати слѣдуетъ замѣтить, что «докладъ» этотъ несомнѣнно сыгралъ нѣкоторую роль въ причинахъ высылки А. Ф. Зандберга и Е. К. Михальчи.

Докладъ этотъ такъ ярко обрисовываетъ нашу полицейскую провокацію, что долгомъ считаю ознакомить съ нимъ читателей:

ДОКЛАДЪ.

1-го ноября 1905 года и. д. начальника либавскаго раіона генералъ-маіоръ Порошинъ совмѣстно съ либавскимъ полиціймейстеромъ барономъ Беромъ предложили комиссіи, избранной собраніемъ гражданъ г. Либавы въ биржевомъ залѣ 29-го октября с. г., принять на себя производство разслѣдованія обстоятельствъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ убійство паспортиста либавскаго полицейскаго управленія Александра Клуге, а также и слуховъ о подготовляющемся въ г. Либавѣ избіеніи евреевъ и о дѣятельности либавской полиціи въ этомъ отношеніи. Комиссія въ составѣ: И. О. Блинструба, А. Ф. Зандберга, Р. Г. Зигмунда, М. О. Кадика, П. А. Кельтерборна, Я. Ф. Кириллова, Л. Г. Левенберга, А. М. Лютенскова, К. Г. Маркварта, Е. К. Михальчи, И. Л. Оссовскаго, С. В. Прагера, Ф. Г. Пухерта, К. А. Скарре, О. В. Сенкевича, В. В. Чепинскаго, К. К. Шклериса и Е. И. Янушкевича, избравъ изъ своей среды А. Ф. Зандберга предсѣдателемъ, приняла упомянутое предложеніе и приступила 1-го ноября къ занятіямъ.

Изъ числа членовъ этой комиссіи Ф. Г. Пухертъ выбылъ 2-го ноября, отказавшись отъ участія въ ней. По допросѣ свидѣтелей, осмотру документовъ и собраннымъ справкамъ — обстоятельства дѣла выяснились въ слѣдующемъ видѣ.

Послѣ манифеста отъ 17-го октября сего года въ городѣ начали циркулировать упорные слухи о готовящемся въ г. Либавѣ избіеніи евреевъ на подобіе того, какъ это происходило въ то же самое время въ другихъ городахъ, причемъ полиціи приписывалось дѣятельное участіе въ подготовленіяхъ этихъ. Въ частности молва указывала: 1) на околоточныхъ надзирателей Протопопова и Василевскаго, какъ на подстрекателей; 2) на начальника товарной станціи Бера, какъ на лицо, редактировавшее прокламацію объ избіеніи евреевъ, и организатора сходокъ, на коихъ обсуждался вопросъ объ избіеніи евреевъ; 3) на нѣмецкое населеніе, доставлявшее, якобы, денежныя средства

для раздачи хулиганамъ, нанятымъ для совершенія погрома и въ 4) на либавскаго полиціймейстера, внушавшаго городовымъ о необходимости избіенія евреевъ. Всѣ эти слухи достигли до апогея перваго ноября, когда по городу прошелъ слухъ о томъ, что въ ночь на это число паспортистъ либавской полиціи Александръ Клуге напаивалъ рабочихъ у гавани и раздавалъ имъ деньги, уговаривая ихъ бить евреевъ, на что рабочіе, однако, не только не согласились, но отвезли его на Беккеровскую фабрику, гдѣ онъ былъ судимъ рабочими и застрѣленъ, причемъ найдены два списка лицъ, снабжавшихъ его, Клуге, деньгами для раздачи и угощенія рабочихъ. Послѣдній слухъ подтвердился въ томъ отношеніи, что Клуге дѣйствительно былъ найденъ въ 10 часовъ утра перваго ноября застрѣленнымъ близъ Беккеровской фабрики, и въ комиссію неизвѣстнымъ лицомъ были доставлены найденные у убитаго въ карманѣ списокъ, въ которомъ въ алфавитномъ порядкѣ помѣщены 55 фамилій нѣмецкихъ обывателей г. Либавы, и счетъ магазина Роберта Фрицше, на имя Мейера, августа 1905 г. на 20 руб. за проданный дождевикъ, на оборотѣ какового счета написаны карандашемъ 29 фамилій лицъ, изъ числа значащихся въ вышеуказанномъ спискѣ. По раздававшимся въ населеніи слухамъ, Клуге прокутилъ и роздалъ въ ночь передъ убійствомъ нѣсколько сотъ рублей, а такъ какъ онъ не могъ имѣть столько личныхъ средствъ по ограниченности таковыхъ, то средства эти въ данномъ случаѣ были имъ получены, по мнѣнію населенія, отъ лицъ, помѣщенныхъ въ найденномъ при немъ спискѣ.

Комиссія, приступивъ къ изслѣдованію, раньше всего остановилась на выясненіи вопросовъ о томъ, могли ли быть у Клуге значительныя средства къ 1 ноября и какое значеніе имѣютъ найденные при немъ два списка. Изъ осмотра заказовъ на заграничные паспорта, данные Клуге непосредственно передъ его смертью и еще неисполненные, оказалось, что передъ смертью Клуге принялъ на себя выписку около 30 заграничныхъ паспортовъ, по коимъ онъ получалъ отъ лицъ, заказывавшихъ таковые, отъ 15 до 23 рублей, но паспортовъ не успѣлъ до смерти заказать и деньги за нихъ не внесъ въ казначейство, а посему у него могло быть къ 1 ноября за паспорта не менѣе 500 рублей. Кромѣ сего изъ осмотра ипотечнаго реестра недвижимости Клуге въ г. Либавѣ и долговыхъ обязательствъ его, находящихся въ ссудо-сберегательной кассѣ Либавскаго Общества моряковъ и ремесленниковъ, выяснилось, что лѣтомъ прошлаго года Клуге,

укрѣпивъ закладную на 1000 рублей на своей либавской недвижимости на имя г. Перевозникова подъ залогъ ея занялъ въ ссудо-сберегательной кассѣ Либавскаго Общества моряковъ и ремесленниковъ 600 рублей на шесть мѣсяцевъ, изъ коихъ уплатилъ сто рублей въ апрѣлѣ текущаго года, а остальные 500 рублей отсрочены ему были еще на 6 мѣсяцевъ, а въ началѣ октября сего года Клуге занялъ въ той же кассѣ подъ залогъ этой же закладной еще 500 рублей на 6 мѣсяцевъ, указывая на то, что ему необходимо выкупить вексель въ Минскомъ Банкѣ. Но при осмотрѣ книгъ сего Банка оказалось, что хотя дѣйствительно въ Банкѣ въ октябрѣ былъ срочный вексель Клуге на 250 рублей, но что онъ всего уплатилъ 50 рублей и отсрочилъ его на 3 мѣсяца. Такимъ образомъ, у Клуге 31 октября могли быть и эти деньги.

Что касается найденныхъ у Клуге списковъ, то при опросѣ нѣкоторыхъ лицъ, помѣщенныхъ въ спискахъ, они категорически отрицали близкія отношенія съ Клуге и не могли объяснить значенія этихъ списковъ и нахожденіе ихъ фамилій въ нихъ. Комиссія и сама не могла не обратить вниманія на то, что въ спискѣ имѣются лица, по имущественному своему положенію не могущія оказывать какой-либо денежной помощи, къ тому же, по разнородности всѣхъ значащихся въ спискѣ лицъ въ соціальномъ положеніи, невозможно было допустить объединеніе ихъ особенно для подобной цѣли. И дѣйствительно, допросомъ Августа Мейера, на имя коего былъ выданъ найденный у Клуге счетъ изъ магазина Фрицше, было установлено, что найденные списки никакого отношенія къ провокаціонной дѣятельности Клуге не имѣли. По показанію Мейера на 11 октября были назначены выборы члена либавскаго податного управленія отъ гражданъ большой гильдіи и, желая поставить свою кандидатуру на эту должность, онъ, Мейеръ, обратился съ просьбою къ Клуге, съ которымъ онъ былъ съ давнихъ временъ въ дружескихъ отношеніяхъ и на дочери коего имѣлъ жениться его сынъ, оказать ему содѣйствіе при выборахъ, а именно попросить за него нѣкоторыхъ гражданъ большой гильдіи, въ виду того, что Клуге, будучи паспортистомъ, имѣлъ частыя сношенія съ многими гражданами г. Либавы и съ этою цѣлью Мейеръ передалъ Клуге печатный списокъ гражданъ большой гильдіи. Клуге обѣщалъ Мейеру сдѣлать возможное, взялъ печатный списокъ себѣ и, отмѣтивъ на немъ особымъ знакомъ (v) фамиліи лицъ, съ которыми онъ имѣлъ перего-

ворить, возвратилъ этотъ печатный списокъ Мейеру, сказавъ, что онъ сдѣлалъ себѣ выписку изъ этого списка. Объявивъ это, Мейеръ началъ читать по печатному списку фамиліи лицъ, у коихъ Клуге поставилъ значекъ, а комиссія слѣдила по списку, найденному у Клуге, и оказалось, что всѣ фамиліи, значащіяся въ спискѣ Клуге, были обозначены въ печатномъ спискѣ указаннымъ знакомъ. Относительно же списка, помѣщеннаго на оборотѣ счета, Мейеръ объяснилъ, что онъ написанъ имъ самимъ и представляетъ собою перечисленіе фамилій лицъ, съ коими онъ, Мейеръ, хотѣлъ лично переговорить. Этотъ счетъ по мнѣнію Мейера, попалъ къ Клуге такимъ образомъ, что онъ, Мейеръ, положилъ его въ печатный списокъ, передалъ его съ послѣднимъ Клуге, а послѣдній забылъ возвратить ему его. (Печатный списокъ былъ представленъ Мейеромъ и оставленъ въ комиссіи).

Переходя къ разсмотрѣнію дѣятельности Клуге, комиссія нашла вполнѣ установленнымъ, что Клуге ночь на 1-е ноября провелъ въ кутежѣ, а именно вечеромъ 31 октября его видѣли пьянымъ въ ресторанѣ «Автоматъ», затѣмъ въ Гамбургскомъ ресторанѣ, въ одномъ изъ публичныхъ домовъ и въ Петербургской гостиницѣ, откуда онъ ушелъ въ пятомъ часу утра. Лица, видѣвшія его въ ресторанѣ Петербургской гостиницы, утверждаютъ, что онъ былъ совершенно пьянъ. Затѣмъ Клуге около шести часовъ утра былъ около городского моста, гдѣ подъ видомъ найма на работу приглашалъ рабочихъ въ трактиръ «Любекъ» выпить. Въ этотъ трактиръ онъ пришелъ въ сопровожденіи толпы рабочихъ и заказалъ водки и пива на 30 рублей. Спустя нѣкоторое время, когда было все заказанное выпито, Клуге началъ раздавать нѣкоторымъ по выбору рабочимъ золотыя монеты, подговаривая ихъ итти бить евреевъ. Въ это время въ восьмомъ часу утра, по показанію буфетчика въ ресторанѣ «Любекъ», нѣкоторыхъ рабочихъ, околодочнаго надзирателя Ольшевскаго и нѣкоторыхъ приказчиковъ, шедшихъ въ амбары, Клуге производилъ впечатлѣніе человѣка уставшаго, можетъ быть выпившаго, но не пьянаго.

Предложеніе Клуге бить евреевъ рабочіе не приняли, отвели его на заводъ Беккера, за оградой котораго у полотна желѣзной дороги найденъ былъ впослѣдствіи трупъ убитаго Клуге.

Кромѣ этого матеріала, устанавливающаго съ несомнѣнностью провокаторскую дѣятельность Клуге въ ночь на 1 ноября, у комис-

сіи имѣются еще указанія на предшествующую дѣятельность Клуге въ этомъ же направленіи. Такъ, по показанію д-ра Гибета, дня за три до убійства Клуге, онъ, Гибетъ, войдя въ трамвай во время остановки трамвая на Сѣнномъ рынкѣ, видѣлъ нѣсколько споривших ъ между собою на латышскомъ языкѣ лицъ, причемъ споръ чуть не окончился дракой. Одинъ изъ спорившихъ сѣлъ во 2-й классъ отъѣхавшаго трамвая. Спрошенные имъ по этому поводу машинистъ и кондукторъ трамвая объяснили, что господинъ, ѣдущій во 2-мъ классѣ, сѣлъ на Новомъ рынкѣ, когда трамвай шелъ на Сѣнной рынокъ, и убѣждалъ двухъ рабочихъ, ѣхавшихъ въ трамваѣ, въ необходимости избіенія евреевъ, за что рабочіе хотѣли его избить. Заинтересовавшись провокаторомъ, д-ръ Гибетъ, желая запомнить его лицо, сѣлъ во 2-й классъ напротивъ него и внимательно въ него вглядывался. Когда же въ больницу доставили трупъ Клуге, онъ, Гибетъ, немедленно узналъ въ немъ, несмотря на посмертное измѣненіе лица, того провокатора, съ которымъ ѣхалъ 29 октября въ трамваѣ. Машинистъ и кондукторъ трамвая, спрошенные по тому же поводу, подтвердили въ общемъ показаніе Гибета о случаѣ, имѣвшемъ мѣсто 29 октября въ трамваѣ. Оба они осмотрѣли трупъ Клуге и нашли, что по фигурѣ и росту онъ похожъ на провокатора, видѣннаго ими 20 октября, причемъ, по мнѣнію машиниста, сходство было и въ лицѣ трупа, а по мнѣнію кондуктора, провокаторъ былъ лицомъ моложе, и усы у него были чернѣе.

Наконецъ, по показанію Маріи Рубковской, служившей дворничихой въ домѣ Ландау по Лазаревской улицѣ, она въ послѣднихъ числахъ октября была направлена приставомъ г. Либавы съ письмомъ къ Клуге, который, прочитавъ письмо, позвалъ ее въ отдѣльную комнату, предложилъ ей вербовать людей для избіенія евреевъ, обѣщая дать деньги и оружіе, и подарилъ ей три рубля.

При опросѣ лицъ относительно дѣятельности Клуге выяснилось, что распространенныя въ городѣ Либавѣ антиеврейскія прокламаціи были изготовлены въ конторѣ товарной станціи «Либава». Допрошенные по этому поводу служащіе на товарной станціи, не отрицая изготовленій и распространеній ими антиеврейской прокламаціи, объяснили, что они сочли необходимымъ выпускъ прокламаціи, въ виду того, что на митингахъ ораторы-евреи рѣзко нападали на личность государя, а возражать противъ этого на митингахъ же они были лишены возможности, въ виду общаго сочувствія къ рѣчамъ ораторовъ.

евреевъ. При этомъ лица, составившія прокламацію, объяснили, что они къ насилію противъ евреевъ не призывали и предварительно до отгектографированія прокламаціи дали ее на просмотръ начальнику станціи Беру, одобрившему ее. Начальникъ станціи Беръ подтвердилъ сдѣланную на него ссылку, прибавивъ, что онъ указалъ на неудобство выраженія, употребленнаго въ прокламаціи «долой евреевъ» и, присутствуя на двухъ собраніяхъ служащихъ товарной конторы, на коихъ обсуждался еврейскій вопросъ въ связи съ требованіями евреевъ на митингахъ объ установленіи демократической республики, онъ, Беръ, убѣждалъ ихъ не прибѣгать къ насиліямъ. При этомъ комиссіею было установлено, что среди конторщиковъ товарной станціи имѣются два бывшихъ жандарма, что въ первомъ собраніи, происходившемъ въ помѣщеніи конторы, при обсужденіи прокламаціи присутствовалъ дежурный жандармскій унтеръ-офицеръ, что гектографъ находился подъ ключемъ и могъ быть полученъ только съ разрѣшенія начальника станціи, что въ окнѣ кабинета начальника станціи «Либава пассажирская», выходящемъ на платформу, изнутри была приклеена эта прокламація и что прокламація эта была настолько плохо отгектографирована, что прочесть ее въ общемъ было очень трудно, и бросались только въ глаза слова «долой евреевъ», написанныя крупными буквами. Познакомившись съ содержаніемъ прокламаціи, составленной служащими товарной станціи, комиссія пришла къ тому убѣжденію, что, хотя въ ней дѣйствительно не содержится прямого призыва къ избіенію евреевъ, но, что по страстности содержанія ея, по яркости изложенія, по опасности момента, когда въ разныхъ городахъ производилось избіеніе евреевъ и по впечатлительности населенія, для котораго прокламація эта предназначалась, лица, составлявшія прокламацію, а особенно начальникъ станціи Беръ, не могли не сознавать, что она могла быть принята замаскированнымъ призывомъ къ избіенію евреевъ и почему ни въ коемъ случаѣ не должна быть допущена.

Переходя засимъ къ слухамъ, обвиняющимъ полицію въ сочувствіи и даже въ агитаціи въ пользу еврейскихъ погромовъ, комиссія удостовѣряетъ, что ей не удалось установить какихъ либо данныхъ для обвиненія либавскаго полиціймейстера барона Бера во внушеніи городовымъ необходимости избіенія евреевъ и для обвиненія околоточныхъ надзирателей Василевскаго и Протопопова въ провокаціонной дѣятельности. Относительно полиціймейстера барона Бера комиссія

могла установить только нѣкоторую неосторожность въ частности. Хотя эти отзывы произносились въ частныхъ бесѣдахъ, но они несомнѣнно дошли до подчиненныхъ ему чиновъ полиціи и до публики, вызывая въ первыхъ предположеніе о томъ, что еврейскій погромъ не нашелъ бы въ полиціймейстерѣ противника а во вторыхъ — предположеніе о томъ, что еврейскій погромъ готовится подъ руководствомъ высшаго представителя полицейской власти, чего на самомъ дѣлѣ комиссіею не установлено. При допросѣ выяснилось, что нѣкоторые полицейскіе чины проявляли болѣе или менѣе активную дѣятельность въ провокаціи къ избіенію евреевъ. Такъ, было указаніе на то, что городовой Петрилло сказалъ двумъ рабочимъ, выпущеннымъ изъ арестнаго помѣщенія при полиціи «идите домой и бейте евреевъ» и хотя, повидимому, приглашеніе это, если оно дѣйствительно имѣло мѣсто, было сдѣлано случайно, подъ вліяніемъ, можетъ быть, слуховъ объ еврейскихъ погромахъ, но и подобный призывъ производилъ волненіе среди евреевъ.

Гораздо въ большей степени уличаются въ провокаціонной дѣятельности приставъ 1-й част. г. Либавы и подчиненный ему старшій городовой Баужисъ. По показанію вышеприведенной свидѣтельницы Маріи Рубковской, приставъ при содѣйствіи городового Баужиса и двухъ посторонних лицъ неоднократно и настойчиво поручалъ ей подговоръ и наемъ лицъ для избіенія евреевъ. Хотя какъ приставъ, такъ и городовой Баужисъ категорически отрицали какое либо участіе въ подготовленіи еврейскаго погрома и сношеніяхъ съ Рубковской, но комиссія пришла къ убѣжденію въ искренности и достовѣрности показаній Рубковской, дававшей показанія не только при допросѣ ея генераломъ Порошинымъ въ присутствіи настоятеля римско-католическаго костела въ Либавѣ и двухъ членовъ комиссіи. Будучи допрашиваема неоднократно, Рубковская ни разу не измѣняла своихъ показаній, не сбиваясь даже на мелочахъ, устанавливая подробности, могущія быть извѣстными только очевидцу и при очныхъ ставкахъ съ приставомъ и Баужисомъ—напоминала имъ нѣкоторыя подробности и держала себя при этомъ такимъ образомъ, что не могло оставаться сомнѣнія въ томъ, что она говоритъ правду. Показаніе ея комиссія, гдѣ можно, провѣряла и во всѣхъ случаяхъ провѣрокъ показаніе ея вполнѣ подтвердилось. Такъ, подтвердился фактъ исповѣди ея послѣ посѣщенія ея Клуге и передачи духовнику на церковь, по его совѣту, трехъ рублей, полученныхъ ею отъ Клуге. Подтвердилось посѣщеніе ея съ Баужисомъ и двумя штат-

скими ресторана 3 ноября на новомъ рынкѣ, гдѣ они всѣ пили, и подтвержденіе этого обстоятельства имѣетъ тѣмъ болѣе серьезное значеніе, что Баужисъ, отрицая присутствіе свое въ ресторанѣ, уличается содержателемъ [сего ресторана Фельдманомъ и сестрою послѣдняго. Показаніе Рубковской отчасти подтверждено мужемъ ея и двумя рабочими, заслуживающими, по мнѣнію комиссіи, полнаго довѣрія.

При наличности такихъ показаній уличающихъ пристава 1-й части г. Либавы и городового Баужиса въ агитаціонной дѣятельности, клонящейся къ избіенію евреевъ, комиссія, въ видахъ успокоенія населенія и для полнаго выясненія виновности означенныхъ лицъ, находитъ необходимость въ производствѣ судебнаго разслѣдованія о нихъ.

При этомъ комиссія считаетъ своимъ долгомъ указать, что Марія Рубковская состояла продолжительное время тайнымъ агентомъ полиціи, а именно пристава 1-й части Побѣдина и въ послѣднее время добровольно выдала одного политическаго обвиняемаго и мѣсто храненія оружія и что, въ виду таковой ея дѣятельности, настоящее показаніе ея, направленное противъ чиновъ полиціи, которой она еще недавно служила—возбуждаетъ нѣкоторое удивленіе.

На основаніи всего собраннаго фактическаго матеріала комиссія пришла къ слѣдующему заключенію:

Нѣмецкое общество никакого участія, ни активнаго, ни пассивнаго, въ предполагавшихся избіеніяхъ евреевъ вообще, и въ провокаторской дѣятельности Клуге не принимало. Въ Либавѣ не существовало среди чиновъ полиціи какой либо установленной организаціи, направленной къ агитаціи въ пользу еврейскаго погрома или поддержки его, и если, какъ указано было выше, по показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, нѣкоторые городовые и приставъ 1-й части проявляли активную дѣятельность въ этомъ направленіи, то, по мнѣнію комиссіи, это они дѣлали по собственному почину отдѣльно отъ всей остальной полиціи и быть можетъ подъ вліяніемъ пріѣхавшихъ въ Либаву нѣсколькихъ провокаторовъ, имѣвшихъ цѣлью устроить въ Либавѣ по образцу другихъ городовъ еврейскій погромъ. Происхожденіе же упорныхъ слуховъ среди евреевъ о томъ, что вся полиція возбуждаетъ населеніе къ избіенію евреевъ, имѣло своимъ основаніемъ и источникомъ: 1., газетныя извѣстія о доказанномъ участіи полиціи въ городахъ въ еврейскихъ погромахъ и возбужденное состояніе еврейскаго населенія подъ вліяніемъ этихъ слуховъ; 2.,

неосторожно высказанныя г. полиціймейстеромъ слова, въ коихъ скорѣе всего проглядываетъ нелюбовь къ евреямъ и несимпатичное къ нимъ отношеніе; 3., отдѣльныя выходки и разсказы низшихъ чиновъ полиціи, не имѣвшіе за собою чего либо опредѣленнаго; 4., предупрежденія нѣкоторыхъ околоточныхъ надзирателей относительно готовящагося погрома, основанныя на городскихъ слухахъ и сплетняхъ; 5., прокламаціи, направленныя противъ евреевъ, изготовленныя на товарной станціи служащими, среди коихъ имѣлось два отставныхъ жандарма, и въ присутствіи дежурнаго жандармскаго унтеръ-офицера; 6., одобреніе этихъ прокламацій до изданія ихъ начальникомъ товарной станціи Беромъ и фактъ появленія проклама-ціи въ окнѣ кабинета начальника пассажирской станціи, причемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, хотя начальникъ товарной станціи не состоитъ полицейскимъ органомъ, но въ глазахъ еврейской публики онъ въ качествѣ органа власти состоитъ въ тѣсной связи со всякою административною властью; 7., собранія желѣзнодорожныхъ служащихъ при благосклонномъ присутствіи начальника станціи Бера, направленныя противъ евреевъ и, наконецъ, 8., провокаторская дѣятельность Клуге, бывшаго чиновникомъ въ Полицейскомъ управленіи, котораго застигли при подговорѣ къ избіенію евреевъ.

Всѣ эти обстоятельства, доводя нервы еврейскаго населенія города до высшей степени напряженія, заставляли ихъ принимать на вѣру безъ всякой провѣрки всевозможные слухи, какъ бы они ни казались невѣроятными для сторонняго наблюдателя, тѣмъ болѣе, что все-таки отчасти эти слухи находили себѣ подтвержденіе въ обстоятельствахъ, имѣвшихъ мѣсто въ другихъ городахъ, а отчасти, какъ видно изъ дѣятельности пристава 1-й части, находили себѣ подражателей и въ Либавѣ.

Комиссія, разобравшись во всѣхъ слухахъ, пришла къ тому твердому выводу, что въ Либавѣ нѣтъ достаточной почвы для еврейскаго погрома, и всякія попытки къ натравленію населенія на избіеніе евреевъ найдутъ не только рѣшительный отпоръ со стороны коренного населенія, но даже могутъ повториться случаи самосуда, какъ это было съ Клуге. Этому гарантія—культурность и высокое развитіе либавскаго населенія. Комиссія поэтому считаетъ своимъ долгомъ просить еврейское населеніе относиться въ высшей степени недовѣрчиво къ распускаемымъ слухамъ и сплетнямъ и при этомъ

можетъ указать, что, провѣряя массу доходившихъ до нея слуховъ о готовящихся погромахъ, она убѣдилась, что большинство этихъ слуховъ лишено фактическаго основанія. Въ заключеніе комиссія считаетъ возможнымъ привести яркій примѣръ основательности подобныхъ слуховъ, а именно: въ городѣ циркулировалъ слухъ о томъ, что ежедневно по вечерамъ происходятъ засѣданія черной сотни по Розовой улицѣ въ домѣ № 22, т. е. въ томъ именно помѣщеніи и въ то время, когда и гдѣ происходили засѣданія нашей комиссіи.

Г. Либава, ноября 24 дня 1905 г.

На подлинномъ надлежащія подписи. Вѣрно.

Подписалъ: Предсѣдатель А. Зандбергъ.

Тѣмъ не менѣе фактъ организованной провокаціи вполнѣ доказанъ!..

III.

Красная повязка.

(Этюдъ изъ современной жизни).

О разстрѣляніи революціонеровъ въ Прибалтійскомъ краѣ получаются все новыя и новыя телеграммы. Самоубійство въ г. Валкѣ ротмистра кирассирскаго полка барона Корфа, находившагося въ отрядѣ генерала Орлова, ставится въ прямую связь съ разстрѣляніемъ по его приказанію лица или лицъ, оказавшихся неповинными въ возстаніи.

В. Кузьминъ-Караваевъ.
(«Молва» № 12).

Красная повязка.

(Этюдъ изъ современной жизни).

I.

По снѣжной полянѣ медленно двигались кавалеристы. Красивые, выхоленные кони ихъ пофыркивали, гордо выгибая шею, и легко ступали на мерзлую землю. Топотъ коней сливался съ лязгомъ оружія всадниковъ.

Изъ за темно-сизыхъ облаковъ выглянули солнечные лучи и скрылись, на мгновеніе освѣтивъ красивую блестящую кавалькаду.

Хмурое утро. Безлюдно кругомъ—словно вымерло все... Ни звука, ни шороха...

Лица у всадниковъ сумрачныя, покраснѣвшія отъ холода, утомленныя.

Нѣсколько впереди двигались офицеры. Ихъ было двое. Одинъ—высокій, плотный ротмистръ съ сѣдыми типичными бачками—мрачно изъ-подъ сѣдыхъ бровей поглядывалъ впередъ, тихо покачиваясь въ сѣдлѣ. Другой—молодой еще офицеръ въ заломленной «на бекрень» фуражкѣ горячилъ своего коня, то натягивая поводья, то легкими ударами шпоръ въ бедра животнаго.

— Что пріуныли, графъ? — промолвилъ молодой офицеръ.—Или повеселить васъ?..

Ротмистръ какъ-то неопредѣленно взмахнулъ въ воздухѣ стэкомъ и еще больше нахмурился.

Молодой офицеръ пріостановилъ своего коня, и когда съ нимъ поравнялся усатый «взводный», офицеръ что то проговорилъ.

Черезъ минуту раздались звуки солдатской пѣсни громкіе, но монотонные, тоскливые...

Вдали изъ-за поворота дороги выглянули сѣренькіе домики, надъ которыми высилась кирка. Еще ближе, на холмѣ, красовалась мельница съ недвижными маховыми крыльями.

Видно было, какъ къ домамъ быстро стремились какіе-то пѣшеходы; всюду мелькали суетливыя фигуры людей.

— Г. ротмистръ!—взволнованно проговорилъ офицеръ,—ихъ надо окружить... Они уйдутъ!

Ротмистръ кивнулъ головой.

Громко прозвучали слова команды.

Звуки пѣсни оборвались и замерли...

Большая часть кавалеристовъ выдѣлилась изъ строя. Люди выхватили нагайки и съ гикомъ понеслись разными путями, вразсыпную къ мѣстечку.

И молодой офицеръ далъ шпоры своему коню.

— Боевыми не стрѣлять! — крикнулъ ему вслѣдъ ротмистръ, а самъ продолжалъ съ небольшимъ остаткомъ людей двигаться по центральной дорогѣ къ мѣстечку.

По окраинѣ носились кавалеристы. Гдѣ то прозвучалъ выстрѣлъ. Маленькія фигурки людей бѣжали всѣ быстрѣе, падали и опять бѣжали... Громкіе торжествующіе крики сливались съ испуганными, душу раздирающими воплями... Гамъ и хаосъ.

Сердце стараго ротмистра мучительно ныло — это не было предчувствіе боевой схватки съ непріятелемъ, это не было и чувство охотника съ замираніемъ сердца слѣдящаго за завязкой облавы... нѣтъ!— ротмистръ мучился въ лабиринтѣ долгихъ человѣческихъ отношеній—онъ первый разъ выступилъ въ роли начальника карательнаго отряда и съ тоскою слѣдилъ за облавой... на людей!..

II.

Облава закончена. Солдаты загнали перепуганную толпу крестьянъ къ волостному дому. Тутъ же суетился мѣстный урядникъ, что то почтительно шопотомъ докладывающій молодому офицеру.

Жалкую картину представляла эта толпа «бунтарей». Робкіе, испуганные взгляды, недоумѣніе на лицахъ и слезы на глазахъ женщинъ. Тутъ же, тѣсно прижимаясь къ взрослымъ, ютились ребятишки. Были въ толпѣ и старики.

Только нѣсколько ободранныхъ, ужаснаго вида батраковъ демонстративно выдѣлялись изъ общаго жалкаго фона.

Въ рубищахъ своихъ, блѣдные и истомленные, они гордо и мрачно поглядывали на побѣдителей. Они ничего не боялись. Испытавъ весь ужасъ жизни безземельнаго раба, они не ждали худшаго.

Графъ Коринскій (ротмистръ) заглянулъ въ какую то бумагу. Это былъ «мертвый списокъ», по которому карательный отрядъ производилъ заранѣе опредѣленные разстрѣлы.

На этотъ разъ графу предстояло разстрѣлять только одного обреченнаго и подвергнуть экзекуціи по усмотрѣнію болѣе виновныхъ крестьянъ.

И то, и другое исполненіе выпало на долю Коринскаго первый разъ.

Графъ взялъ подъ руку молодого офицера — корнета Зимницкаго и отправился съ нимъ для совѣщанія въ волостной домъ. Онъ старался не смотрѣть на толпу «бунтарей».

За ними почтительно двинулся урядникъ.

— Что, графъ, не согрѣться ли намъ немного?—и не дожидаясь отвѣта, корнетъ отвинтилъ крышку у фляжки и наполнилъ ее коньякомъ.

Они молча, поочередно, съ какою-то поспѣшностью жадно выпили по нѣсколько стаканчиковъ коньяку. Глаза ихъ заблистали, лица оживились. Корнетъ еще больше заломилъ свою фуражку, почти сдвинувъ ее на затылокъ.

— Вотъ что, Зимницкій, вы тутъ разберетесь съ урядникомъ, кто болѣе заслужилъ экзекуцію и дѣйствуйте, а я отправлюсь искать обреченнаго псаломщика. Надо скорѣй покончить съ этимъ!..

— Вы, графъ, такъ выглядите, словно сами приговорены къ разстрѣлу... Что намъ унывать? Мы выполняемъ свой долгъ и псаломщикъ этотъ долженъ быть разстрѣлянъ, какъ главный агитаторъ.

— Все это вѣрно, Зинницкій. Но кто поручится за непогрѣшимость этого списка? Вѣдь онъ весь на доносахъ основанъ,—какъ-то брезгливо подчеркнулъ фразу «на доносахъ» графъ.

Зинницкій—уже сильно захмелѣвшій, съ недоумѣніемъ взглянулъ на графа. Ужъ кто-кто—по мнѣнію корнета,—а Коринскій больше всего имѣетъ права не щадить повстанцевъ. Вѣдь Коринскій лично пострадалъ отъ крестьянскихъ погромовъ и былъ бы разоренъ, если бы не солидныя аристократическія связи.

Но корнетъ долго раздумывать не любилъ, а въ особенности подъ вліяніемъ Бахуса. Онъ быстро вышелъ на улицу и приступилъ къ разбору и допросу толпы.

Кавалеристы готовили плети изъ длинныхъ толстыхъ ивовыхъ прутьевъ, которые они тутъ же скручивали по 3, по 4 вмѣстѣ.

Вскорѣ окрестность огласилась душу раздирающими воплями жертвъ экзекуціи.

III.

Графъ Коринскій въ сопровожденіи волостного старшины, «взводнаго» и шестерыхъ кавалеристовъ подошелъ къ домику псаломщика Райскаго.

— Вызвать его сюда!—сказалъ графъ.

Навстрѣчу людямъ изъ домика выбѣжала ватага замазанныхъ ребятишекъ. У вдовца Райскаго ихъ было семеро.

— Папки нѣтъ! Папка на мельницѣ! — запищали эти цыплята, съ удивленіемъ тараща глазенки на блестящихъ кавалеристовъ.

— Какъ нѣтъ?—закричалъ Коринскій, начинавшій раздражаться.

Съ другого конца деревни доносились вопли избиваемыхъ плетьми: вопли эти съ силою били по нервамъ ротмистра.

— Скорѣй бы кончить все это! — тоскливо подумалъ онъ...—А тутъ еще нѣтъ его!.. А вдругъ онъ бѣжалъ?.. Вотъ хорошъ... — но ротмистръ даже мысленно оборвалъ это слово.

— Чтобы псаломщикъ былъ здѣсь черезъ десять минутъ!—обращаясь къ окружающимъ, закричалъ ротмистръ.—Или я дотла сожгу его домишко!..

Изъ домика вышелъ бѣдно одѣтый мальчикъ лѣтъ 12 — семинаристъ, сынъ Райскаго.

— Успокойтесь, г. офицеръ, отецъ на мельницѣ и я его сейчасъ же приведу сюда.—И семинаристъ быстро направился къ холму съ мельницей.

Успокойтесь!. Легко сказать! Ротмистръ мрачно зашагалъ взадъ и впередъ между деревьями, окружающими домикъ псаломщика.

— Ну, что-жъ, разстрѣляю... Вѣдь онъ агитаторъ!—въ вискахъ ротмистра стучало и отъ волненія, и отъ хмеля.—Вѣдь по милости этихъ господъ агитаторовъ льется кровь, терзаемся мы, и вотъ теперь стонутъ тамъ, подъ плетьми, покорные бараны!.. И этихъ мерзавцевъ еще жалѣть?..

Ротмистръ горячился все болѣе и болѣе. Сѣдыя брови его грозно сдвинулись...

— Ну, а если онъ?..—ротмистръ оборвалъ свою мысль.

Къ нему приближался, въ сопровожденіи семинариста, сѣдовласый, скромно одѣтый человѣкъ.

— Я псаломщикъ Райскій!—проговорилъ этотъ человѣкъ, почтительно обнаживъ свою лохматую голову передъ офицеромъ.

— А! вы Райскій? Взять его! Связать руки!.. — Голосъ графа неестественно гремѣлъ.

— Что вы? Что вы? Опомнитесь! — испуганно протестовалъ псаломщикъ, но сильныя руки сдавили его и ремни уже крѣпко впивались въ тѣло.

Инстинктивно почуявшіе что то недоброе ребятишки разревѣлись и заголосили. Семинаристъ, сжавъ свою голову руками, ринулся къ ближайшему домику священника.

— Скорѣе!—кричалъ графъ.—Живо!—подвязать его къ дереву...

Глаза графа налились кровью; онъ равнодушно поводилъ ими по окружающимъ, словно не замѣчая ужасныхъ подробностей.

Кавалеристы прикрѣпили Райскаго, со связанными на груди руками, къ дереву. Глаза псаломщика были обвязаны какимъ-то краснымъ ситцевымъ платкомъ...

— Г. офицеръ! Братцы!—полнымъ невыразимаго отчаянія голосомъ кричалъ Райскій.—Неужели смерть?.. За что?.. Предайте суду, пожалѣйте дѣтокъ моихъ!..

Псаломщикъ бился въ конвульсіи, но ремни крѣпко обхватывали его тѣло. Только съ дрожащаго дерева падали легкія серебристыя

снѣжинки, звѣздочками усыпая темную фигуру человѣка, приговореннаго къ смерти.

— Остановитесь! Стойте! Г. офицеръ! Клянусь Богомъ всемогущимъ, что человѣкъ этотъ не заслуживаетъ казни...—такъ закричалъ священникъ, только что подбѣжавшій къ графу. Волосы священника разметались, самъ онъ задыхался отъ волненія и быстрыхъ шаговъ, а глаза, устремленные на ротмистра, выражали неописуемый ужасъ.

При этихъ возгласахъ еще сильнѣе затрепеталъ псаломщикъ, и цѣлый дождь серебристыхъ звѣздочекъ посыпался съ дерева...

— Эхъ, батюшка! Что вы тамъ разсказываете!.. — воскликнулъ съ раздраженіемъ графъ.—Вы думаете мы такъ зря разстрѣливаемъ— у насъ есть вѣрныя свѣдѣнія, что онъ агитаторъ!..—Графъ сдѣлалъ знакъ рукой кавалеристамъ.

Шесть солдатскихъ винтовокъ послушно брякнули въ рукахъ и устремились на привязаннаго къ дереву человѣка.

— Остановитесь—закричалъ священникъ—увѣряю, что онъ не возбуждалъ народъ къ возстанію...—Священникъ упалъ на колѣни, простирая графу руки... Но графъ не слушалъ ни возгласовъ священника, ни воплей дѣтей... Глухимъ, точно не своимъ голосомъ онъ выкрикнулъ слова команды.

— Дайте возможность помолиться, — закричалъ Райскій.

Никто ему не отвѣтилъ. Звенящимъ, отчетливымъ голосомъ псаломщикъ продолжалъ:—Умираю безъ вины! Вы отвѣтите за мою смерть!..

Грянулъ сухой, отрывистый залпъ.

Графъ инстинктивно взглянулъ на дерево. Фигура псаломщика опустилась; ремни ослабли; голова его свѣсилась и изъ подъ красной повязки струились такія же алыя струйки. Все лицо псаломщика покрывалось красной пеленою, повязка дѣлалась все шире и шире, а съ трепетавшихъ вѣтвей дерева сыпались серебристыя звѣздочки-снѣжинки и исчезали въ теплой кровавой пеленѣ. Графъ зажмурился, а красная широкая повязка все такъ же ясно стояла передъ нимъ...

IV.

Прошло нѣсколько дней послѣ этого ужаснаго разстрѣла.

На вокзалѣ ст. N. собралась за столомъ группа блестящихъ офицеровъ. Между ними былъ моложавый, красивый, съ черными уси-

ками, кавалерійскій генералъ—главный начальникъ одного изъ большихъ карательныхъ отрядовъ.

Посторонней публики на вокзалѣ не было, и среди офицеровъ происходило нѣчто вродѣ военнаго совѣта. Обсуждались подробности карательныхъ экспедицій.

Общее вниманіе привлекалъ на себя молодой военный юристъ, капитанъ Ивановъ—чистенькій, гладко выбритый, съ развязными манерами, упитанный и выхоленный господинъ. Онъ былъ юрисконсультомъ отряда, въ которомъ его офицеры недолюбливали.

Ивановъ—всегда подчеркивающій свой либерализмъ — былъ безусловно антипатичнымъ типомъ юриста новѣйшей формаціи, девизомъ которыхъ служитъ: «и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти».

Приглашенный генераломъ Соколовымъ въ отрядъ для компетенціи въ примѣненіи карательныхъ мѣръ Ивановъ составилъ для отдѣльныхъ начальниковъ экспедицій инструкцію изъ 5 пунктовъ. По этой инструкціи на полное усмотрѣніе офицера предоставлялось или разстрѣлять задержанныхъ или помиловать. Словомъ, этими пятью пунктами Ивановъ умылъ руки, предоставивъ офицерамъ самимъ разбираться въ тонкостяхъ временныхъ законовъ.

Ивановъ и теперь, только-что вернувшись изъ Петербурга, ораторствовалъ о своихъ замѣчательныхъ, по его мнѣнію, пяти пунктахъ: [1])

— Всюду, гдѣ только я представилъ мои пункты на усмотрѣніе—ихъ одобрили. Я побывалъ даже за совѣтомъ у Д. (онъ назвалъ извѣстную фамилію крупнаго полицейскаго администратора), и тотъ нашелъ мои инструкціи слишкомъ гуманными. Д. посовѣтовалъ прибавить пунктъ, по которому слѣдуетъ разстрѣливать всѣхъ, кто былъ избранъ въ самовольныя волостныя должности. Вообще, откровенно говоря, Д. показался мнѣ очень жестокимъ человѣкомъ. Представьте себѣ, господа, что онъ мнѣ сказалъ на мои сомнѣнія—не пострадали бы невинныя жертвы?—Теперь, — говоритъ—время не такое, чтобы останавливаться передъ сомнѣніями. Если на одного разстрѣляннаго виновнаго будетъ разстрѣляно пять невиновныхъ—это ничего!.. [2]).

— Какъ?... Пять невиновныхъ!?...—ударивъ рукой по столу, воскликнулъ сидѣвшій за столомъ графъ Коринскій.

---

[1]) Такіе „пункты“ существовали, между прочимъ въ отрядѣ генерала Орлова. В. К.

[2]) Въ основѣ этюда фактическія провѣренныя данныя. Нижеприводимая фраза принадлежитъ—по словамъ юриста—г-ну Дурново. В. К.

Юристъ замолкъ. Офицеры переглянулись. Генералъ пристально посмотрѣлъ на ротмистра.

— Извините, ваше превосходительство! Но я не могу! Не могу!..— Графъ стремительно выбѣжалъ изъ-за стола и быстро направился на перронъ.

Въ залѣ воцарилось неловкое томительное молчаніе.

V.

Мрачныя мысли вихремъ проносились въ головѣ графа. Пять невиновныхъ!.. И этотъ «бритый» (такъ въ отрядѣ называли юриста) хладнокровно говоритъ такую вещь... Хорошъ юристъ—учится правосудію у полицейскаго... А я—я палачъ!... Нѣтъ! Нѣтъ! Вѣдь я клялся и служу царю и народу...

А развѣ можно служить царю, не служа вмѣстѣ съ тѣмъ и народу, и наоборотъ? Народу!.. А что если страдаютъ невиновныя жертвы!.. Ахъ, эта красная повязка... Эти ужасныя слова: «Вы отвѣтите за мою смерть»... Душно мнѣ!.. Не могу я!..— Графъ уже вслухъ произнесъ послѣднія слова. Онъ разорвалъ воротъ своей тужурки и жадно вдыхалъ въ себя морозный воздухъ. Глаза его расширялись отъ какого-то невидимаго призрака.

— Чего изволите, ваше сіятельство?—вытянувшись въ струнку передъ своимъ эскадроннымъ командиромъ, спрашивалъ графа неожиданно подошедшій къ нему бравый вахмистръ—любимецъ ротмистра.

— А, это ты, Василій Ивановичъ! (такъ звалъ графъ своего вахмистра). Плохо мнѣ, братъ. Счастливъ ты, что не попалъ съ нами тогда къ экспедицію... Покоя мнѣ нѣтъ теперь—вездѣ эта красная ужасная повязка!..

И графъ, понуривъ голову, направился къ своей квартирѣ — вагону.

Бравый вахмистръ тяжко вздохнулъ. Онъ зналъ исторію разстрѣла исаломщика и уже не первый разъ слышалъ отъ графа рѣчи о красной повязкѣ...

VI.

— Слышали? Какая ужасная новость—графъ застрѣлился!..

Такіе возгласы слышались на вокзалѣ ст. N.

Офицеры дѣлали изумленные глаза и иногда начинали шептаться.

— Не можетъ быть!.. Что съ нимъ? Говорятъ, разорился бѣднягa!..

— Разорился! Какъ же!—подѣйствовало это на него... Онъ даже и не поморщился, когда узналъ о погромѣ имѣнія! — кричалъ по обыкновенію вышившій корнетъ Зимницкій.—Это все нашъ «бритый» господинчикъ виноватъ. Коринскому и безъ того тошно было—мнительный такой вѣдь онъ былъ, а тутъ этотъ франтъ съ разстрѣлами своими на одного виновнаго пять невинныхъ... Ну, и доконалъ его.

Военный врачъ отряда, только что констатировавшій смерть графа Коринскаго, успокаивалъ корнета Зимницкаго.

Въ дверяхъ вокзала появился блестящій, какъ всегда корректный и красивый, генералъ Соколовъ.

Офицеры вытянулись и взяли подъ козырекъ.

— Господа,—здороваясь съ офицерами четко и внушительно заговорилъ генералъ,—вы, конечно, слышали печальную вѣсть? Ротмистръ графъ Коринскій застрѣлился. Причина—прошу это помнить (генералъ подчеркнулъ эти слова) — разореніе несчастнаго графа... Онъ раз-во-рился!..

Офицеры, почтительно склонивъ головы, молча выслушали слова генерала.

* * *

А тамъ, въ теплушкѣ [1]), солдаты эскадрона Коринскаго также узнали печальную вѣсть.

Они истово перекрестились. А бравый вахмистръ, любимецъ покойнаго графа, печальнымъ, задушевнымъ голосомъ тихо разсказывалъ имъ что-то такое о «красной повязкѣ»...

---

[1]) «Теплушка»—товарный вагонъ, приспособленный для жилья.

IV.

Въ Польшѣ.

I.

Разстрѣливаніе безъ суда и протестъ варшавскихъ юристовъ.

Куда бы ни занесла васъ судьба—въ Москву, центральныя губерніи, Прибалтійскій край, Кавказъ, Польшу и т. д.—всюду вы наткнетесь на царство террора, на разгулъ административнаго произвола съ его ужасными проявленіями.

И первыя впечатлѣнія мои изъ поѣздки по Царству Польскому также начинаются съ описанія этой тяжелой, переживаемой нами эпопеи «усмиренія».

Начну свою грустную лѣтопись пытокъ (да, пытки здѣсь безусловно процвѣтаютъ!) и репрессій и познакомлю васъ съ петиціей подписанной министру юстиціи присяжными повѣренными и ихъ помощниками округа варшавской судебной палаты. Петиція эта, отлично характеризующая современное военное положеніе Польши, покрыта 150 подписями и подана на основаніи 771 ст. учр. минист. юстиціи.

Мнѣніе министра юстиціи по этому поводу до сихъ поръ еще неизвѣстно.

Вотъ существенныя данныя протеста:

«1905 г. 11 (24) іюня въ г. Лодзи и его Лодзинскомъ уѣздѣ, 10 (23) августа въ г. Варшавѣ и въ Варшавскомъ уѣздѣ, 28 октября на всемъ пространствѣ Царства Польскаго было введенно военное положеніе. Засимъ отмѣненное 18 ноября военное положеніе опять введено 9 (22) декабря и примѣняется доселѣ съ такими репрессіями, съ такимъ уничтоженіемъ гражданской свободы, что имъ подавлена и общественная жизнь. Въ данномъ случаѣ вопросъ о томъ, было ли въ виду положенія края основаніе вводить въ немъ военную репрессію, оставляется въ сторонѣ. Но юридическое начало, что и

при военномъ положеніи должны быть соблюдаемы законы и что даже на войнѣ, на театрѣ военныхъ дѣйствій военныя власти обязаны дѣйствовать на законномъ основаніи,—это начало заставляетъ насъ поставить въ извѣстность ваше высокопревосходительство о беззаконіяхъ, совершаемыхъ въ нашемъ краѣ.

2—15 января сего года въ городѣ Люблинѣ былъ разстрѣлянъ безъ суда въ силу лишь распоряженія временнаго люблинскаго военнаго генералъ-губернатора работникъ Марковскій, 17 лѣтъ[1]), задержанный по обвиненію въ убійствѣ начальника желѣзнодорожной станціи. 3—16, 4—17, 18—31 января сего года въ Варшавѣ опять разстрѣляны безъ суда шестнадцать лицъ, а именно: Розенцвейгъ, 17 лѣтъ, Гольдштейнъ, 23 лѣтъ, Рыфкиндъ, 18 лѣтъ, Шаеръ, 19 лѣтъ, Пфефферъ, 20 лѣтъ, Фарцейгъ, 18 лѣтъ, Крышталъ, 18 лѣтъ, Кенрбейзеръ, 19 лѣтъ, Шпиро, 17 лѣтъ, Скуржа, 15 лѣтъ (!), Игальсонъ, 19 лѣтъ, Грауманъ, Пухачъ, Мендвелевскій и Блюменфельдъ—неизвѣстнаго намъ возраста, по офиціальному сообщенію—за «анархическую пропаганду, изготовленіе бомбъ, покушеніе съ ними и грабежи».

Итакъ, безъ суда подвергнуты разстрѣлу, если считаться только съ опубликованными фактами, 17 человѣкъ, въ большинствѣ случаевъ несовершеннолѣтнихъ. Смертная казнь вообще осуждается общественнымъ мнѣніемъ. Смертная казнь для несовершеннолѣтнихъ отмѣнена уголовнымъ уложеніемъ 1903 г. (ст. 55 и 57), а для недостигшихъ 17 лѣтъ—и уложеніемъ о наказаніяхъ 1885 г. ст. 139. *Смертная казнь безъ суда скопомъ до такой степени не допустима по дѣйствующимъ законамъ, что даже объявляемый высочайшій указъ не можетъ имѣть силы въ дѣлахъ о лишеніи жизни* (*осн. гос. зак. изд. 1892 г. ст. 66 п. 2*). Засимъ ясно, что никакой законъ не оправдаетъ казней, допущенныхъ въ данныхъ случаяхъ мѣстными властями и вызывающихъ общій голосъ протеста противъ столь вопіющаго превышенія власти».

Далѣе идетъ комментированіе пресловутой 12 ст. о мѣстн. объявл. на военномъ положеніи, и отвергается возможность примѣненія этой статьи, что уже достаточно выяснено для читателей статьею профессора Кузьмина-Караваева по этому поводу.

Засимъ слѣдуетъ продолженіе:

---

[1]) См. ниже очеркъ „Анархистъ“. *В. К.*

«Итакъ, 17 лицъ казнены внѣ закона и вопреки закону. Общество не знаетъ, были ли они виновны и въ чемъ именно; но общество знаетъ, что не судъ рѣшалъ вопросъ объ ихъ винѣ и наказаніи. Потому, какова бы ни была ихъ вина, фактъ беззаконно совершенной надъ ними казни оскорбляетъ чувство справедливости и въ корнѣ подрываетъ элементарныя понятія права. До чего доходитъ и до чего можетъ дойти беззаконіе при самопроизвольномъ толкованіи чрезвычайныхъ полномочій военныхъ властей, видно изъ обязательнаго постановленія врем. кѣлецкаго военнаго генералъ-губернатора отъ 13—26 января 1906 г., въ которомъ оглашается слѣдующее: въ случаѣ обнаруженія у кого-либо оружія данное лицо будетъ подвергнуто смертной казни безъ суда; причемъ, если оружіе окажется у дѣтей, не достигшихъ 14 лѣтъ, «смертная казнь постигнетъ ихъ родителей или опекуновъ». Правда, это постановленіе пріостановлено было спустя нѣкоторое время главнымъ начальникомъ края. Но въ одной возможности изданія подобнаго обязательнаго постановленія, положившаго наказывать лишеніемъ жизни сверхъ вины и даже безъ всякой вины, нельзя не видѣть полнѣйшаго попранія основанія законовъ, которыми управляется государство».

Далѣе, ссылаясь на высочайшій указъ отъ 12 декабря 1904 г., 150 юристовъ заканчиваютъ свою петицію такими словами:

«Мы, и какъ юристы и какъ граждане, имѣемъ честь довести о вышеизложенномъ до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства ради возстановленія полной силы закона».

II.

Къ варшавскимъ разстрѣламъ безъ суда.

Я уже сообщалъ о разстрѣляніи безъ суда 17 лицъ (1 въ Люблинѣ и 16 въ Варшавѣ) и протеста варшавскихъ юристовъ по этому поводу.

Относительно нѣкоторыхъ лицъ разстрѣлянныхъ въ Варшавѣ мнѣ удалось получить свидѣтельскія показанія, проливающія свѣтъ на этотъ беззаконный разстрѣлъ.

Вотъ что единодушно показываютъ свидѣтели г.г. П. и Л., готовые подтвердить и на судѣ свои показанія.

— Въ январѣ с. г. подвергнутъ былъ разстрѣлу вмѣстѣ съ 5-ю другими юношами заграничный студентъ 19-лѣтній Х. Рыфкиндъ. О всѣхъ этихъ лицахъ, приговоренныхъ къ разстрѣлу (въ числѣ 16) распоряженіемъ Скалона безъ всякаго суда сказано было въ официальномъ сообщеніи, что всѣ они были арестованы въ концѣ декабря пр. г. и уличены въ принадлежности къ группѣ анархистовъ—коммунистовъ и въ совершеніи ряда преступленій. По отношенію къ Рыфкинду свѣдѣнія официальнаго сообщенія *фактически ложны* и лживость ихъ можетъ быть еще теперь объективно установлена. Рыфкиндъ былъ арестованъ не въ концѣ декабря, а въ концѣ октября и провелъ въ тюремномъ заключеніи цѣлыхъ $2^1/_2$ мѣсяца. Арестованъ онъ былъ на улицѣ при вручении кому то какой то прокламаціи и обвинялся первоначально лишь въ этомъ преступленіи. Содержимый послѣ ареста въ Х-мъ павильонѣ варшавской крѣпости онъ былъ вскорѣ переведенъ въ слѣдственную тюрьму, гдѣ содержатъ только менѣе важныхъ обвиняемыхъ и гдѣ я съ нимъ встрѣтился. За два дня до своей смерти въ 10 часовъ вечера Р. былъ вызванъ въ канцелярію тюрьмы. Возвратившись оттуда черезъ полчаса, онъ въ крайне взволнованномъ состояніи сообщилъ намъ, что его вызывалъ какой то офицеръ и сообщилъ ему, что на дняхъ арестованы разныя лица, что установлено на допросѣ участіе Р. въ изготовленіи и перевозѣ взрывчатыхъ веществъ еще въ августѣ м. прошлаго года (т. е. до амнистіи, въ силу которой смертная казнь не можетъ быть примѣнена ни за какое преступленіе, совершенное до нея), что вслѣдствіе этого онъ будетъ преданъ полевому суду, который состоится черезъ два дня. Когда Р. попросилъ, чтобы ему дали возможность взять себѣ для суда защитника, офицеръ отвѣтилъ: «Зачѣмъ вамъ защитникъ—для васъ готова веревка!»—Мы постарались успокоить Р., усматривая въ словахъ офицера угрозу, но съ своей стороны увѣдомили одного изъ варшавскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, который однако не успѣлъ добиться свиданія съ Р. Въ канцеляріи военно-окружного суда, куда этотъ прис. повѣр. немедленно обратился, ему категорически заявили, что Р. военнымъ судомъ судиться не будетъ. Это насъ отчасти успокоило—мы были настолько наивны, что считали военный судъ худшимъ, что могло ожидать Р.,—о возможности разстрѣла безъ суда мы тогда еще понятія не имѣли. Ночью со вторника на среду въ 2 часа, въ тюрьму прибылъ смотритель полицейскаго ареста Куракинъ съ нарядомъ

казаковъ, онъ пришелъ въ камеру Р. вмѣстѣ съ дежурнымъ помощникомъ начальника Доренговскимъ и сообщилъ Р., что послѣдовало распоряженіе о доставленіи его на мѣсто приписки для освобожденія подъ надзоръ полиціи. Р. однако, предчувствуя недоброе, отказался итти, заявляя, что пойдетъ лишь утромъ. Его насильно увели. Въ канцеляріи ему предъявили бумагу о переводѣ его въ X-й павильонъ крѣпости. Въ $2^1/_2$ часа его увезли. Черезъ нѣсколько дней мы узнали по офиціальному сообщенію въ «Варш. Дневникѣ», *что въ 7 часовъ утра этой-же ночи Р. былъ разстрѣлянъ*. Итакъ, офиціальное сообщеніе содержитъ ложь, которую по отношенію къ Р. можно еще теперь установить:

1) Р. не былъ арестованъ, какъ говоритъ Скалонъ, въ концѣ декабря, а въ концѣ октября.

2) всѣ перечисленныя въ сообщеніи покушенія были совершены въ то время, когда Р. находился уже въ тюрьмѣ.

3) участіе же въ «подготовленіи преступленій» могло относиться лишь къ періоду до амнистіи, исключающей безусловно по отношенію къ Р. смертную казнь.

Все это дѣло велъ пресловутый Гринъ. Среди разстрѣлянныхъ находился Шлеръ, единственной уликой противъ котораго было то, что его фотографію нашли у другого изъ арестованныхъ. Онъ вопреки офиціальному сообщенію Скалона не только не былъ анархистомъ, но въ качествѣ члена П. П. С. велъ противъ анархистовъ идейную борьбу.

Вотъ и еще жертвы фанатиковъ 12-й статьи!..

III.

Борьба съ прокуратурой и попытки узаконить истязанія.

Читатели, вѣроятно, еще не позабыли знаменательнаго случая распространенія репрессій и на представителя юстиціи — прокурора калишскаго суда Скарятина, административно удаленнаго отъ должности генераломъ Скалономъ.

Изъ безусловно заслуживающихъ довѣрія источниковъ мнѣ удалось установить мотивы этого «устраненія».

Мотивы слагаются изъ двухъ поводовъ. Первый—вмѣшательство прокурора Скарятина по дѣлу объ арестѣ адвоката Парчевскаго.

Сообщаю этотъ довольно характерный эпизодъ.

Въ Калишѣ какой-то портной зазвалъ къ себѣ въ гости двоихъ солдатъ попить чайку. За разговорами портной началъ будто бы убѣждать солдатъ въ недостаткахъ современнаго государственнаго строя и проч. Выслушавъ портного, солдаты распрощались съ нимъ и доложили о разговорѣ своему ротному командиру. Тотъ приказалъ немедленно арестовать портного, спросивъ при этомъ у солдатъ—кто былъ еще при разговорѣ. Солдаты отвѣчали, что былъ еще какой-то господинъ, но въ разговоръ не вмѣшивался.—Вотъ хорошо бы поймать его—сказалъ ротный—постарайтесь, братцы!—Солдатамъ очень хотѣлось отличиться и они бродили по городу, выслѣживая незнакомца.

И вотъ однажды изъ канцеляріи губернатора выходитъ мѣстный почтенный дѣятель адвокатъ Парчевскій, бывшій въ канцеляріи на какомъ-то совѣщаніи.

Моментъ... и Парчевскій, стиснутый сильными руками, слышитъ:

— А попался, сукинъ сынъ!—Изумленный адвокатъ тщетно доказывалъ солдатамъ, что тутъ, вѣроятно, недоразумѣніе и т. д.

Его съ ругательствами волокли къ офицеру.

Здѣсь «недоразумѣніе» не окончилось. Офицеръ только прикрикнулъ:

— Вѣшать такихъ надо! — и отправилъ Парчевскаго, будто бы опознаннаго солдатами за лицо бывшее иногда у портного, подъ арестъ.

Подъ арестомъ адвокатъ Парчевскій пробылъ 24 часа и былъ освобожденъ лишь благодаря энергичному настоянію прокурора Скарятина.

При разслѣдованіи уликъ противъ Парчевскаго, оказалось, что солдаты при предъявленія имъ цѣлаго ряда фотографій, среди которыхъ была и карточка адвоката, на память не могли узнать его. Кромѣ того на вопросы слѣдователя—тотъ ли именно это господинъ, который былъ у портного?—одинъ солдатъ отвѣтилъ:

— Не знаю. Признаться, я въ лицо тогда не видалъ его...

А отвѣтъ второго обличателя:

— Какъ будто бы онъ!?

Черезъ нѣкоторое время со стороны военныхъ властей была опять попытка арестовать Парчевскаго, но тотъ бѣжалъ за границу, увѣдомивъ прокурора, что онъ не уклоняется отъ законнаго суда и всегда готовъ явиться, но не можетъ подвергать себя пыткамъ произвола.

Впослѣдствіи за полной несостоятельностью уликъ дѣло о Парчевскомъ было прекращено окончательно и онъ возвратился въ Калишъ, но тѣмъ не менѣе г. Скарятинъ попалъ въ число лицъ неблагонадежныхъ.

Второй поводъ еще болѣе характерный.

Однимъ изъ арестованныхъ калишской тюрьмы было заявлено прокурору Скарятину, что его подвергли тамъ истязаніямъ.

Г. Скарятинъ пригласилъ врача и были констатированы на тѣлѣ заявителя кровоподтеки и синяки—слѣды побоевъ.

Г. Скарятинъ рѣшилъ возбудить дѣло.

Тогда начались пререканія съ администраціей. Управляющій губерніей прямо заявилъ прокурору Скарятину, что прокуратура не въ правѣ вмѣшиваться въ дѣйствія военныхъ властей и сослался на ст. 12 прил. къ ст. 23, II ч. I св. зак., говоря, что эта статья даетъ право администраціи примѣнять къ преступникамъ какія угодно мѣры воздѣйствія, т.-е. даже и истязанія (!).

Такимъ образомъ, «*если въ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи будетъ признано необходимымъ для охраненія государственнаго порядка или успѣха веденія войны принять такую чрезвычайную мѣру, которая не предусмотрѣна въ семъ приложеніи, то главнокомандующій непосредственно или по представленію командующаго арміей дѣлаетъ распоряженіе о принятіи сей мѣры*»... и т. д.—можно — по понятіямъ администраціи — прибѣгать «для успѣха» и къ истязаніямъ.

Въ результатѣ несогласный съ такимъ толкованіемъ законовъ прокуроръ Скарятинъ удаленъ генераломъ Скалономъ отъ должности.

Но впослѣдствіи—послѣ вызова г. Скарятина къ министру юстиціи — онъ получилъ новое назначеніе *члена виленской судебной палаты*, т.-е. повышеніе.

Возстановленіе такой справедливости мѣстные адвокаты, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать, приписываютъ энергичному вліянію въ высшей степени не педантичнаго, гуманнаго прокурора варшавской судебной палаты г. Чебышева.

Но и г. Чебышевъ—несмотря на свое крупное служебное положеніе—иногда не въ силахъ бороться съ произволомъ администраціи.

IV.

Отголоски недавняго прошлаго.

Въ прошломъ году въ Варшавѣ, какъ и въ другихъ городахъ Россіи, энергія усмирителей проявилась въ цѣломъ рядѣ возмутительныхъ фактахъ произвола.

Одинъ изъ такихъ случаевъ, какъ наиболѣе рельефный, послужилъ поводомъ къ жалобѣ прокурорскому надзору.

И только недавно пострадавшимъ сдѣлалось извѣстнымъ отношеніе военнаго начальства къ подобнаго рода жалобамъ.

Напомню въ краткихъ словахъ этотъ фактъ.

Въ центрѣ Варшавы въ одномъ изъ костеловъ происходила свадьба. Около 7 часовъ вечера новобрачные и ихъ гости отправились пѣшкомъ въ Европейскую гостиницу. На улицѣ тишина. Гости шли попарно съ дамами подъ руку но не толпою, а на разстояніи другъ отъ друга. Вдругъ со стороны Чистой улицы появился отрядъ гусаръ, послышались крики «руби!» и началась кровавая расправа. Ни просьбы о пощадѣ, ни указанія на то, что это свадебный кортежъ не помогли. Гусары рубили саблями. Особенно тяжело пострадалъ помѣщикъ Шанкевскій, получившій три удара саблей — въ голову, въ ладонь съ разсѣченіемъ ея и въ руку около локтя. Также сильно пострадалъ и Л. Бачинскій. Были и еще пострадавшіе.

По жалобѣ [1]) потерпѣвшаго дѣло было направлено къ прокурору, и вотъ результаты:

— «Прокуроръ варшавскаго окружнаго суда на прошеніе Л. Бачинскаго на основаніи ст. 140 ч. 1 т. II Св. Зак., изд. 1892 г. симъ объявляетъ, что заявленіе и жалоба его на причиненіе ему ранъ разъѣздомъ гусаръ препровождена была мною на основаніи ст. 284, 214 и 315 воен. суд. уст. командиру лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка, въ виду указаній въ жалобѣ на учиненіе воинскими чинами преступленія, предусмотрѣннаго ст. 150 воинскаго устава о нак. Нынѣ начальникъ сводной кавалерійской дивизіи увѣдомилъ меня объ оставленіи имъ означенныхъ жалобъ, заявленія и сообщенія моего безъ послѣдствій. Къ изложенному считаю долгомъ присовоку-

[1]) Жалобщики выставили 10 свидѣтелей случая.

„Въ Польшѣ". Обыскъ на улицѣ въ Варшавѣ.

пить для свѣдѣнія, что распоряженіе начальника сводной кавалерійской дивизіи можетъ быть обжаловано жалобщиками на основаніи ст. 300 и 309 воен. суд. уст. № 660-й».

Коротко и ясно—*оставлено безъ послѣдствія* и величественно умалчивается, было ли произведено хоть какое-нибудь разслѣдованіе?!..

V.

Три приговора — отъ висѣлицы къ аресту при полиціи.

Варшавскій генералъ-губернаторъ согласно 17 ст. правилъ о положеніи усиленной охраны призналъ необходимымъ изъять изъ общаго порядка подсудности произведенное по настоящему дѣлу предварительное слѣдствіе и передать это дѣло на разсмотрѣніе военнаго суда для сужденія виновнаго по законамъ военнаго времени согласно 18 ст. упомянутыхъ правилъ, о чемъ варшавскій генералъ-губернаторъ сообщилъ отношеніемъ отъ 13-го текущаго февраля за № 168 военному прокурору варш. воен. окр. суда.

* * *

Приговоръ № 1 варшавск. воен. окр. суда.

«1905 г. марта 23 дня варшавскій военно-окружной судъ подъ предсѣдательствомъ военнаго судьи генералъ-маіора Высочискаго въ закрытомъ судебномъ засѣданіи постановилъ: по изложеннымъ соображеніямъ на основаніи 18 ст. правилъ о положеніи усиленной охраны 2, 10, 16 и 279 ст. ст. XXII кн. Св. В. П. 1869 г. изд. 3, варшавскій военно-окружный судъ, признавъ подсудимаго крестьянина Пилляшека виновнымъ въ вооруженномъ нападеніи на чина полиціи, при исполненіи этимъ чиномъ служебныхъ обязанностей, сопровождаемыхъ нанесеніемъ тяжкихъ побоевъ (вопреки утвержденію эксперта д-ра Плетнева, признавшаго, что городовому нанесены легкія поврежденія) этому чину—подсудимаго *крестьянина Антона Пилляшека по лишеніи всѣхъ правъ состоянія подвергнуть смертной казни черезъ повѣшеніе* съ послѣдствіями, указанными въ 22, 23, 24 ст. ст. Улож. о наказ. гр. и испр. изд. 1885 г. и т. д.».

Дѣло кассируется и въ главн. военномъ судѣ защитнику прис. повѣр. Леманскому [1]) удается перенести разборъ дѣла изъ военнаго въ *варшавскій окружной судъ*.

Приговоръ № 2 варшавскаго окружного суда.

«... опредѣляетъ: крестьянина Антона *Пилляшека*, 24 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать *въ каторжныя работы срокомъ на восемь лѣтъ*, а по окончаніи таковыхъ поселить его въ Сибирь навсегда»...

Дѣло переносится по III департаменту въ варшавскую судебную палату.

Приговоръ № 3 варшавской судебной палаты.

Приговоръ этотъ имѣетъ большой не только юридическій, но и общественный интересъ.

Привожу его въ копіи:

Копія.

ПРИГОВОРЪ

«1906 года февраля 28 дня. По указу его императорскаго величества, варшавская судебная палата, въ засѣданіи III-го уголовнаго департамента, въ которомъ присутствовали:

Предсѣдательствующій: Н. А. Кохъ.

Члены: А. Я. Краснопольскій. Н. И. Бревернъ.

При помощн. секретаря А. И. Макары, въ присутствіи товар. прокур. судебной палаты А. А. Опаровскаго, слушали дѣло по апеляціонному отзыву присяж. повѣр. Леманскаго, защитника подсудимаго Антона Пилляшека, въ томъ, что 16 января 1905 г. днемъ въ г. Варшавѣ, во время происходившихъ тогда уличныхъ безпорядковъ, вызвавшихъ принятіе усиленныхъ мѣръ для охраны города и возстановленія порядка и спокойствія, по предварительному соглашенію съ другимъ необнаруженнымъ лицомъ на Сѣнной улицѣ, въ будкѣ, у желѣзнодорожнаго переѣзда, возлѣ товарной станціи Варшавско-Вѣнской жел. дор. напалъ на мѣстнаго постового городового Станислава Липку, находившагося при отправленіи своей должности и съ цѣлью обезоружить его и тѣмъ воспрепятствовать ему исполнять обязанности службы и терроризовать полицейскія власти, нанесъ ему побои уда-

[1]) Кстати и г. Леманскій самъ пострадалъ при „усмиреніи". 18 октября прошлаго года онъ тяжело раненъ казакомъ шашкой въ голову.

роми желѣзнаго большого лома и отнялъ силою шашку у него, Липки. За симъ на основаніи 13 и 264 3 ст. 19, 134, 135 5 ст. 19 и 25 ст. улож. о наказ. 3 п 771 ст. Уст. Уг. Суд. приговорилъ Антона Францева Пилляшека, 24 лѣтъ лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы срокомъ на восемь лѣтъ, а по окончаніи таковыхъ поселить его въ Сибири навсегда. Судебныя по дѣлу издержки взыскать съ имущества Пилляшека».

На приговоръ этотъ повѣренный подсудимаго Пилляшека присяж. повѣрен. Леманскій подалъ отзывъ, въ которомъ объясняетъ: что довѣритель его съ другимъ лицомъ зашелъ въ желѣзнодорожную будку, съ тѣмъ, чтобы заставить желѣзнодорожныхъ рабочихъ забастовать, что городовой Липка случайно оказался въ будкѣ и вовсе не защищался, хотя былъ вооруженъ, и что городовой не есть представитель власти, о коей идетъ рѣчь въ 264 ст. Улож. о Нак., а потому апелляторъ проситъ: или приговоръ отмѣнить и Пилляшека оправдать, или подвергнуть его отвѣтственности по 31 ст. Уст. о Наказ

Судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло въ предѣлахъ отзыва, находитъ, что окруж. судъ призналъ виновнымъ Пилляшека по 264 ст. Улож. о Нак. неразрывно связанной съ 263 ст. Улож. Статьи эти помѣщены въ раздѣлѣ «о сопротивленіи распоряженіямъ правительства и неповиновенію установленнымъ отъ онаго *властямъ*» и по самому характеру своему не могутъ имѣть примѣненія къ сопротивленію въ отношеніи городового вообще. Сопротивленіе предусмотрѣнное 263—264 ст. Улож. о Наказ. по разъясненію правительствующаго сената въ рѣшеніи 1877 г. № 40 по дѣлу Боголюбова, имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, если виновный хотѣлъ оказать препятствіе исполненію какихъ-либо общихъ дѣйствій правительства какъ то: обнародованію манифестовъ, законовъ и т. п. или приведенію ихъ въ исполненіе. Изъ изложеннаго видно, что 264 ст. Улож. о Нак. не имѣетъ примѣненія къ данному дѣлу. По дѣлу этому выяснилось, что городовой Липка зашелъ въ желѣзнодорожную будку, какъ самъ заявилъ, *оправиться,* слѣдовательно время нахожденія его, Липки, въ будкѣ при томъ еще не входящей въ раіонъ его наблюденій, не можетъ быть отнесено къ служебнымъ функціямъ. Между тѣмъ Пилляшекъ нанесъ ударъ Липкѣ въ будкѣ, т. е. когда онъ не находился при исполненіи служебныхъ обязанностей; тутъ же, въ будкѣ подсудимый отобралъ отъ Липки шашку, которую впослѣдствіи и разбилъ. Всѣ эти данныя приводятъ палату къ убѣжденію, что Пилля-

шекъ причинилъ Липкѣ только обиду дѣйствіемъ за что и долженъ подлежать отвѣтственности по 2 ч. 31 ст. Уст. о Наказ. т. е. полицейскому аресту, въ высшемъ, по обстоятельствамъ дѣла, размѣрѣ. Засимъ и руководствуясь 892 ст. Уст. Угол. Суд., судебная палата опредѣляетъ: *Приговоръ окружного Суда измѣнить въ томъ, что Антона Францева Пилляшека, на основаніи 2 ч. 31 ст. Уст. о Нак. подвергнуть аресту при полиціи на два мѣсяца.* Подлинный за надлежащими подписями.

Съ подлиннымъ вѣрно: За секретаря (подпись неразбор.). Свѣрялъ: помощн. секр. (подпись неразбор.)

Не вдаваясь въ разборъ юридическихъ тонкостей невольно напрашивается вопросъ: въ какое время мы живемъ — долго ли еще будетъ продолжаться эта изумительная позорная игра мечомъ правосудія?!.

Другой приговоръ военнаго—варшавскаго окр. суда еще любопытнѣе: приговоренный этимъ судомъ къ *смертной казни* нѣкто Земскій по перенесеніи дѣла защитникомъ прис. пов. Дзевульскимъ—въ *окружной судъ* (гражд. уголовн.) *былъ совершенно оправданъ.*

Итакъ, на этотъ разъ двѣ жизни спасены! Но мы знаемъ, сколько уже погибло невиновныхъ жертвъ произвола и видимъ, что тюрьмы, переполнены несчастными, ожидающими своей участи...

Гдѣ же конецъ? Когда же конецъ?

VI.

Пытки въ варшавскомъ застѣнкѣ.

Отъ редакціи «Руси».

Нашъ корреспондентъ г. В. Климковъ, приславшій намъ помѣщаемое ниже описаніе пытокъ въ варшавскомъ застѣнкѣ, сообщаетъ, что нынѣшній варшавскій инквизиторъ, бывшій сыщикъ Викторъ Гринъ, приговоренный на годъ къ арестантскимъ отдѣленіямъ и лишенный всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ за вымогательство и взяточничество, былъ высочайше помилованъ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ уже отвѣтъ на нашъ недоумѣнный вопросъ о томъ, какимъ образомъ Гринъ могъ снова попасть на службу. Тѣмъ не менѣе для насъ не ясны еще два пункта: 1) помилованъ ли Гринъ по высочайшему повелѣнію или просто попалъ подъ

амнистію? Для всякаго юриста понятна существенная разница того или другого способа реабилитаціи Грина; 2) какимъ образомъ варшавскимъ администраторамъ могло притти въ голову возвратить проштрафовавшагося, хотя и помилованнаго, Грина на прежнее его поприще, да еще съ повышеніемъ?

Видныхъ мужей съ опороченнымъ прошлымъ у насъ принято, правда, назначать на высокіе посты (ген. Алихановъ, Меллеръ-Закомельскій и tutti quanti) и ждать отъ нихъ спасенія отечества. Но это по крайней мѣрѣ олимпійцы по табели о рангахъ, совершающіе свои дальнѣйшіе подвиги въ крупномъ масштабѣ. А мелкія сошки вродѣ сыщика Грина... fi donc! Гдѣ же тутъ государственныя соображенія? Покровительство Гринамъ, вѣдь это вѣрное средство вызвать только лишній скандалъ.

Или быть можетъ гг. Грины обязаны своей карьерой крѣпкимъ моральнымъ узамъ, связывающимъ ихъ съ начальствомъ, которое попрежнему черпаетъ средства для наградъ полиціи въ суммахъ, добываемыхъ преступленіями своихъ подчиненныхъ?

Кстати, все ли еще имѣются въ Варшавѣ въ сыскномъ отдѣленіи особыя книги для записи вымогаемыхъ у населенія суммъ?

* * *

Сначала маленькая точно провѣренная справка: повторяю,—8 октября 1902 года Викторъ Гринъ былъ приговоренъ варшавской судебной палатой за служебныя мошенничества къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и къ заключенію въ арестантскомъ отдѣленіи на 1 годъ.

Но затѣмъ Гринъ былъ высочайше помилованъ.

Таково прошлое варшавскаго инквизитора.

* * *

Я постарался разслѣдовать подробнѣе дѣло о истязаніи Сѣчки и Кемпскаго, письмо которыхъ приводилось проф. Б. де-К. въ «Руси».

Что касается Сѣчки, то фактъ истязанія его подтверждается. Сѣчка по освидѣтельствованіи его тюремнымъ врачемъ переведенъ въ тюремную больницу. По словамъ лицъ, видѣвшихъ его послѣ истязанія,—это совершенно разбитый нравственно и физически человѣкъ по временамъ съ притупляющимся сознаніемъ.

Проникнуть къ Сѣчкѣ нѣтъ никакой возможности, но мнѣ удалось безусловно вѣрнымъ, и единственнымъ путемъ, добыть письменное

показаніе товарища Сѣчки по страданіямъ, Кемпскаго, скрѣпленное подписью Викентія Сѣчки.

Привожу изъ этого показанія отрывокъ:

«Насъ отправили въ полицейскій арестъ. По дорогѣ солдаты били насъ прикладами. На другой день послѣ нашего прихода въ полицейскій арестъ, начали насъ слегка бить, на третій день больше, а четвертаго ночью—такъ положительно истязали, и не только били, а и пытали. Сначала палками били; когда палки объ насъ поломали, били по подошвамъ, топтали ногами, прыгали на грудь. Сѣчку такъ ударили палкой, что кровь ухомъ пошла. Довели насъ до потери сознанія, подъ угрозой палки, принуждали насъ подписать потоколъ. Сѣчкѣ, когда онъ попросилъ пить, дали спиртной воды. Выпивъ ея, онъ потерялъ сознаніе, начали показывать ему людей, которые будто бы приказывали совершать небывалыя убійства, а онъ въ безпамятствѣ свидѣтельствовалъ и подписывалъ всевозможные протоколы, почти ничего не понимая».

Вотъ какъ описываетъ Сѣчку очевидецъ:

— Сѣчка еще совершенно молодой человѣкъ, но совершенно разбитый и искалѣченный пытками.

Истомленный нечеловѣческими страданіями и наступившей безсонницей съ окровавленнымъ лицомъ, Сѣчка смотритъ на окружающихъ тупымъ, граничащимъ съ безумiемъ взглядомъ. Онъ почти оглохъ. Говоритъ въ носъ, сильно хрипитъ и харкаетъ кровью...

Безъ ужаснаго душевнаго содроганія нельзя и взглянуть на это полуживое, горькое доказательство такъ недавно дарованныхъ свободъ и неприкосновенности личности!

Еще недавно Сѣчка былъ полнымъ жизни, цвѣтущимъ человѣкомъ!

А теперь на его скорбномъ листкѣ краснорѣчиво значится: «Побои, нанесенные въ сыскномъ отдѣленіи». Далѣе слѣдуетъ ужасное спеціальное медицинское описаніе:

«Вся спина и ягодицы въ линейныхъ свѣжихъ рубцахъ, мѣстами покрыты струпьями, подъ лѣвымъ глазомъ синякъ, подъ правой мышкой и на правомъ плечѣ кровоизліяніе, въ правомъ наружномъ слуховомъ проходѣ запекшаяся кровь, при зажимѣ носа слышится свистъ, что указываетъ на травматическое поврежденіе или разрывъ барабанной перепонки. На ногахъ много струпьевъ и свѣжихъ рубцовъ, подъ лѣвой лопаткой верхняго внутренняго угла свѣжій, глубокій

рубецъ съ отпадающимъ струпомъ. На головѣ и верхнихъ конечностяхъ много струпьевъ и свѣжихъ рубцовъ, въ легкихъ сухіе хрипы и треніе плевры, что указываетъ на травматическій плевритъ, безсонница, головная боль и боль по всему тѣлу».

Но не довольно ли этихъ подробностей, читатель?..

* * *

Перехожу къ показаніямъ другихъ потерпѣвшихъ:

Показаніе Марчика.

Въ 10-мъ павильонѣ варшавской цитадели содержится административный заключенный Станиславъ Марчикъ. Его только что посѣтила двоюродная сестра, М. Влодекъ, которой Марчикъ разсказалъ о пыткахъ и истязаніяхъ надъ нимъ въ ратушѣ по распоряженію старшаго агента сыскного отдѣленія Грина.

Влодекъ письменно изложила показаніе брата и обратилась съ жалобой къ прокурору варшавской судебной палаты.

Передаю показаніе Марчика, записанное со словъ сестры его, М. Влодекъ, что могутъ засвидѣтельствовать, въ случаѣ надобности, лица, безусловно заслуживающія довѣрія:

«7—III 1906 года я посѣтила брата и онъ мнѣ сообщилъ: около трехъ недѣль тому назадъ я находился въ арестномъ помѣщеніи при варшавской ратушѣ, гдѣ былъ допрошенъ чинами сыскного отдѣленія, при этомъ допросѣ былъ подвергнутъ самымъ ужаснымъ истязаніямъ: 4 ночи подрядъ меня били палками, прикладами ружей, шашкой, вырывали волосы съ головы, прыгали со скамьи на грудь и, наконецъ, когда я, несмотря на всѣ эти мученія, все-таки отказался дать показанія относительно того, что было мнѣ неизвѣстно, мнѣ пригрозили вырываніемъ зубовъ, и предназначенные для этого щипцы оказались тутъ же въ рукахъ одного изъ сыщиковъ».

Далѣе М. Влодекъ добавляетъ, что обо всемъ этомъ братъ ея докладывалъ, при переводѣ его въ 10-й павильонъ цитадели, тюремному врачу, который можетъ удостовѣрить истину его словъ.

* * *

Вотъ еще показанія, также направленныя къ прокурору варшавской судебной палаты.

Точность передачи показаній всегда могутъ засвидѣтельствовать лица, заслуживающія полнаго довѣрія властей и общества.

Показаніе К. Миллеръ.

«Братъ мой, Иванъ Моравскій, содержащійся въ 10-мъ павильонѣ варшавской цитадели, разсказалъ мнѣ во время свиданія объ истязаніяхъ, которымъ онъ подвергался въ сыскномъ отдѣленіи. Онъ былъ доставленъ изъ цитадели въ сыскное отдѣленіе вмѣстѣ съ двумя другими арестованными: Станиславомъ Марчикомъ (см. выше) и Александромъ Френковичемъ. По прибытіи его въ ратушу агенты, въ числѣ 15 человѣкъ, заперлись съ Моравскимъ въ камерѣ, гдѣ одинъ изъ нихъ схватилъ его за волосы, другіе же взяли подъ ноги и за ноги и въ этомъ положеніи наносили ему ногами побои по бокамъ, одновременно нанося ему удары прикладомъ ружья въ грудь и это продолжалось полчаса, пока Моравскій не впалъ въ обморокъ. Засвидѣтельствовать вышесказанное могутъ К. М., К. Д. и П. И., которые были арестованы и доставлены въ сыскное отдѣленіе того же числа, слышали стоны и крики Моравскаго во время дознанія, по окончаніи же такового видѣли его покрытаго синяками въ разорванномъ платьѣ, а П. И. (фамиліи могутъ быть названы, когда потребуется), подсматривая въ замочную скважину, видѣлъ лично истязанія, которымъ подвергался Моравскій. Братъ мой четыре ночи сряду былъ подвергаемъ такимъ мученіямъ (днемъ же во время дознанія, производимаго самимъ начальникомъ, агенты ни разу не позволяли себѣ наносить побои). Въ настоящее время содержится въ цитадели и до сихъ поръ, 4 недѣли спустя (!), страдаетъ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему въ сыскномъ отдѣленіи.

Доводя вышеизложенное до свѣдѣнія вашего превосходительства, имѣю честь покорнѣйше просить подвергнуть разслѣдованію жестокій и безчеловѣчный образъ дѣйствій агентовъ сыскного отдѣленія.

Каролина Миллеръ».

Показаніе Б. Плохоцкаго.

(Прокурору подано въ сокращенномъ видѣ).

Б. Плохоцкій подвергся въ сыскномъ отдѣленіи сначала побоямъ повторявшимся каждые полчаса вплоть до вечера.

Затѣмъ повели къ допросу:

«Взяли меня за руки и за ноги, лицомъ вверхъ, и палачи били меня сапогами по бокамъ, одинъ изъ нихъ прикладомъ билъ по груди и животу, пока я не получилъ сильную рвоту. При такихъ пыткахъ я на всѣ вопросы отвѣчалъ утвердительно. При смѣнѣ часовыхъ приказали беречь только ротъ и глаза, а остальнымъ пользоваться вволю. Велѣли мнѣ стоять 2 часа у стѣны безъ движенія, что въ моемъ положеніи было прямо-таки невыносимымъ, зато часовой добросовѣстно билъ меня прикладомъ. И это повторялось нѣсколько разъ. На третій день явился агентъ съ вопросами: вѣрую ли я въ Бога? На мой вопросъ зачѣмъ ему эти свѣдѣнія — ударилъ меня нѣсколько разъ по лицу этотъ новый апостолъ. Нѣсколько дней послѣ ареста, ночью, когда я спалъ, будили меня ударами ноги въ бокъ и вопрошали: сплю ли я? Когда я отвѣтилъ: «да!»—панъ, разбудившій меня, еще разъ ударилъ меня ногой и ушелъ. Часовые по приказанію агентовъ велѣли ходить только по двумъ доскамъ около стѣны... Когда я просилъ воды испить—отвѣчали: такая собака не должна пить воду. Приведенный въ отчаяніе такимъ обращеніемъ, я просилъ часового дать мнѣ возможность лишить себя жизни, или чтобы они сами сократили мои мученья. Тотъ не согласился. Изъ другихъ комнатъ долетали до меня крики и стоны. Хотя и знаю фамиліи избитыхъ, но, не желая огорчать ихъ семейства, не называю ихъ. Послѣ этихъ почти двухнедѣльныхъ мукъ перевезли насъ въ тюрьму и тутъ мы отдохнули».

Показаніе Антона Отоцкаго, (20 лѣтъ).

(Отрывки).

...«въ бюро издѣвался надъ нами всякій, кому была только охота. Потомъ насъ разсадили по одиночкѣ, приставивъ къ каждому по городовому со штыкомъ и поручили каждому изъ нихъ не давать намъ покоя, бить и надоѣдать намъ. Городовой билъ меня то прикладомъ, то штыкомъ, надоѣдалъ мнѣ, хваталъ за волосы и билъ головой о стѣнку, билъ такъ, что вся голова покрылась шишками, уши были порваны и все лицо въ кровоподтекахъ и царапинахъ...»

Далѣе... ...«Гринъ и шпіоны начали меня ругать послѣдними словами и настаивать, чтобы имъ разсказать, гдѣ собираются и что дѣлаютъ тѣ, кого я знаю... Когда я отказался дать показанія, меня схватили шпіоны одинъ за волосы, другой за одну руку, третій за

другую, двое за ноги, повернули спиной вверхъ, били прикладами, били по спинѣ, такъ что я потерялъ сознаніе. Такимъ образомъ, нѣсколько разъ во время этого допроса меня били и бросали о земь, такъ что, въ концѣ концовъ, я во всемъ сознался... Теперь не знаю, какъ говорить, я положительно оглупѣлъ, очень прошу товарищей пригласить ко мнѣ адвоката, чтобы онъ согласился выслушать мое дѣло и защищать меня на судѣ, чтобы далъ мнѣ возможность ничего имъ не говорить, что возможно все такъ и было, но я ничего не помню, такъ какъ послѣ побоевъ совершенно все забылъ...

... Въ слѣдственномъ бюро насъ продержали 10 дней. Достаточно сказать, что въ теченіе трехъ дней я ничего не ѣлъ и ничего въ ротъ взять не могъ, такъ какъ очень скулы у меня болѣли, и трое сутокъ глазъ не смыкалъ, потому что городовые, по порученію Грина, мѣшали мнѣ спать. Спустя 10 дней, когда я немного пришелъ въ себя, перевезли насъ ночью съ пятницы на субботу въ Павіакъ (тюрьма)».

* * *

Даже тюремное начальство слѣдственной тюрьмы на Павіакѣ и стража, куда часто доставляютъ изъ сыскного арестованныхъ, съ участіемъ относятся къ жертвамъ Грина и К°.

Свидѣтельница г-жа Х., бывшая на-дняхъ на свиданіи съ однимъ изъ заключенныхъ сообщаетъ:

— По двору тюрьмы влачился изнуренный ужаснаго вида человѣкъ. Онъ едва передвигался и производилъ удручающее впечатлѣніе...

— Смотрите, смотрите!—сказалъ г-жѣ Х. одинъ изъ тюремныхъ чиновъ,—это идетъ несчастный, избитый въ сыскномъ, Моргантъ...

* * *

Итакъ, факты пытокъ и истязаній не миѳъ, и слѣдствію предстоитъ установить только подробности.

Но будетъ ли это слѣдствіе?.. Неужели на сцену выступитъ опять эта пресловутая 12-я ст. воен. полож. и дѣло замнутъ?..

Дальше этихъ разстрѣловъ, пытокъ и истязаній итти некуда, а правительство и ухомъ не шелохнетъ!..

Хотѣлось бы не только истерически, а властно и сильно крикнуть:

Заступитесь же! На весь міръ кричите: долой произволъ! Слѣдствія и суда!..

* * *

Въ печати былъ поднятъ вопросъ, какимъ образомъ могъ быть помилованъ осужденный въ 1903 г. сенатомъ сыщикъ Гринъ, нынѣшній варшавскій инквизиторъ: попалъ ли онъ просто подъ манифестъ или же помилованіе его состоялось отдѣльнымъ актомъ?

По наведеннымъ мною справкамъ Гринъ былъ высочайше помилованъ по усиленному ходатайству тогдашней мѣстной администраціи, благодарной за особыя заслуги Грина.

Теперь, когда возмутительная дѣятельность Грина всплываетъ на поверхность, канцелярія оберъ-полиціймейстера пытается откреститься отъ своего агента, утверждая, что онъ не состоитъ чиновникомъ полиціи, но исполняетъ свои обязанности (?) лишь какъ частное лицо, услугами котораго полиція пользуется.

Но мы отлично знаемъ, каковы «обязанности» этого своеобразнаго гастролера.

Пишущему эти строки удалось получить подлинныя показанія жертвъ варшавскаго застѣнка, удалось и проникнуть въ одну изъ варшавскихъ тюремъ, гдѣ съ трепетомъ ужаса и отвращенія произносится имя палача-сыщика. Гринъ несомнѣнно игралъ руководящую, начальническую роль при всѣхъ допросахъ, сопровождавшихся пытками.

Несомнѣнно слѣдствію (а таковое, наконецъ, начато) предстоитъ натолкнуться на цѣлый рядъ искалѣченныхъ Гриномъ и К° жертвъ.

VII

Въ варшавскихъ и другихъ тюрьмахъ.

Тысячи арестованныхъ административно-политическихъ томятся въ тюрьмахъ Польши въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Грязь, тѣснота, лишеніе воздуха—обычная обстановка.

Большинство числится за «администраціей» безъ объясненія причинъ ареста.

Иногда, когда нужно освободить жертву по болѣзни,—невозможно добиться, за кѣмъ и за что числится заключенный. Такъ погибъ въ варшавской тюрьмѣ чахоточный юноша Болеславъ.

Мнѣ удалось проникнуть въ одну изъ варшавскихъ тюремъ.

Тяжелая, неизгладимая картина!

Блѣдныя, истомленныя лица и тоскливые взгляды... Всѣхъ главнымъ образомъ томитъ неизвѣстность...

Среди заключенныхъ «политическихъ» я видѣлъ мальчугана лѣтъ 12—13, арестованнаго съ прокламаціей въ рукахъ. Этотъ «важный преступникъ» пользовался краткими минутами прогулки и безпечно рѣзвился, вызывая иногда улыбки на угрюмыхъ лицахъ своихъ взрослыхъ товарищей по неволѣ...

Вотъ цифровыя данныя, которыя я собралъ на мѣстѣ, о количествѣ заключенныхъ административно-политическихъ:

Въ тюрьмахъ:

Мокотовъ . . .	чел.	200	
Павія. . . .	»	250	(мужск. слѣдств.).
Сербія . . .	»	50	(женск. слѣдств.).
Ратуша . . .	»	75	
Арсеналъ . . .	»	70	
X-й павильонъ . .	»	100	(Варш. крѣп.).
Форты . . .	»	950	
Модлинъ . . .	»	250	(Новогеорг. кр.).
Брестъ-Литовскъ	»	150	
Сѣдлецъ . . .	»	50	
Калишъ и Ловичъ	»	70	
Въ полиц. арест.	»	100	
Сборный пунктъ перес. тюрьмы	»	50	
Петроковъ . . .	»	300	
Лодзь	»	200	
Серадзь . . .	»	150	
Бендзинъ . . .	»	50	
Сосновецъ . .	»	25	
Челов.		3,090	

Но эта цифра далеко не показатель общаго количества заключенныхъ, ибо еще масса томится во многихъ уѣздныхъ и губернскихъ тюрьмахъ, въ полицейскихъ арестахъ, больные и раненые въ тюремныхъ, военныхъ, городскихъ лазаретахъ и больницахъ.

Кстати. Голодовки заключенныхъ теперь не достигаютъ никакихъ результатовъ. Упорно циркулируетъ слухъ, что существуетъ цирку-

ляръ Дурново, предписывающій игнорировать голодовки, несмотря ни на какія послѣдствія.

Да и стоитъ ли протестовать и взывать къ великодушію глухихъ, бездушныхъ правителей?..

Изъ наблюденій арестованнаго.

Ратушъ, маршъ и форты — вотъ три этапа, которые проходитъ административный арестованный въ настоящее время (не считая участка въ началѣ и въ заключеніе массы другихъ всевозможныхъ мытарствъ). Ратушъ, въ сущности полицейскій арестъ, хорошо извѣстное учрежденіе. Въ настоящее время отличается онъ необыкновеннымъ наплывомъ арестованныхъ, а также необыкновенной грязью. Грязь полицейскаго ареста въ ратушѣ ни съ чѣмъ не сравнима. Полъ въ коридорѣ второго этажа поражающе грязенъ, подошвы прилипаютъ. Когда впервые вступишь на полъ въ особенности ночью впотьмахъ, кажется, что вступилъ въ нечистоты. Днемъ можно убѣдиться, что весь полъ покрытъ толстымъ слоемъ мелкой массы. То же можно сказать и про полъ въ 6-ой камерѣ и № 11, въ остальныхъ камерахъ этой массы нѣтъ, но полъ въ промежуткахъ между нарами, совершенно черный, а подъ нарами покрытъ толстымъ слоемъ пыли, старыми бумагами, тряпками, коробочками и всевозможной рухлядью прежнихъ жильцовъ. Грязь тамъ противнѣе и опаснѣе, въ виду того, что при нынѣшнемъ переполненіи ареста третья часть арестованныхъ спитъ на полу, причемъ не всѣ могутъ спать на сѣнникахъ, необыкновенно грязныхъ, постоянно валявшихся на полу и истоптанныхъ грязными сапогами.

На второмъ этажѣ, главномъ вмѣстилищѣ арестованныхъ, всего 6 камеръ: № 6, 7, 8, 9, 10 и 11. Чрезъ эти № № проходитъ почти вся волна жертвъ нынѣшней политики правительства,—онѣ не одинаковы. Типичными можно назвать 6, 7, 9—и 10,—эти комнаты въ 2 окна каждая; посерединѣ стоитъ приспособленіе для сна: нары. Это помостъ, нѣсколько выше обыкновенной табуретки, на девяти ножкахъ изъ балокъ. По направленію отъ дверей къ стѣнѣ, въ которой пробиты окна, устроена перегородка, состоящая изъ 2 балокъ стоящихъ у боковъ помоста, и третьей поперечной, на которой висятъ и узелки заключенныхъ,—все вмѣстѣ образуетъ родъ стѣны. На по-

перечной балкѣ лежатъ шапки, шляпы, коробки, хлѣбъ и всевозможные иные предметы.

Такимъ образомъ, нары раздѣлены на двѣ половины. Каждая половина предназначена для спанья на 10 заключенныхъ, значитъ номеръ долженъ вмѣщать 20 чел. Между тѣмъ теперь въ каждой камерѣ сидитъ слишкомъ 40 человѣкъ, а въ № 9 и 10 немножко больше 50 чел. въ каждой. На нарахъ помѣщается не больше 24 челов.; когда спитъ 12 человѣкъ, то на спинѣ нельзя лежать и всѣ лежатъ на боку, плотно прилегая другъ къ другу. Если поворачивается одинъ, нѣсколько другихъ рядомъ лежащихъ тоже двигаются. Съежиться, поджать ноги совершенно нельзя. Если два сосѣда лежатъ повернувшись лицомъ другъ къ другу, они сильно ощущаютъ дыханіе другъ друга. Остальные человѣкъ 18—30 должны помѣститься на очень маленькомъ пространствѣ, причемъ на каждые 2 сѣнника приходится 5—6 человѣкъ (одинъ сѣнникъ кладутъ подъ головы, а другой подъ ноги).

Седьмая камера предназначается для уголовныхъ, привезенныхъ изъ города или пригнанныхъ въ т. наз. транспортахъ. Остальныя занимаются административными, политическими, находящимися подъ слѣдствіемъ. Камера № 8-ой значительно меньше другихъ, въ ней нѣтъ наръ, но стоитъ нѣсколько кроватей, кажется 8, которыя занимаетъ такое же количество арестованныхъ «чистыхъ», по выбору начальника.

Кромѣ двухъ оконъ, какія и въ другихъ камерахъ, въ ней есть еще 3 окна въ лѣвой сторонѣ, которая примыкаетъ къ камерѣ № 10, именно въ выдающей части стѣнѣ и съ двухъ сторонъ дверей, отверстія безъ стеколъ, но съ рѣшеткой въ коридоръ. Правая сторона этой кельи во всю длину примыкаетъ къ невообразимо грязному клозету, узкому и длинному, симметрично расположенному съ камерой № 11.

Эта камера хуже другихъ въ отношеніи свѣта, воздуха и покоя, вслѣдствіе большого скопленія людей; оттого, что въ этой камерѣ есть два отверстія на коридоръ и двери клозета постоянно открыты, воздухъ въ камерѣ № 11 такой же какъ и въ клозетѣ. Нары этой камеры расчитаны на 70—75 душъ, а въ ней постоянно содержится 150, а во время большого прилива арестованныхъ свыше 200. Какъ представляется тогда камера, не знаю, знаю только, что когда я просидѣлъ ночь въ этой камерѣ (не имѣя гдѣ и на чемъ лечь) товарищи утѣшали меня, говоря:

— Хорошо, что попали, когда мало «народу» а то когда бываетъ тѣсно—хуже.

Ввиду всего этого возмутительнымъ являются привилегіи въ камерѣ № 21 на третьемъ этажѣ такой же, какъ и № 11 расположенной надъ ней, для горсти избранныхъ. Въ этой камерѣ, (разсчитанной приблизительно на 70 чел.). бываетъ 12—14 человѣкъ, отсиживающихъ короткій срокъ наказанія—недѣльные,—двухъ-недѣльные.

Въ нижнемъ этажѣ помѣщается кромѣ канцеляріи женское отдѣленіе, судя по нумераціи въ 5 камерѣ, изъ которой одна такая же, какъ и № 21 и 11. Жизнь заключенныхъ въ ратушѣ скрашивается тѣмъ, что камеры открыты отъ 8 ч. до 3—5 ч., что даетъ возможность половинѣ заключенныхъ гулять по коридору несмотря на тѣсноту.

Пища въ ратушѣ невозможная. Ничего кромѣ горячей воды, раздаваемой 3 раза въ день, употреблять нельзя. У кого нѣтъ чая, тотъ не можетъ пользоваться и этой водой. Для воды единственной посудой служатъ миски. Въ этихъ мискахъ завариваютъ чай и пьютъ его безъ ложки, точно такъ же безъ ложки обѣдаютъ. Очень отравляетъ пребываніе въ ратушѣ видъ сумасшедшихъ и слѣпыхъ, которые тамъ содержатся и на муки которыхъ буквально невозможно глядѣть.

Еще томятъ допросы Иванова и Константинова, которые бьютъ и по лицу и куда попало. Ивановъ и Константиновъ издѣваются самымъ изысканнымъ образомъ, напр. заставляютъ считать наносимые ими удары по лицу и предупреждаютъ его, что будетъ считать до 15, 20, 25 причемъ оба удара идутъ на разъ: въ правую и лѣвую сторону, правой и лѣвой рукой. Ногами тоже бьютъ. Ночью тоже слышны крики допрашиваемыхъ въ т. назыв. отдѣленіи, гдѣ въ слѣдственной комнатѣ держатъ допрашиваемыхъ иногда по недѣлямъ, днемъ и ночью безъ сна, лежащихъ подъ постояннымъ наблюденіемъ шпіоновъ.

Вполнѣ подходящимъ ко всему описанному является толстый, безусый начальникъ описываемой тюрьмы К...

Это человѣкъ, вовсе не человѣкъ, и въ то же время не Ивановъ и не Константиновъ, но существо совсѣмъ безъ темперамента, безъ нервовъ, такъ что хладнокровно, а иногда и со сладенькой улыбкой дѣлаетъ возмутительныя вещи. Никогда ни въ чемъ не отказываетъ,

все обѣщаетъ, но ничего не исполняетъ, и всегда, разъ ему это нужно, вретъ, соблюдая декорумъ правды.

Такъ напр., высылая заключенныхъ не отдаетъ имъ вещей и денегъ. На требованіе этихъ вещей, отвѣчаетъ, что не сможетъ этого сдѣлать, т. к. каретка сейчасъ уходитъ, а раньше не отдалъ; а то ему приказано экстренно отправить этого заключеннаго или даже цѣлую партію. Въ рукѣ у него всегда карандашъ и бумага, охотно записываетъ требованіе отослать вещи въ новое мѣсто заточенія, но никогда этого не исполняетъ. О высылкѣ никогда не предупреждаетъ. Даже если беретъ партію съ вечера для высылки ночью и, списавъ фамиліи, на нѣсколько часовъ сажаетъ ихъ въ погребъ, говоря, что это на одну ночь для того, чтобы устроить новыхъ, и желаетъ покойной ночи, а въ часъ—два будитъ и высылаетъ. При высылкѣ не менѣе безчеловѣченъ, такъ напр. посадили меня въ каретку, въ которой сидѣли 2 женщины съ грудными дѣтьми и одна лежала на полу на сѣнникѣ, потому что была такъ больна, что нельзя ее было посадить. Это была старуха, взятая за попрошайничество, почти голая и босая, а ночь была морозная. Двѣ сидящія женщины говорили мнѣ, что эта третья не можетъ двинуться, что внутренности опускаются, что испражняется подъ себя, что чувствовалось по запаху. Сами же онѣ были одѣты только въ кофточки, а въ платки завернули дѣтей и лежали съ открытыми грудями. Всѣ три женщины вывезены были изъ Ратуши въ «Сербію»[1]), въ лазаретъ. Вмѣсто того, чтобы послать этихъ трехъ женщинъ однѣхъ и прямо въ «Сербію», возили ихъ въ теченіи трехъ часовъ, развозя другихъ. Велѣли намъ садиться въ каретку, причемъ приходилось становиться прямо на скамейки, чтобы не наступить на больную, которой вовсе не было видно. Заѣзжали въ цитадель, въ нѣсколько участковъ пока, наконецъ, не привезли ихъ въ «Сербію», откуда уже съ другими пассажирами, собранными по дорогѣ, вернулись обратно въ Ратушъ.

VIII.

Характерное дѣло.

Въ Варшавѣ денщикъ одного изъ офицеровъ Гроховского полка, рядовой Павловъ, выстрѣломъ изъ револьвера убилъ лакея сосѣда своего барина Дынду (поляка).

[1]) «Сербія»—тюрьма.

Мотивы убійства за отсутствіемъ свидѣтелей извѣстны только со словъ убійцы, который заявилъ, что убилъ Дынду за оскорбленіе его величества. Извѣстно также, что для того, чтобы убить Дынду, Павловъ изъ кухни, гдѣ происходили разговоръ и ссора, долженъ былъ побывать въ кабинетѣ отсутствовавшаго офицера за револьверомъ.

Впрочемъ, дѣло это было изъято изъ рукъ прокурорскаго надзора и перешло къ военному начальству.

Дальнѣйшее развитіе дѣла и финалъ разскажемъ документально.

—«Приказъ 182 пѣхотному Гроховскому полку, г. Варшава, 15-го декабря 1905 г., № 349 § 6.

Объявляя при семъ въ копіи полученное мною письмо русскаго жителя Холмской Руси предписываю ротнымъ командирамъ разъяснить, что дѣло находится въ рукахъ гражданскаго судебнаго слѣдователя. Съ своей стороны приму всѣ мѣры, чтобы избѣгнуть отдачи подъ судъ, въ чемъ я уже заручился согласіемъ начальника дивизіи и начальника укрѣпленнаго раіона. Во всякомъ случаѣ, если не удастся исполнить это, то будетъ возбуждено ходатайство объ освобожденіи отъ наказанія, если гражданскій судъ опредѣлитъ таковое. *Письмо* 10 декабря, г. Холмъ (Люблинской губ.), Черная ул., № 22, домъ Зіолковскаго. Мы, русскіе мѣстные жители многострадальной Холмской Руси, живя среди всевозможныхъ притѣсненій, обидъ, оскорбленій и издѣвательствъ со стороны пришельцевъ поляковъ, прочитавъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ» описаніе подвига вашего полка рядового Павлова, убившаго лакея Дынду въ защиту царскаго имени, подвига столь рѣдкаго въ наше подлое смутное время, шлемъ ему поклонъ, цѣлуемъ его, жмемъ руку и благодаримъ его за содѣянное дѣло, тѣмъ болѣе, что онъ самъ подвергается отвѣтственности. Просимъ передать ему наши чувства и поклонъ; вмѣстѣ съ симъ посылаемъ ему на праздникъ 2 рубля. Передайте ему, что мы помолимся за него, а если онъ подвергнется отвѣтственности по суду, соберемъ подписи и подадимъ прошеніе о совершенномъ помилованіи его. Будь я командиръ полка, я бы ему выдалъ награду изъ полка. Просимъ васъ не отказать и сообщить, не угрожаетъ ли рядовому Павлову опасность по суду. Какъ старый стрѣлокъ 2-го стрѣлковаго батальона шлю славному Гроховскому полку, вамъ, г. полковникъ, и гг. офицерамъ поклонъ. Да хранитъ васъ Богъ, остаюсь съ уваженіемъ Быховскій (отставной полковникъ)».

А вотъ и финальный приказъ.

— «Копія. 25-го февраля 1905 г. № 56 § 22. Съ заключеніемъ прокурорскаго надзора о преданіи суду по 1455 ст. уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ рядового 14-й роты ввѣреннаго мнѣ полка Павлова, убившаго лакея Дынду за то, что послѣдній позволилъ себѣ въ его присутствіи поносить особу государя императора—я не согласился и въ порядкѣ статьи 658 п. 2 устава военно-судебнаго дѣло было направлено по начальству. Послѣднее согласилось съ моимъ мнѣніемъ и довело это до свѣдѣнія государя императора. Его императорскому величеству благоугодно было 6-го февраля освободить Павлова отъ всякой отвѣтственности. Съ чувствомъ глубокой радости спѣшу подѣлиться этою царскою милостью. Вотъ, братцы, съ кого примѣръ надо брать, съ молодца Сергѣя Павлова, въ коемъ чувство преданности царю, вѣрность присягѣ говорило сильнѣе опасности за отвѣтственность. Спасибо рядовому Сергѣю Павлову за его честныя, русскія убѣжденія, за то, что не посрамилъ нашего Гроховского полка.

Поздравляю рядового Павлова ефрейторомъ, выдать ему въ награду 10 рублей, отпустить въ двухъ-мѣсячный отпускъ. Приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ и командахъ и прокричать отъ русскаго сердца «ура» молодцу ефрейтору Павлову. Подлинный подписалъ: командиръ полка полковникъ Бончъ-Богдановскій. Вѣрно: полковой адъютантъ, поручикъ Эфенбахъ».

IX.

Жестокая расправа и разгромъ.

Для того, чтобы не возбуждать ни малѣйшаго сомнѣнія въ читателяхъ и въ виду чрезвычайной важности фактовъ, привожу слѣдственный матеріалъ (зарегистровано у вр. варш. ген.-губернатора за № 159 отъ 28 января 1906 г.).

ПОКАЗАНІЕ.

«Дворянинъ Иванъ Леопольдовичъ Антонкевичъ, содержатель аптеки въ посадѣ Иловѣ, Сохачевскаго уѣзда, 30 лѣтъ, католикъ, проживающій нынѣ въ г. Варшавѣ, по Холодной улицѣ, въ домѣ № 12, спрошенный мною 9-го сего февраля, показалъ: 8-го января с. г., послѣ окончанія молебствія въ мѣстномъ костелѣ, я пришелъ въ свою

аптеку и засталъ нѣсколько покупающихъ, которымъ я отпускалъ лекарства, а нѣкоторымъ даже по моему личному совѣту, такъ какъ врача въ Иловѣ нѣтъ; не успѣлъ я справиться съ покупателями, какъ вдругъ вбѣжалъ въ аптеку помощникъ гминнаго писаря, Сигизмундъ Громкевичъ, и просилъ немедленно дать помощь подстрѣленному мѣстному стражнику (фамилію не знаю),—тогда я оставилъ покупающихъ, побѣжалъ, захвативъ съ собою перевязочныя средства, и, прибывши на квартиру, я засталъ много народу, между которыми замѣтилъ фельдшера Андрея Стодульскаго, Издебскаго и Чижевскаго; тутъ я распорядился раздѣть пострадавшаго, самъ же собственноручно разрѣзалъ на немъ фуфайку и рубашку, причемъ оказалось 3 раны отъ пуль; обнаруживъ раны, я нашелъ, что кровотеченія не было, а потому съ мѣстнымъ ксендзомъ, Стефаномъ Шмурло, отправились вмѣстѣ въ гминное управленіе поручить выслать лошадей въ г. Сохачевъ за врачемъ — самъ же вернулся обратно въ аптеку, оставивъ фельдшера Стодульскаго наблюдать за больнымъ.

Въ тотъ же день былъ назначенъ гминный сходъ, на который пріѣхалъ начальникъ уѣзда г. Бураго и, узнавъ о случившемся, зашелъ на квартиру къ пострадавшему стражнику и обратился къ присутствующимъ, почему не дали помощи пострадавшему; тогда вернувшійся обратно на квартиру стражника ксендзъ Шмурло отвѣтилъ, что первую помощь больному далъ аптекарь. 5-го января вечеромъ ко мнѣ пріѣхалъ въ гости товарищъ, бывшій мой сослуживецъ съ Привислинскихъ казенныхъ ж. д., Михаилъ Квятковскій (Огородная, д. 46, кв. 60). 6-го и 7-го января мы охотились въ окрестностяхъ Илова, въ воскресенье, 8-го, онъ былъ вмѣстѣ со мною въ костелѣ и обратно сейчасъ вернулись мы въ аптеку.—Изъ этого выходитъ, что мѣстная полиція приняла Квятковскаго за агитатора, о чемъ до меня дошли слухи, что соціалисты — убійцы стражника — у меня обѣдали, ибо случайно встрѣченный мною на вокзалѣ Калишской ж. д. уѣздный врачъ г. Сохачева, Воловскій, спросилъ меня: правда ли это, что соціалисты, въ день убійства стражника, у меня обѣдали? на что, понятно, я ему отвѣтилъ, что не только не обѣдали, но я ихъ даже въ глаза не видалъ; въ тотъ день, за исключеніемъ моей семьи, обѣдалъ только вышеупомянутый Квятковскій, который и уѣхалъ 10-го января на ст. Сохачевъ лошадьми, вмѣстѣ съ войтомъ гмины Ивапомъ Гурко.

17-го того же января около часу дня наискосокъ аптеки передъ гминнымъ управленіемъ остановилась сотня казаковъ. Около 3 часовъ, стоя въ аптекѣ, я увидѣлъ, какъ тащили мѣстнаго домовладѣльца Эдуарда Тарчинскаго побитаго, послѣ чего начали запирать всѣ лавки, отчего произошелъ шумъ и крикъ, спустя нѣсколько минутъ вбѣжала моя прислуга съ тревожнымъ крикомъ: «казаки бьютъ народъ! побили Тарчинскаго, Чижевскаго и другихъ!»

Около $3^1/_2$ часовъ я, не расчитывая на то, что меня и аптеку, какъ находящуюся подъ знакомъ государств. герба постигнетъ такая же участь, тѣмъ болѣе не имѣя права закрыть аптеки, стоялъ въ таковой вмѣстѣ со своимъ шуриномъ Антономъ Станкевичемъ, какъ вдругъ вошелъ Сохачевскій, стражникъ Петрученія, котораго я никогда въ жизни не видѣлъ, съ 2-я казаками въ аптеку и стражникъ загородилъ намъ входъ въ частную мою квартиру. Первыя слова стражника были: «кто аптекарь?»,—я ему отвѣтилъ: «я»,—послѣ обратился къ Станкевичу съ вопросомъ: «а вы кто такой?» — тотъ ему отвѣтилъ: —«я мѣстный учитель».—Стражникъ Петрученія съ крикомъ обратился ко мнѣ:—«ты, сукинъ сынъ, развѣ не знаешь говорить по-русски?»—Я на это ему отвѣтилъ—«вѣдь я же вамъ отвѣчаю по-русски, какъ же мнѣ иначе говорить!»—Съ этими словами стражникъ размахнулся, чтобы ударить меня по лицу, я уклонился, а стражникъ ударилъ кулакомъ въ аптечный шкафъ и разбилъ стекло. Когда я повернулся и посмотрѣлъ въ парадный входъ, то увидѣлъ открытую дверь и въ моей аптекѣ казаковъ человѣкъ 15—16, и всѣ они бросились на меня съ нагайками, не позволяя входить въ аптеку никому изъ семьи, били до тѣхъ поръ, пока я не упалъ между аптечными шкафами и стѣною, тогда начали топтать ногами, пока я не лишился чувствъ. Сколько времени я лежалъ, и что дѣлалось въ аптекѣ— не знаю, очнулся лишь тогда, какъ облилъ меня эфиръ изъ разбитой бутылки. Станкевичъ же, послѣ полученія нѣсколькихъ нагаекъ, бросился бѣжать на пробой въ выходъ и ушелъ.

Жена моя выбѣжала на рынокъ съ крикомъ, что меня бьютъ, и просила помощи, тогда казаки разбѣжались, а я лежалъ до тѣхъ поръ, пока семья моя меня не приподняла.

Одновременно съ женою на мѣсто событія пришли войтъ гвины Иловъ Иванъ Гурка, его жена, помощникъ гминнаго писаря Сигизмундъ Громкевичъ, находящійся на моемъ иждивеніи, Михаилъ Гицакъ— и другіе.

Когда меня приподняли, я почувствовалъ сильную боль, такъ какъ нанесенные побои и раны облиты были аптечными жидкостями изъ разбитой посуды, а равно невыносимую боль въ груди отъ ударовъ каблуками. Всѣ присутствующіе въ аптекѣ замѣтили, что у меня все платье и рубашка запачканы кровью и грязью, а равно всѣ пуговицы отъ жилетки оторваны, тогда я засунулъ руку въ карманъ жилетки и замѣтилъ, что золотые часы съ цѣпочкою у меня похищены. Въ аптечномъ столѣ также не оказалось нѣсколькихъ рублей, т. е. дневной доходъ съ аптеки.

Погромъ аптеки казаки устроили ужасающій: цѣлая аптека—одна куча; аптечные столы опрокинуты, вѣсы, часть фарфоровой и стеклянной посуды съ лекарствами побиты, всѣ стекла въ шкафахъ и въ парадныхъ дверяхъ разбиты, а равно въ маломъ аптечномъ шкафикѣ, стоящемъ на аптечномъ столѣ, всѣ стекла и патентованные загранічные медикаменты разбиты.

Не удовольствовавшись погромомъ аптеки, равнымъ образомъ казаки совершили погромъ частной квартиры, а именно: съ буфета всю стеклянную и фарфоровую посуду, сбрасывая руками, побили, серебряные подносы поломали; зеркала, картины, иконы, кровати, дубовую мебель, много цѣнныхъ вещей, между которыми были бронзовые стоячіе часы, на столикахъ и комодахъ сбросали на полъ и разбивали, а также всѣ книги изъ библіотеки выбросили, самъ же шкафъ испортили и побили стекла. Опасаясь ночевать въ аптекѣ, жена хотѣла отвезти меня въ Варшаву, но такъ-какъ нельзя было достать въ тотъ же день лошадей, я подъ страхомъ еле-еле дотащился въ гминное управленіе, гдѣ и наткнулся на помощника начальника Сохачевскаго уѣзда г. Бѣляева, который, увидя меня окровавленнаго и побитаго, потащилъ меня къ командиру сотни; послѣдній, увидя меня, насмѣшливо сказалъ:—«Не такъ васъ сильно побили, коли вы еще живы, за вами видно кто-то ходитъ»—и никакъ не могъ тому повѣрить, что-бы его подчиненные могли похитить у меня и Станкевича золотые часы. Я вернулся въ аптеку и спустя нѣсколько времени, гдѣ тогда въ аптекѣ находились Станкевичъ и Михаилъ Ращакъ, вышелъ командиръ—помощникъ начальника уѣзда и одинъ казакъ. Я вторично обратился къ командиру за содѣйствіемъ съ вопросомъ къ кому мнѣ обратиться съ жалобой, на что онъ мнѣ отвѣтилъ:—«Вы уже это сдѣлали»—послѣ обращаясь къ помощнику начальника уѣзда сказалъ:—«да, это дѣйствительно непріятность»,—обращаясь же

ко мнѣ сказалъ:—«не убили-бы здѣсь стражника, не прислали-бы казаковъ и тѣмъ самымъ не случилось-бы съ вами непріятнаго недоразумѣнія,—что случилось съ вами сегодня, со мною можетъ случиться завтра».

Кромѣ слуховъ, что будто-бы, какъ я упомянулъ выше, убійцы стражника у меня обѣдали, ходятъ еще слухи, что я бунтовалъ мѣстныхъ жителей не уплачивать податей, однако оказывается это ложнымъ, такъ-какъ первый уплатилъ подати, причитающіяся съ моего дома. На другой день на лошадяхъ ксендза Шмурло моя семья повезла меня на ст. Сохачевъ, гдѣ сняли меня два носильщика изъ повозки и помогли выйти въ залъ въ ожиданіи поѣзда. Изъ Сохачева привезли меня въ Варшаву гдѣ на другой день доставили меня во Врачебное Губернское отдѣленіе и тамъ освидѣтельствовали мое здоровье, гдѣ нашли поврежденія вообще тяжелыми. Аптека послѣ двухъ-недѣльнаго закрытія приведена въ порядокъ. Въ виду того, что я не въ состояніи вернуться въ настоящее время на то мѣсто, гдѣ таскали меня какъ собаку, принужденъ былъ временно до продажи аптеки выслать замѣстителя, что и сдѣлалъ».

X.

Краткая характеристика гминнаго движенія въ Польшѣ.

Единственная форма самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ—это сельская гмина, въ которой имѣютъ право голоса всѣ безъ исключенія владѣльцы по крайней мѣрѣ 3-хъ морговъ земли (5,85 десятинъ).

Гминное самоуправленіе было установлено, одновременно съ освобожденіемъ въ Царствѣ Польскомъ крестьянъ отъ барщины, указомъ 19-го февраля 1864 г. Права довольно широкія: самоуправленіе въ области хозяйственныхъ интересовъ и начальнаго образованія (гминныя и сельскія школы), устраненіе вмѣшательства администраціи на гминныхъ сходахъ.

Но крестьяне не были приготовлены къ надлежащему использованію своихъ правъ и не умѣли устоять противъ незакопныхъ посягательствъ мѣстной администраціи—начальниковъ уѣздовъ и губернаторовъ, и администрація сразу свела сельское самоуправленіе къ нулю: вытѣснила путемъ самовольныхъ распоряженій польскій языкъ изъ дѣлопроизводства, устранила путемъ личнаго давленія на гминные

сходы свободное использованіе своими правами (напр. хотя бы въ области выборовъ на гминныя должности — войтовъ и солтысовъ), не разрѣшала, вопреки закону, сходамъ *выбирать* гминныхъ писарей, которые были *назначены* изъ подонковъ общества, затормозила дѣло образованія, замѣнивъ его орудіемъ руссификаціи (учителя—воспитанники духовныхъ семинарій—дѣятели-руссификаторы низшаго покроя), комиссары по крестьянскимъ дѣламъ въ насмѣшку своему призванію вмѣсто упорядоченія запутывали крестьянскія отношенія (разъ отношенія упорядочены—они вѣдь уже не нужны).

Но долгіе годы и особенно за послѣднія десять лѣтъ шла подпольная дѣятельность польскихъ патріотовъ. Тысячами разбрасывались брошюры, выясняющія права по самоуправленію напр. «Гавенды соксѣдзке»—(сосѣдскія бесѣды) и краковское ежемѣсячное изданіе — «Полякъ». Сотни и тысячи жертвъ въ цитадели и въ ссылкѣ, но дѣятели не устрашались и крестьяне читаютъ алчно и учатся. Они почуяли свою силу и сознали свои права. Начинается движеніе, которое особенно усиливается съ 1904 г. Крестьяне не соглашаются съ попраніемъ своихъ правъ, борются съ начальниками уѣздовъ, выбираютъ гминныхъ войтовъ вопреки явнымъ или тайнымъ (чрезъ гминныхъ писарей) ихъ указаніямъ.

— Вы кто такой,—спрашиваютъ на сходѣ начальника уѣзда (онъ въ мундирѣ).—«Нач. уѣзда».—Теперь знаемъ, но нужно отрекомендоваться.—Равнымъ образомъ и помѣщики начинаютъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ самоуправленія, отъ которыхъ до сихъ поръ устраняли себя, благо войтъ за всякое слово могъ ихъ административнымъ порядкомъ наказать арестомъ въ 1 день (обыкновенно въ хлѣвѣ).

Со сходовъ начинаютъ устранять земскихъ стражниковъ, которые, вопреки смыслу закона, присутствовали на сходахъ и производили давленіе на крестьянъ.

Въ началѣ 1905 г. почти половина гминъ (а ихъ въ Ц. П. 1287—уѣздовъ—84), основываясь на отсутствіи какого либо законоположеніи, которое оправдывало бы навязаніе гминѣ дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ сводящаго къ нулю активное участіе въ немъ крестьянъ, разрѣшаютъ востановить польскій. Мѣстныя власти не могутъ конечно указать «нелегальность» употребленія польскаго языка. Но тѣмъ не менѣе дружно преслѣдуютъ сходниковъ, отстаивающихъ свои законныя права.

Какъ разъ (конецъ января—забастовки въ Петербургѣ и Варшавѣ)—является положеніе объ усиленной охранѣ и тогда умножаются административныя ссылки въ Россію, штрафы, аресты. — Все это уже дружно терпятъ теперь и помѣщики и крестьяне, прежніе враги, теперь они сплотились и дѣйствуютъ заодно.

Наказанія не останавливаютъ движенія, напротивъ оно усиливается.

Варшавскіе адвокаты въ мартѣ 1905 г. подаютъ ген.-губ. Максимовичу весьма убѣдительную (юридически, гдѣ не было и сомнѣній) и житейски (крестьяне не понимаютъ по русски, развѣ 1% служившихъ въ арміи) докладную записку о легальности требованій возстановленія польскаго языка въ гминѣ.—«Разсмотрю»,—былъ отвѣтъ.

Въ дальнѣйшемъ, 6—19 іюня 1905 г., утверждены положенія комитета министровъ по дѣламъ Ц. П.; пунктъ 5-й сего положенія разрѣшаетъ веденіе гминныхъ книгъ на двухъ языкахъ, причемъ офиціальнымъ текстомъ считается русскій, на польскомъ языкѣ разрѣшено вести внутреннія переписки въ гминѣ. Слѣдовательно — постановленіе ретроградно, ибо до сихъ поръ *по закону* польскій языкъ не отмѣненъ. Это признано и въ соображеніяхъ комитета министровъ: установился лишь обычай вести гминныя дѣла и книги по русски, но никакого закона на это не было, значитъ штрафы были не справедливы. Исходя изъ этого, кому было отстрочено (въ виду весеннихъ работъ), тотъ послѣ изданія постановленія и мотивовъ къ нимъ (6—19 іюля) отсиживаетъ осенью. Приговоры сходовъ—попрежнему по польски и выражаютъ требованіе веденія всего дѣлопроизводства по польски.

Въ дальнѣйшемъ, 17—30 октября манифестъ. Усиленная охрана фактически прекращается.

На гминныхъ сходахъ выражаются пожеланіи автономіи Ц. П. крестьяне понимаютъ, что это значитъ, ибо имъ разъясняютъ это сотни тысячъ брошюръ.

Но усиленная охрана опять дѣйствуетъ, а въ концѣ октября — военное положеніе (протесты въ Россіи), наказанія усиливаются — до 3,000 рабочихъ и множество крестьянъ въ тюрьмѣ.

Но во второй половинѣ ноября военное положеніе отмѣнено. $^{4}/_{17}$ декабря громадный (1500 человѣкъ) съѣздъ крестьянъ въ Варшавѣ въ Филармоніи. Увѣренность въ свои силы, отсутствіе изнуренія въ борьбѣ, даже «неучи», оказываются ораторами, произносятъ рѣчи:

— «знаемъ, кто нашъ врагъ и кто другъ; дѣлопроизводство по польски будемъ вести, ибо иначе не понимаемъ; для развитія [нашихъ силъ необходима автономія»; крестьяне сознаютъ, кто виновникъ ихъ низкаго (сравнительно) культурнаго уровня и благосостоянія.

$^{10}/_{23}$ декабря опять военное положеніе— не «на точныхъ основаніяхъ закона» (какъ согласно Основн. Госуд. зак. должна управляться Россійская Имперія),—а съ явнымъ нарушеніемъ закона, ибо варшавскій генералъ-губернаторъ не имѣлъ права ввести его (по крайней мѣрѣ онъ не упомянулъ въ мотивахъ введенія] военнаго положенія о желѣзнодорожныхъ и почтовыхъ забастовкахъ, а указъ отъ 29 ноября 1905 г. разрѣшаетъ это только въ такомъ случаѣ).

Администрація разгулялась! Тысячи арестовъ, ссылокъ и штрафовъ. Арестуютъ и штрафуютъ не только за непосредственную виновность («нарушеніе обязательныхъ постановленій»), но прямо за одно присутствіе на гминныхъ сходкахъ, гдѣ состоялись приговоры о веденіи дѣлопроизводства на польскомъ языкѣ или «о предметахъ, неподлежащихъ вѣдѣнію гминныхъ сходовъ» (такъ называется пожеланіе введенія автономіи), штрафы налагаются не только на виновныхъ въ нарушеніи обязательныхъ постановленій (п. 3 ст. 19 правилъ о военномъ положеніи)— личная отвѣтственность, но и на цѣлыя гмины (13 декабря 1905 г.)—собирательная отвѣтственность, вопреки закону. Но кому жаловаться? Власть безапелляціонная—произволъ безнаказанный.

Арестуютъ и штрафуютъ крестьянъ и помѣщиковъ.

Кстати: военное положеніе нисколько не уменьшаетъ случаевъ нападеній на кассы и разбоевъ (политическихъ и особенно уголовныхъ) и убійствъ, а какъ будто способствуетъ имъ: ограбленіе уѣздной кассы въ Морозовецкѣ, кассы телефоновъ въ Варшавѣ, множество нападеній на казенныя винныя лавки, убійство Иванова и мн. др.

Да, вѣдь полиція преслѣдуетъ политическихъ преступниковъ, ей нѣтъ дѣла до обыкновенныхъ злодѣйствъ. Войско тоже.

Впрочемъ, само правительство признало свое безсиліе: въ нѣсколькихъ сотняхъ почтовыхъ конторъ въ Ц. П. прекращены выдачи и пріемъ денежныхъ посылокъ и переводовъ, ибо нѣтъ средствъ охраны, а вѣдь правительство обѣщалось исполнять условія взятой имъ въ подрядъ почты—*а теперь устраиваетъ правительственную забастовку.*

Случаются покушенія на желѣзнодорожные мосты.

Правительство способно сажать въ тюрьму лишь мирныхъ гражданъ и арестовывать за нѣніе въ квартирѣ стараго (послѣ дѣда Наполеоновскаго времени) пистолета и татарской шашки.

Положеніе невыносимо.

Крестьяне разорены арестами (некому больше обработывать земли), помѣщики—штрафами...

XI.

„Анархистъ“.

(современная быль).

Ему едва исполнилось 17 лѣтъ.

Янекъ Марковскій, худенькій скромный юноша съ ясными кроткими задумчивыми глазами. Нѣжный блондинъ, всегда чистенькій, аккуратный, онъ нѣсколько выдѣлялся на грубомъ фонѣ рабочей среды, къ которой принадлежалъ.

Слѣды заботливой женской руки отражались на Янекѣ, да и еще бы! мать такъ любила его и холила.

По окончаніи городского училища Янекъ остался при родителяхъ. Онъ скромно принялся за изученіе ремесла лакировщика на экипажной фабрикѣ и успѣшно помогалъ своему престарѣлому отцу.

Для стариковъ онъ представлялъ единственную поддержку и отраду, такъ какъ единственная сестра Янека была уже отдана замужъ.

Родители души не чаяли въ своемъ Янекѣ, воспитанномъ въ строго-религіозномъ католическомъ направленіи. Все свободное время юноша проводилъ съ родителями, посѣщая только костелъ да свою замужнюю сестру.

И никто не подозрѣвалъ, что цѣпкіе кривые пальцы кровожаднаго произвола уже намѣтили себѣ жертву....

* * *

По одной изъ улицъ рабочаго квартала Люблина двигалась похоронная процессія. Хоронили какого то желѣзнодорожнаго служащаго.

За гробомъ покойнаго въ числѣ другихъ провожающихъ шелъ начальникъ Люблинской ст. Шпаковъ, недолюбливаемый сослуживцами за оппозицію освободительному движенію.

Вдругъ изъ толпы выдѣлился молодой человѣкъ и въ упоръ произвелъ выстрѣлъ изъ револьвера въ Шпакова.

Янъ Марковскій 17 лѣтъ, разстрѣлянный безъ суда въ Люблинѣ.

Тяжело раненый падаетъ начальникъ станціи.

Окружающіе въ паническомъ страхѣ ринулись по сторонамъ, а преступникъ бросился бѣжать въ ближайшій переулокъ.

Наконецъ, кое-кто изъ толпы опомнился!—Лови его! держи!—Но было уже поздно.

За домиками въ переулкѣ, въ который, какъ нѣкоторымъ казалось, побѣжалъ преступникъ, начиналось открытое чистое поле съ извилистыми оврагами.

Погоня была безуспѣшна.

* * *

Нагрянула полиція. Переулокъ оцѣпили и приступили къ повальному обыску.

Въ одномъ изъ домовъ арестовали троихъ молодыхъ людей, по примѣтамъ походившихъ на скрывшагося убійцу.

Въ числѣ арестованныхъ оказался Янекъ Марковскій, находившійся у своей сестры въ гостяхъ.

Юноша безпечно игралъ въ карты съ сестрою и со знакомыми, какъ вдругъ нагрянула полиція и его схватили.

Онъ покорно пошелъ за полицейскими, сказавъ обезпокоенной сестрѣ:

— Я ничего дурного не сдѣлалъ и не боюсь,—меня скоро выпустятъ. Успокой мать.

* * *

Мужъ сестры Янека, Рожецкій, служилъ въ Люблинѣ пом. маши-

ниста. Вскорѣ арестовали и его по подозрѣнію въ подстрекательствѣ къ убійству.

Оказалось, что при предъявленіи задержанныхъ молодыхъ людей умирающему [1]) Шпакову, тотъ указалъ на Янека, какъ на болѣе похожаго на скрывшагося убійцу.

Говорятъ, что нашелся изъ толпы еще какой-то свидѣтель, отставной полковникъ, показавшій, что Янекъ *похожъ* на стрѣлявшаго въ Шпакова.

Вотъ и всѣ улики.

Кто знаетъ, что дало бы начатое слѣдствіе... но, увы! мы живемъ во времена полнѣйшаго безправія, и горе попавшему въ лапы царствующаго произвола.

* * *

Обезумѣвшіе отъ горя родители Янека бросились искать средства спасенія своего дѣтища.

Они обратились къ мѣстному адвокату И. И. Здзѣницкому.

Здзѣницкій охотно принялъ на себя защиту Янека и увѣрилъ стариковъ, что Янеку ничего не грозитъ.

Еще бы! При обыскѣ у Янека нигдѣ ничего не нашли. Револьвера также не оказалось.

Цѣлый рядъ свидѣтелей готовъ подтвердить, что Янекъ все время, когда происходило убійство, до и послѣ этого *безотлучно находился у сестры.*

Такимъ образомъ, доказать его невиновность, казалось бы, было не трудно.

Адвокатъ тогда и не предполагалъ еще о возможности примѣненія статьи 12 воен. положенія, упрощающей судопроизводство до извѣстнаго способа Линча.

* * *

Между тѣмъ дѣло Марковскаго пошло ускореннымъ темпомъ.

Судебное слѣдствіе едва еще только началось — военная власть выхватила это дѣло.

Судьба Марковскаго зависѣла уже не отъ правосудія, а отъ военныхъ генералъ-губернаторовъ, гг. Скалона и Какурина.

* * *

---

[1]) Шпаковъ скончался на другой день.

Раннимъ январскимъ утромъ къ капеллану люблинскаго костела явился стражникъ отъ начальника мѣстной тюрьмы.

— Пожалуйте напутствовать умирающаго! — пригласилъ онъ ксендза и предъявилъ бумагу.

Ксендзъ о. Менцель быстро собрался въ путь.

У тюрьмы стояла лазаретная линейка съ краснымъ крестомъ, окруженная казаками.

Повидимому кого то ждали.

— Гдѣ умирающій?—спросилъ о. Менцель у начальника тюрьмы.

— Собственно говоря,—смущеннымъ шопотомъ заговорилъ начальникъ,—это не умирающій, а обвиняемый по дѣлу Шпакова...

— Его разстрѣляютъ?

— Да!

— Есть доказательства?

— Есть такія доказательства, [1]) что лучше и нельзя имѣть!

— Могу я здѣсь исповѣдывать осужденнаго?

— Нѣтъ,—вы поѣдете съ нимъ на мѣсто казни.

Вывели осужденнаго.

Передъ о. Менцелемъ предсталъ, побрякивая ручными кандалами, Янекъ Марковскій. Юноша былъ блѣденъ и жутко было видѣть его дѣтскую (на видъ Янеку было не болѣе 12—13 лѣтъ) тщедушную фигурку, окруженную суровымъ, внушительнымъ военнымъ карауломъ.

Пошли къ каретѣ.

Кромѣ Янека и ксендза въ карету усадили двоихъ уголовныхъ арестантовъ, предназначенныхъ для закапыванія ямы—могилы.

На подножкѣ умѣстились двое вооруженныхъ стражниковъ.

Повозку окружили казаки и выстроился пѣхотный караулъ.

Раздалась команда офицера заряжать ружья.

Щелкнули затворы и кортежъ тронулся въ путь.

Морозное утро. Яркіе лучи солнца озарили окрестность и искрами разсыпались по бѣлоснѣжному покрову земли.

Еще печальнѣе выглядѣло блѣдное истомленное личико Янека при блескѣ пробуждающагося яркаго дня. Предательская слезинка сверкнула на солнцѣ и скатилась по исхудалой щекѣ юноши.

— Куда меня везутъ? — слегка дрожащимъ голосомъ спросилъ Янекъ.

---

[1]) Эти «доказательства»,—конечно, составляютъ тайну убійцъ — гг. Скалона и Какурина!!..

— Не знаю...—нерѣшительно и смущенно отвѣтилъ ксендзъ.

Янекъ своими чистыми ясными глазами взглянулъ на ксендза.

— Вы знаете, о. мой духовный? Вѣдь меня разстрѣляютъ?

— Да!—едва слышно отвѣтилъ о. Менцель.

— О, клянусь вамъ, отецъ мой духовный, я совершенно невиновенъ!..

Видывавшій на своемъ вѣку многихъ умирающихъ о. Менцель на этотъ разъ совершенно растерялся и едва подыскивалъ слова утѣшенія.

— Я не боюсь смерти!—отвѣчалъ юноша—рано или поздно каждому придется умереть... Бѣда только въ томъ, что мои родители могутъ повѣрить въ мою виновность, а я Богомъ всемогущимъ клянусь передъ всѣми, о. мой духовный,—я не виновенъ!..

Янекъ попросилъ у о. Менцеля четки и тихо, подъ звуки брящающихъ кандаловъ, перебирая четки, шепталъ слова молитвъ.

Вотъ и открытая площадь, на которой обычно производится учебная стрѣльба мѣстнаго гарнизона.

На площади виднѣется новенькій, только что повидимому воздвигнутый столбъ, а рядомъ зіяетъ темная пасть свѣже-вырытой могилы.

Сверкая стальною щетиной штыковъ, невдалекѣ отъ столба выстроились ряды солдатъ.

Въ сопровожденіи ксендза Янекъ подошелъ къ столбу.

Юноша взглянулъ на столбъ, а затѣмъ перевелъ пристальный задумчивый взглядъ на роковую яму и отвернулся.

Затрещали барабаны. Раздалась команда: «смирно»!..

Изъ сѣрыхъ рядовъ выдвинулся офицеръ съ бумагою въ рукахъ и при гробовой тишинѣ четко прочиталъ:

«Постановленіе временаго люблинскаго военнаго генералъ-губернатора [1]) за № 37. Разсмотрѣвъ дѣло о Янѣ Марковскомъ, обвиняемомъ въ убійствѣ начальн. ст. Шпакова и находя, что названный Марковскій достаточно уже изобличенъ въ совершеніи этого убійства, а также въ виду того, что это убійство совершено не изъ личныхъ какихъ бы то ни было цѣлей—на основаніи телеграммы варшавскаго генералъ-губернатора и на основаніи ст. 12 приложенія военныхъ постановленій *постановилъ:* подвергнуть Яна Марковскаго *смертной казни черезъ разстрѣляніе*»...

Офицеръ закончилъ чтеніе и обратился къ ксендзу:

---

[1]) Генерала Какурина.

— Дѣлайте свое дѣло.

О. Менцель приступилъ къ исповѣди.

Исповѣдь не была продолжительной, несчастный ребенокъ еще разъ поклялся, что онъ невиновенъ и умолялъ ксендза засвидѣтельствовать это родителямъ и сообщить имъ, гдѣ будетъ лежать его трупъ. Онъ просилъ особенно утѣшить мать, которая такъ его любитъ!..

При послѣдней просьбѣ на глазахъ Янека опять сверкнула слезинка.

Ксендзъ окропилъ могилу, окропилъ Янека и поцѣловалъ несчастнаго.

Но вотъ Янекъ какъ-то неожиданно выпрямился и возбужденно проговорилъ:

— Отецъ мой духовный, я никого еще не ненавидѣлъ, но я не могу... Что же это за правительство, которое убиваетъ безвинныхъ?.. Неужели царь знаетъ про это?.. Разрѣшите мнѣ крикнуть когда такъ— долой самодержавіе и да здравствуетъ свобода!..—

Глаза Янека сверкали и этотъ ребенокъ словно выросъ въ эту минуту.

— Сынъ мой, не могу разрѣшить тебѣ этого,—отвѣчалъ о. Менцель—прости въ свой смертный часъ своимъ врагамъ!.. Разрѣшаю тебѣ лишь провозгласить—да здравствуетъ свобода!..—

Янекъ еще разъ поцѣловалъ духовника и твердою поступью подошелъ къ столбу.

Юношу привязали и хотѣли завязать ему глаза бѣлымъ платкомъ... Но онъ такъ умолялъ не завязывать глазъ!..

До послѣдней минуты ему хотѣлось видѣть это широкое, глубокое небо, эту блестящую, серебристую, сверкающую снѣжную даль!..

Просьбу умирающаго ребенка исполнили.

Раздались первыя слова команды. Слышится щелканье ружейныхъ затворовъ.

Но вотъ все затихло. Жутко!

Глаза Янека, ясные, чистые глаза, устремлены къ яркому солнцу и звонкій голосъ юноши раздается въ морозной тишинѣ:

— Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ свобода!!!—

И третій, послѣдній, возгласъ слился съ сухимъ отрывистымъ ружейнымъ залпомъ.

«Анархиста» не стало!..

* * *

Надо ли говорить, что родители Янека совершенно обездолены?.. Мать — полусумасшедшая, а отецъ разбитъ совершенно нравственно и физически...

Кто ихъ утѣшитъ? Ужъ не появившееся ли впослѣдствіи сообщеніе черносотеннаго диктатора Столыпина, что Янъ Марковскій разстрѣлянъ въ числѣ прочихъ «анархистовъ»?..

Карательныя экспедиціи на Кавказѣ.

(Выдержки изъ слѣдственнаго матеріала).

Автору этой книги не удалось еще побывать на Кавказѣ, но благодаря любезности товарища автора бывшаго военнаго *корреспондента* «Русскихъ Вѣдомостей» г. Нанда, только что возвратившагося съ Кавказа—вниманію читателей предлагаются слѣдующія строки, рисующія неслыханную со временъ татарскихъ нашествій, ужасную картину «усмиренія» нашихъ дней.

Вотъ что сообщилъ мнѣ г. *Нандъ*:

Какъ извѣстно, весною этого года по иниціативѣ намѣстника въ Тифлисѣ состоялся армяно-татарскій съѣздъ. Для людей, сохранившихъ самообладаніе, цѣль созыва этого съѣзда была совершенно ясна. Когда мнѣ принесли для напечатанія отчетъ о первомъ засѣданіи, начавшемся рѣчью намѣстника, я указалъ на то, что весь отчетъ можно не печатать вовсе, — достаточно огласить фразу намѣстника: «Рѣзня выгодна разбойникамъ и революціонерамъ»... Этими словами ясно опредѣлялась цѣль, съ которой администрація устроила пресловутый съѣздъ. Къ несчастью, армянское общество, утомленное, измученное, цѣплялось за соломинку, воображая, что можно будетъ умилостивить и укротить расходившагося звѣря. Въ результатѣ—во дворцѣ разыграна была многоактная трагикомедія, въ которой армянскіе делегаты сыграли поистинѣ жалкую роль. Между тѣмъ, несмотря на съѣздъ и вопреки ему, «рѣзня» стала прекращаться просто въ силу естественныхъ причинъ: наступало время кочевокъ, и татары понимали, что хоть на это время необходимо прекратить кровавую забаву. Страсти утихали, кровь перестала литься, пожары догорали... Тогда администрація прибѣгла къ «чрезвычайнымъ» мѣрамъ и въ Восточномъ Закавказьѣ неожиданно появились *карательные* отряды... Администрація, безмолвно смотрѣвшая цѣлый годъ на разыгрывавшуюся передъ нею драму, вдругъ, когда все готово было затихнуть, начала водворять порядокъ и вступилась за обиженныхъ.

Такъ, на татаръ казахскаго уѣзда наложена была контрибуція въ сто слишкомъ тысячъ рублей «въ пользу пострадавшихъ армянъ»

еле-еле удалось армянскимъ делегатамъ убѣдить гр. Воронцова отмѣнить это распоряженіе уѣзднаго начальника, ибо армяне, конечно, понимали, чѣмъ это пахнетъ. Вмѣстѣ съ симъ отряды приступили къ усмиренію «непокорныхъ» ауловъ; два аула были разгромлены при мнѣ, но шейхъ-уль-исламъ, по совѣту татарскихъ публицистовъ, не позволилъ этого огласить въ печати, чтобы «не раздражать русскихъ», ибо на Кавказѣ, увы, русскій и городовой суть синонимы! Но и эти «мѣропріятія» не помогли: населеніе было слишкомъ утомлено междоусобной бранью, и лишь кое-гдѣ появились татарскія шайки. Тогда «отряды» сами принялись за работу!..

У меня въ рукахъ имѣется матеріалъ, добытый комиссіей, производившей предварительное слѣдствіе подъ предсѣдательствомъ г. Вейденбаума. Я не стану приводить всѣхъ данныхъ, такъ какъ они однообразны:— бомбардировка, поджоги, убійства, грабежъ и насилія, — возьму лишь показанія женщинъ о насиліяхъ, чинимыхъ усмирителями надъ ними. Эти показанія я считаю особенно интересными потому, что, помимо всего ужаса, связаннаго съ этого рода насиліями для самого населенія, которое заражается сифилисомъ и другими болѣзнями, показанія эти ярко характеризуютъ атмосферу, въ которой мѣсяцами живутъ наши несчастные солдаты и казаки, обращающіеся изъ здоровыхъ людей въ маніаковъ, эротомановъ!

Матери, жены, сестры! Замѣтьте, что эти люди, о которыхъ идетъ рѣчь, рано или поздно должны вернуться изъ кавказскихъ дебрей къ вамъ! Какова же будетъ ваша совмѣстная съ ними жизнь?

* *
*

Селеніе Тугъ, 5 апрѣля.

1) *Арутюнъ Мусаелянцъ*, 1-й гильдіи купецъ. Имѣю лавку въ самомъ селеніи. 18 марта прибыли въ наше селеніе 16 стражниковъ съ поста Хопашелъ, подъ начальствомъ урядника Бакланова, и произвели, для отысканія оружія, обыски въ домахъ—моемъ и Ованеса Ованимова. При обыскѣ ничего не было обнаружено. Стражники уѣхали, а я отправился въ Шушу по дѣламъ. Въ отсутствіе мое, 20-го марта, прибылъ въ наше селеніе отрядъ полк. Веверна съ артиллеріей и въ сопровожденіи уѣздн. нач. Фрейлиха и мирового посредника Ермолаева. Въ нашемъ селеніи живутъ также татары, частью смѣшанно съ армянами, а частью въ отдѣльномъ кварталѣ. Въ

этомъ кварталѣ находился, между прочимъ, домъ братьевъ Асланъ-бека и Садыхъ-бека Меликъ-Аслановыхъ (Садыхъ-бекъ былъ лѣтомъ приставомъ въ зангезурскомъ участкѣ, гдѣ татары вырѣзали армянъ селенія Минкендъ, въ присутствіи Садыхъ-бека). По приказу начальника отряда былъ обстрѣленъ мой домъ; въ него было пущено три выстрѣла, но безъ причиненія поврежденій. Послѣ этого казакамъ была дана воля; начались обыски, грабежи, оскорбленія женщинъ, но исключительно въ армянскихъ домахъ. Когда все кончилось, офицеры, уѣздн. нач. и мир. поср. Ермолаевъ, оставивъ заготовленный армянами обѣдъ, отправились обѣдать у Асланъ-бека. Послѣ обѣда данъ былъ приказъ выступить въ Азохъ. Когда отрядъ уже выѣзжалъ изъ селенія, мировой посредникъ Ермолаевъ, взявъ одного офицера, Бирюлькина, и 15 казаковъ, направился къ дому моему, причемъ Ермолаевъ передалъ одному казаку мѣшокъ пороху, который былъ взятъ изъ дома Асланъ-бека, а гдѣ былъ найденъ—не знаю. Войдя въ домъ мой, Ермолаевъ приказалъ собрать и сложить всѣ мои домашнія вещи, затѣмъ разбросалъ порохъ, облилъ комнату керосиномъ и, выходя, самъ лично поджегъ. Сгорѣлъ мой двухъ-этажный домъ со всѣмъ домашнимъ имуществомъ, хлѣбнымъ амбаромъ и складомъ мануфактурныхъ товаровъ, всего на сумму 8—10 т. рублей. Вообще всѣмъ погромомъ руководилъ Ермолаевъ. Когда начался пожаръ, то тесть мой, Баба-Атаевъ, хотѣлъ было тушить огонь, но Ермолаевъ приказалъ казакамъ прогнать его, а казаки толкнули его въ огонь; Баба едва спасся. Ермолаевъ вслѣдъ сказалъ: «Ну, что, сукинъ сынъ, болитъ твое сердце?»

2) *Аракель Шабуровъ* — старшина тугскаго общества, присутствуя при допросѣ Мусаелянца, подтвердилъ все вышеизложенное и добавилъ слѣдующее: когда данъ былъ приказъ отряду выступать въ селеніе Азохъ и готовились выѣхать, то Ермолаевъ, взявъ одного офицера и нѣсколько казаковъ, отдалъ одному изъ нихъ мѣшокъ пороха во дворѣ дома Асланъ-бека; Меликъ-Асланов отправился въ домъ Мусаелянца, высыпалъ порохъ изъ мѣшка, приказалъ домашнія вещи собрать въ одной комнатѣ, затѣмъ самъ же облилъ керосиномъ вещи и полы и зажегъ спичкой; начался пожаръ; прибѣжалъ тесть Мусаелянца, Баба, и хотѣлъ было тушить, но Ермолаевъ приказалъ казакамъ прогнать его, а тѣ толкнули его въ огонь. Баба едва спасся. Всѣ эти обстоятельства я лично *видѣлъ и, какъ старшина, сопровождалъ Ермолаева*, офицера и казаковъ, когда они съ поро-

хомъ, взятымъ со двора Асланъ-бека, шли поджигать домъ Мусаелянца. Гдѣ или у кого взятъ былъ порохъ — я не знаю, но утверждаю, что въ армянскихъ домахъ при обыскахъ не было найдено пороха.

* *
*

1) *Такуи Кушлянцъ*, 30—35 лѣтъ. Когда прибылъ отрядъ и женщины бѣжали—и я бѣжала; казаки гнались за нами; будучи беременна, я отъ испуга родила мальчика, который тутъ же умеръ.

2) *Азисъ Гюль Джавадянцъ*, 50—55 лѣтъ. Въ воскресенье, вечеромъ, ворвались въ нашъ домъ казаки, до 10-ти человѣкъ. Побили моего мужа, старика. Они ворвались въ домъ и начали грабить, а затѣмъ пристали ко мнѣ, чтобы изнасиловать; я не отдавалась, но казаки побили меня, повалили и начали насиловать; я потеряла сознаніе.

3) *Матушанъ Пуліева*, 35-ти лѣтъ. Я не могла бѣжать, потому что у меня грудной ребенокъ и другія дѣти маленькія. Къ намъ ворвались три казака, избили, истязали моего мужа и всѣ трое изнасиловали меня. Мой мужъ такъ былъ избитъ, что до сихъ поръ боленъ. На мнѣ еще сейчасъ есть слѣды насилія.

4) *Маріамъ Ованесянцъ*, 60-ти лѣтъ. Имѣю мужа. Я, какъ старая женщина, не убѣжала въ томъ предположеніи, что меня не будутъ трогать. Казакамъ дали волю, всѣ бросились въ дома, начались побои, грабежи и изнасилованія; въ селеніи всюду раздавались крики о помощи, но власти не обращали вниманія. Въ нашемъ домѣ сломали запертые замки на дверяхъ комнатъ и ограбили серебро, платье и разныя вещи, а затѣмъ изнасиловали меня. Казаковъ было три-четыре человѣка въ нашемъ домѣ. Уже двѣ недѣли прошло, а потому исчезли признаки насилія.

5) *Балаханума Читчянцъ*, 25 лѣтъ. Имѣя грудного ребенка и другихъ маленькихъ дѣтей, я не могла убѣжать; самыя ужасныя насилія казаки производили въ моемъ домѣ; казаки отдѣльными группами нѣсколько разъ нападали на нашъ домъ; дѣвочка моя, Надежда, 4 лѣтъ, отъ испуга умерла, раньше она была здорова, а мальчикъ Арменакъ и до сихъ поръ боленъ отъ страха, лежитъ въ постели. Каждая группа входила и насиловала меня; такихъ группъ было 6 или 7—хорошо не помню, потому что я почти безъ силъ лежала, а

послѣ отъѣзда казаковъ лежала больной въ постели и сейчасъ больна.

6) *Майбо Саркисянцъ*, 16—17 л. Два года, какъ замужемъ. Я не успѣла бѣжать. Ночью ворвались къ намъ два казака, побили мужа, выгнали его, а меня оба изнасиловали; затѣмъ, собравъ цѣнныя вещи, ушли. (На видъ красивая).

7) *Нахшуна Надирянцъ*, 50 лѣтъ. Изнасилована и ограблена.

8) *Тамана Сарвянцъ*, 40 лѣтъ. Изнасилована казаками и ограблена.

9) *Шоганата Чахмисянцъ*, 14 л. Я была въ числѣ женщинъ, не успѣвшихъ скрыться. Въ понедѣльникъ, утромъ, два казака поднялись къ намъ по лѣстницѣ, я забѣжала въ комнату и хотѣла спрятаться, но они ворвались въ комнату и одинъ вслѣдъ за другимъ изнасиловали меня, лишивъ дѣвственности; я лишилась чувствъ.

* * *

Селеніе Тугъ.

1) *Серунашъ Еганянцъ*, 40 лѣтъ. Казаки меня изнасиловали и ограбили.

2) *Мейхи Мовсесянцъ*, 50 лѣтъ. Меня изнасиловали и ограбили.

3) *Маріагюль Оганджамянцъ*, 17 л. Въ нашемъ домѣ былъ только отецъ старикъ. Ворвались 6—7 человѣкъ, побили отца и выгнали его изъ дому, а изъ казаковъ трое изнасиловали меня. Я вышла замужъ на масленицѣ. Были слѣды насилія, но исчезли.

4) *Маранумъ Айрапетянцъ*, 16 л. Я вышла замужъ на масленицѣ. Во вторникъ Страстной недѣли, днемъ, ворвались 6 казаковъ; у насъ были я и мать моя. Мать мою выгнали на дворъ, а меня изнасиловали одинъ за другимъ. Мужъ теперь, послѣ этого позора, бросилъ меня и скрылся.

5) *Тамама Апріянцъ*. Изнасилована и ограблена въ деревнѣ.

6) *Манушка Абагянцъ* и *Баджи Крикорянцъ*. Изнасилованы за селеніемъ, когда бѣжали.

7) *Тути Агаджанянцъ*, 35 лѣтъ. Казаки напали на меня, когда бѣжала и на мосту за селеніемъ изнасиловали и ограбили.

Селеніе Азохъ.

1) *Маргарита Крикорянцъ*, 45—50 лѣтъ. Я не успѣла убѣжать, меня изнасиловали и ограбили. Мужа моего такъ избили, что онъ лежитъ, не можетъ двигаться.

2) *Маріама Крикорянцъ*, 35—38 лѣтъ. Ворвались къ намъ въ домъ пять казаковъ. Это было въ среду Страстной недѣли. Ограбили домъ, начали меня тащить, я не отдавалась, изорвали предъявляемое платье и изнасиловали.

3) *Хурда Ванесянцъ*, вдова, изнасилована за селеніемъ и домъ ограбленъ.

4) *Манушака Арутюнянцъ*, 28 лѣтъ. Я пекла хлѣбъ, вдругъ ворвалось ко мнѣ нѣсколько казаковъ, поймали меня и изнасиловали; я потеряла чувства.

5) *Нана Баласанянцъ*, 20 лѣтъ. Меня изнасиловали; мы невѣстку прятали въ садахъ, когда бѣжали и ее тоже изнасиловали, а мужа моего поймали, побили и переломили руку; домъ ограбили.

6) *Сарназъ Мосесянцъ Айрапетянцъ*,—меня изнасиловали въ садахъ, когда бѣжала; домъ тоже ограбили.

7) *Саарназъ Банасенянцъ*, 35 лѣтъ. Я изнасилована за селеніемъ и ограблена.

8) *Багчагюла Аканянцъ*, 25 лѣтъ. Когда я собиралась бѣжать, то казаки поймали и потащили въ домъ и изнасиловали, а потомъ ограбили. На предъявленномъ были серебряныя украшенія, казаки ограбили.

9) *Нубара Баласанянцъ*, круглая сирота. Я бѣжала съ теткой Азизой въ горы отъ казаковъ. Два казака схватили меня и тетку въ горахъ и изнасиловали насъ. Казаки лишили меня дѣвственности.

10) *Азиза Баласанянцъ*, 35 лѣтъ, подтвердила показанія Нубары.

11) *Дасти Тунянцъ*, 35 лѣтъ, вдова. Я успѣла отправить въ горы дочь 12 лѣтъ, а сама съ двумя дѣтьми 9 и 3 лѣтъ не успѣла. Ворвались ко мнѣ послѣ обѣда 4 казака, изнасиловали меня всѣ четверо, на глазахъ дѣтей, а затѣмъ потребовали, чтобы *я поцѣловала ихъ члены*, открывъ передо мною члены. Я была въ ужасѣ, казаки грозили зарѣзать меня, я вынуждена была цѣловать. Всѣ эти безобразія происходили на глазахъ моихъ дѣтей, 9 и 3 лѣтъ.

12) *Мина Сапріелянцъ*, 40—45 лѣтъ, вдова. 6 казаковъ вошли ко мнѣ, побили меня и изнасиловали, а затѣмъ ограбили домъ.

13) *Эалага Авакова*, около 60 лѣтъ. Я успѣла сына моего съ молодою женой отправить въ горы. Казаки не могли поймать. Я, какъ старая женщина, осталась дома. Ворвались ко мнѣ четыре казака. Когда они увидѣли меня, начали бить, затѣмъ повалили и,

открывъ члены, *хотѣли помочиться на меня*, думали въ ротъ, но я, закрывъ лицо обѣими руками, перевернулась къ землѣ. Казаки передъ тѣмъ, приставивъ члены къ моему лицу, били ими по лицу.

14) *Антарама Авакянцъ*, 35 лѣтъ. Дѣти мои были больны, я не могла бѣжать, пришли 4 казака и изнасиловали меня, ограбивъ домъ.

15) *Соничка Закарянцъ*, 30 лѣтъ. Казаки меня поймали за селеніемъ и изнасиловали, а въ деревнѣ ограбили домъ.

16) *Малага Мацаканянцъ*, 40 л. Меня изнасиловали и ограбили казаки въ селеніи.

17) *Тазагюлъ Бельвянцъ*, 60 л. Меня казаки ограбили.

* * *

Селеніе Сосъ, 4 апрѣля.

1) *Священникъ Теръ-Акопъ Багдасарянъ, приходскій священникъ селенія Сосъ.*

Мы узнали, что появился особый отрядъ казачій, подъ начальствомъ полковника Веверна, что отрядъ этотъ объѣзжаетъ селенія и внушаетъ и татарамъ, и армянамъ спокойно жить, грозя нарушителямъ строгимъ наказаніемъ. Мы очень обрадовались этому, и, когда узнали, что отрядъ приближается къ нашему селенію, мы сейчасъ же приступили къ заготовленію для отряда хлѣба, мяса, фуража, приготовили также помѣщеніе.

12 марта, около 2 часовъ, издали показался отрядъ. Я собралъ почетныхъ лицъ, надѣлъ ризу, взялъ крестъ, евангеліе, хлѣбъ-соль и вышелъ за селеніе встрѣчать отрядъ. Впереди шли армяне изъ разныхъ селеній, ведя лошадей съ вьюками казаковъ. Эти армяне, замѣтивъ въ нашемъ селеніи женщинъ, удивились и сказали: «Что это такое: съ ума сошли, что-ли, что женщинъ оставили въ селеніи? Вѣдь казаки вездѣ оскорбляютъ женщинъ!» Узнавъ объ этомъ, наши женщины пустились бѣжать изъ селенія. Мировой посредникъ, Ермолаевъ, ѣхалъ первымъ. Онъ по-татарски сказалъ намъ: «Вернитесь назадъ, вы недостойны того, чтобы насъ принять!» Засимъ тотъ же Ермолаевъ, переговоривъ съ начальникомъ отряда, обратился ко мнѣ и къ нашимъ почетнымъ и сказалъ: «Ваша хлѣбъ-соль не можетъ быть принята, съ вами будетъ иная расправа!» Мы подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ направились назадъ. *Едва казаки въѣхали въ селе-*

ніе—ихъ было нѣсколько сотъ, — какъ данъ былъ сигналъ трубою. Казаки снялись съ лошадей и бросились за женщинами; ловили ихъ въ оврагахъ, на дорогахъ, въ лѣсу, — отовсюду раздавались страшные крики; казаки насиловали женщинъ, срывали съ нихъ головные уборы, украшенія и другія цѣнности, которыя были взяты ими второпяхъ изъ домовъ. Все это видѣли и офицеры, и уѣздный начальникъ, и мировой посредникъ, но ничего не дѣлали, потому что казакамъ была дана воля. За селеніемъ въ числѣ женщинъ была растлѣна дѣвица Кола Арутюнянцъ, лѣтъ 16—17 отъ роду. Такъ какъ не всѣ женщины успѣли убѣжать, то оставшихся я просилъ къ себѣ и сказалъ: «Пока я живъ, постою за вашу честь, а когда меня убьютъ, тогда погибайте и вы!» У меня собралось до 20 женщинъ, но оказалось, что и въ домахъ остались женщины; однѣ изъ нихъ были старыя, думали, что на нихъ не можетъ быть нападенія, другія не успѣли взять дѣтей или имѣли больныхъ. Когда стемнѣло, казаки начали врываться въ дома, грабить, бить и насиловать находившихся въ домахъ женщинъ. Отовсюду раздавались крики мужчинъ, женщинъ о помощи,—словомъ, у насъ образовался какой-то адъ. Власти слышали вопли несчастныхъ, видѣли и знали, какія безобразія творятся, но не препятствовали. Было около 12 часовъ ночи; вызвали меня изъ дому издали. Я спросилъ, въ чемъ дѣло. Мнѣ отвѣтили, что казаки избили Ованеса Айрететяна Крикоряна, что Ованесъ умираетъ и чтобы я пошелъ, пріобщать его. Я спустился къ дому Ованеса и нашелъ его въ безсознательномъ состояніи: языкъ отнялся, едва дышалъ, лѣвая сторона лица въ части височной была посинѣвшая, шея была опухшая кругомъ горла, на ней съ обѣихъ сторонъ горла были красныя пятна, глаза были на выкатѣ и красные. Мать Ованеса, старуха Нуб. ра, разсказала слѣдующее: «Когда казаки начали врываться въ дома, то Ованесъ сталъ караулить дворъ, а матери предложилъ запереться дома и охранять внутри. Вдругъ залаяли собаки. Оказалось, что казаки вошли въ ихъ дворъ. Ованесъ (онъ былъ запасный нижній чинъ) полу-по-русски, полу-по-татарски сталъ упрашивать казаковъ не трогать ихъ. Въ это время раздался сильный сухой ударъ, а вслѣдъ за ударомъ крикъ Ованеса: «Ай, умеръ!», послѣ этого короткое время едва слышно было храпѣніе и все затихло. Черезъ нѣсколько минутъ казаки направились къ дверямъ нашего дома и начали вламываться; наконецъ, двери выскочили и вошли казаки, внутри не было огня и они не

замѣтили, что передъ ними старуха. Несмотря на мольбы, повалили ее и одинъ за другимъ изнасиловали. Послѣ этого насилія старуха, почти 70 лѣтъ, въ теченіе часа не приходила въ себя». Выслушавъ Нубару и не находя возможнымъ пріобщить Ованеса, такъ какъ онъ находился въ безсознательномъ состояніи, я пошелъ къ себѣ. Утромъ мнѣ дали знать, что Ованесъ умеръ. Тогда я пошелъ къ уѣздному начальнику, Фрейлиху, гдѣ находился и Ермолаевъ. На сообщеніе мое онъ отвѣтилъ: «Ну, что же, умеръ,—похороните!» Послѣ меня Фрейлихъ и Ермолаевъ, какъ оказалось, пошли къ начальнику отряда и доложили ему, а тотъ послалъ двухъ лицъ изъ военныхъ узнать, въ чемъ дѣло. Тѣ сообщили начальнику отряда, что Ованесъ живъ. Тогда начальникъ отряда потребовалъ меня къ себѣ и сказалъ, что я ему сдѣлалъ ложное сообщеніе. Присутствовавшій тутъ же Ермолаевъ началъ нападать на меня, говоря, что будто я организовалъ нападеніе на татаръ, что я и дочь моя были при нападеніи на Каджахъ и что вообще я—вредный человѣкъ. Я замѣтилъ Ермолаеву, что его обвиненія несправедливы, хотя бы потому, что дочь моя учится въ московской гимназіи, два года не пріѣзжала на Кавказъ и съ сентября—въ Сибири, гоститъ у брата инженера. Начальникъ отряда подвергъ меня аресту, якобы за ложное сообщеніе. Отрядъ провелъ у насъ до 2-хъ часовъ слѣдующаго дня и до отъѣзда причинилъ населенію массу самыхъ тяжкихъ оскорбленій. Казаки растлили еще одну дѣвушку, *страдающую параличомъ Нубату Мусаянцу, которой отъ роду 12 лѣтъ.* Дѣдушка ея — Муса, старикъ 70 лѣтъ, взялъ въ объятія внучку и хотѣлъ унести ее отъ озвѣрѣвшихъ казаковъ, но послѣдніе повалили старика и страшно его избили, растоптали сапогами; отъ побоевъ у старика произошло внутреннее кровоизліяніе въ брюшину; онъ теперь боленъ и безъ серьезной операціи, какъ говорятъ доктора, смерть неминуема. *Параличемъ разбитую Нубату разстлили казаки на глазахъ старика.*

* * *

Селеніе Сосъ 5-го апрѣля.

1) *Кола Арутюнянцъ, 18 лѣтъ.* Я бѣжала совмѣстно съ Саарназой Арутюнянцъ и Тути Каспарянцъ. Три казака нагнали насъ и изнасиловали. Я была дѣвственна. Насиліе надъ нами произведено

послѣ усиленной борьбы. Послѣ первыхъ трехъ казаковъ подоспѣли еще три казака, которые также изнасиловали насъ.

2) и 3) *Саарназа Арутюнянцъ и Тути Каспарянцъ*, подтвердили изложенное, добавивъ, что казаки ограбили у нихъ нѣкоторыя цѣнныя вещи, которыя успѣли забрать. При этомъ Тути предъявила разорванную рубаху, въ которой была изнасилована.— Саарназѣ 40 лѣтъ отъ роду, а Тути—50 лѣтъ отъ роду.—У потерпѣвшихъ были, между прочимъ, сорваны головные серебряные уборы.

4) *Нубара Крикорянцъ, 70—75 лѣтъ*, мать умершаго Ованеса Крикорянца. Она подтвердила все, показанное священникомъ Теръ—Акоповымъ, добавивъ слѣдующее:—Меня изнасиловали пять казаковъ. Въ комнатѣ было темно. Казаки входя въ комнату зажгли спичку, которая скоро потухла. Увидѣвъ меня, какъ женщину, казаки поймали, одни за другимъ изнасиловали. Дѣло происходило въ полночь. Сынъ мой Ованесъ былъ совершенно здоровый человѣкъ. Ему былъ нанесенъ сильный ударъ въ лѣвый високъ и его душили. По уходѣ казаковъ, Ованесъ былъ найденъ на дворѣ на навозной кучѣ. Когда перенесли его въ комнату, то у него оказалось слѣдующее: височная часть лѣвой стороны была посинѣвшая, глаза были, какъ бы вылупившіе и залитые кровью, изъ носу выходила пѣнистая кровь, шея была опухшая, языкъ отнялся. Ованесъ былъ въ безчувственномъ состояніи, едва дышалъ и до смерти не приходилъ въ себя. Онъ умеръ на слѣдующій день въ то время, когда отрядъ собирался выѣхать изъ селенія. До этого времени отъ военныхъ двое приходили два раза осматривать Ованеса и говорили, что съ нимъ случился ударъ, отрицая нанесеніе побоевъ. Приставъ Фатъ три раза приходилъ и каждый разъ стращалъ меня, чтобы я не показывала на казаковъ, говоря, что иначе онъ убьетъ меня. А когда Ованесъ скончался, и я подняла крикъ, опять прибѣжалъ Фатъ, далъ мнѣ пощечину и заставилъ прекратить крики. Казаки ограбили нашъ домъ. Жена Ованеса скрывалась вмѣстѣ съ другими въ горахъ и лишь благодаря этому обстоятельству, она избѣгла позора.

5) *и* 6) *Шуги Сейнянцъ, 40—45 лѣтъ и Анаси Сейнянцъ такого же возраста.* Мы не успѣли бѣжать, насъ изнасиловали казаки ночью дома и ограбили домашнее имущество. Мы обѣ вдовы.

7) *и* 8) *Такуи Гандахсязанъ* (*Саркисянцъ*) *и Маріама Каспарянцъ.*

Такуи:—Я бѣжала въ оврагъ, казаки поймали, изнасиловали и ограбили меня. Въ борьбѣ правая ключица казаками переломлена.

Маріама:—Я не успѣла бѣжать изъ селенія, казаки ворвались въ нашъ домъ У насъ былъ старикъ деверь. Къ намъ ворвались двое казаковъ. Въ борьбѣ казаки переломили кисть правой руки и изнасиловали. Казаки ограбили нашъ домъ.

9) *и* 10) *Мена Гюль Качарянцъ 45 лѣтъ и Манушака Дадасянцъ 21 года.* Когда мы увидѣли приближеніе войска, обрадовались, что нашъ царь прислалъ свое войско, для защиты насъ противъ татаръ. Но войско не успѣло въ селеніе въѣхать, какъ намъ дали знать, что нужно бѣжать, такъ какъ войско оскорбляетъ женщинъ. Мы обѣ пустились бѣжать въ горы. Изъ насъ у Мелагюли было еще 90 рублей, переданныхъ моимъ сыномъ. 4 казака нагнали насъ въ лѣсу и послѣ борьбы съ нами повалили насъ и изнасиловали по очереди, двое изъ нихъ Мена Гюль, а двое—Манушаку. У насъ были ограблены деньги и разныя вещи, въ томъ числѣ и серебряные головные уборы.

11) *и* 12) *Мина Каспарянцъ, вдова 45—50 лѣтъ, Мина Балаянцъ, 30-ти лѣтъ.* Мы не успѣли бѣжать изъ селенія. Меня, Мину Каспарянцъ, только ограбили, а отъ изнасилованія избавилась, благодаря заступничеству нашихъ мужчинъ. А меня, Мину Балаянцъ и ограбили и изнасиловали. На мнѣ были слѣды насилія, но ихъ теперь нѣтъ. У меня, между прочимъ, ограбленъ серебряный поясъ.

13) *Агабекъ Кочаровъ—старшина.* Я подтверждаю, что казаки производили насилія въ нашемъ селеніи: били, грабили и насиловали женщинъ. Дѣдушка Нубары самъ заявилъ мнѣ о растлѣніи ея. И еще одна изнасилованная женщина заявляла мнѣ. По поводу смерти Ованеса заявляю, что онъ былъ здоровый человѣкъ, ему было отъ роду лѣтъ 30. Когда мнѣ дали знать, что Ованесъ умираетъ, я пошелъ и увидѣлъ слѣды насилія: часть головы была посинѣвшая, глаза залиты кровью, шея опухшая, едва дышалъ и въ тотъ же день умеръ. Я подалъ полицейскому приставу Фату рапортъ, что Ованесъ умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему казаками. Что сдѣлалъ приставъ съ этимъ рапортомъ—не знаю, но на слѣдующій день въ селеніи Чартазѣ Ермолаевъ въ присутствіи начальника отряда Веверна, уѣзднаго начальника и пристава Фата, далъ мнѣ подписать другую, неизвѣстную мнѣ бумагу. До сихъ поръ не пріѣзжалъ ни слѣдователь, ни

врачъ по этому дѣлу и трупъ еще не вскрытъ. Ованесъ не болѣлъ, наканунѣ смерти пахалъ землю и принималъ участіе въ заготовленіи фуража для войска.

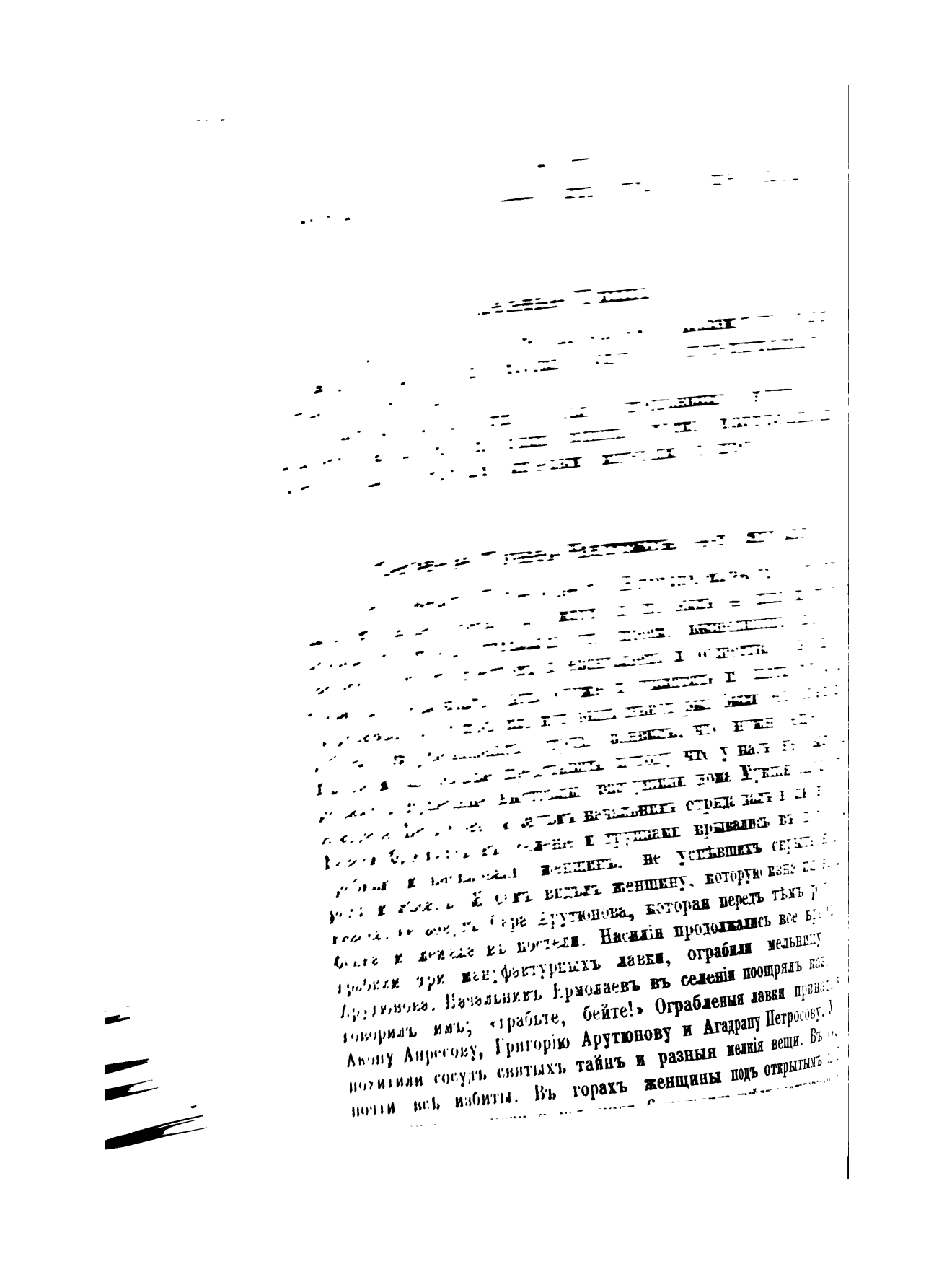
14) *Участковый полицейскій приставъ Фатъ.* По поводу смерти Ованеса старшина подалъ мнѣ рапортъ, что Ованесъ умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему казаками, я осмотрѣлъ Ованеса, когда онъ еще былъ живъ, но лежалъ въ безчувственномъ состояніи. На Ованесѣ я обнаружилъ слѣдующее: глаза были красные, на усахъ была кровь, онъ хрипѣлъ. Послѣ смерти Ованеса я, съ участіемъ фельдшера, осмотрѣлъ тѣло Ованеса и на лопаткѣ былъ кровоподтекъ, на головѣ же я слѣдовъ насилія не замѣчалъ. Я рапортъ съ протоколомъ направилъ къ товарищу прокурора; лично я полагаю, что Ованесъ умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ казаками. Казаки вообще вели себя грубо, при обыскахъ оскорбляли женщинъ. Мнѣ говорятъ, что есть изнасилованныя женщины, но онѣ стѣсняются заявлять мнѣ. Относительно же грабежей, совершенныхъ казаками могу удостовѣрить слѣдующій фактъ: стражникъ Аветисъ Пирумянцъ, при выѣздѣ отряда изъ селенія Азохъ, заявилъ, что казаки ограбили у него 7—8 ковровъ. Въ Сосѣ я, съ разрѣшенія начальника отряда, обыскалъ и у одного изъ казаковъ нашелъ ковры Аветиса и передалъ ему. Казаки были очень озлоблены и было опасеніе, что убьютъ Аветиса, почему я ему посовѣтовалъ уѣхать изъ Соса. Требованіе начальника отряда было таково: сдать 50 ружей, членовъ революціоннаго комитета по списку, въ которомъ по селенію Сосъ значились священникъ Теръ-Акопъ и старшина Агабекъ и штрафъ по 5 рублей за нападеніе на татаръ зимой. Было взыскано съ жителей селенія Сосъ 300 рублей штрафа и взяты были ружья, числа не помню. Священника начальникъ отряда арестовалъ и черезъ два дня освободилъ, а старшину вовсе не арестовалъ. *Списки членовъ комитета составлялись по свѣдѣніямъ полиціи (!).*

15) *Муса Тонянцъ, 68 лѣтъ.* Растлѣнная казаками Нубата, сирота, моя внучка, 12 лѣтъ, параличка. Ночью три казака ворвались ко мнѣ. Я взялъ внучку въ объятія, но казаки вырвали ее изъ рукъ. Началась между нами борьба, меня повалили и страшно избили, топтали сапогами, отъ побоевъ у меня въ животѣ образовалась опухоль, изъ задняго прохода выдѣляется кровь, а правая рука отъ побоевъ вовсе не дѣйствуетъ. Я лежу въ постели. Сегодня всталъ въ первый разъ, чтобы явиться къ вамъ. Доктора говорятъ, что у меня произо-

шло кровоизліяніе въ брюшину. Положеніе мое отчаянное. Внучка моя, Нубата, изнасилована казаками на моихъ глазахъ и она заболѣла.

16) *Айрапетъ Мусаянцъ, 48 лѣтъ.* Избитъ казаками. Тяжко боленъ, вѣроятно умеръ (имѣется медицинское свидѣтельство). Казаки, ворвавшись въ домъ Айрапета, потребовали его жену, а та была въ горахъ.

17) *Амбарцумъ Хачатуровъ.* 18) *Бахма Авакемянцъ.* 19) *Аршакъ Дадасіевъ.* Отрядъ былъ у насъ во вторникъ, ушелъ въ среду. При отрядѣ были начальникъ отряда Вевернъ, офицеры, начальникъ Фрейлихъ, мировой посредникъ Ермолаевъ; священникъ Теръ-Акопъ съ крестомъ и евангеліемъ, а почетные съ хлѣбомъ и солью встрѣтили отрядъ. Власти не приняли хлѣба-соли и священника. Въ селеніи для отряда были приготовлены обѣдъ и фуражъ. Власти этого также не приняли и по сигналу дали казакамъ волю. Казаки начали обыскивать дома, грабить и насиловать женщинъ. Самовольно рѣзали коровъ, тащили ячмень, пшеницу. Казаки всю ночь безобразничали, искали женщинъ, избили смертельно Ованеса Айрететяна и изнасиловали его мать, 70-ти лѣтнюю старуху, растлили дѣвицу Нубату Тоніеву, она же разбита параличомъ. Почти никто не избѣгъ побоевъ, истязаній, оскорбленій и ограбленія. Казаки награбленное имущество навьючили на сельскихъ лошадей и повезли въ русское селеніе Скобелевку. Казаки, приставивъ изъ насъ Амбарцуму кинжалъ къ горлу и грозя зарѣзать требовали отдать жену. Слегка поранили Амбарцуму голову. Началась между ними борьба, женщины выбѣжали изъ дому и скрылись. Всѣ эти возмутительныя насилія происходили съ вѣдома, подъ часъ на глазахъ властей. Молодыя женщины большею частью убѣжали, остались преимущественно старыя, которыя думали, что ихъ не будутъ трогать, но казаки ловили какъ бѣжавшихъ, такъ и оставшихся въ домахъ и насиловали ихъ. Они же избили Айрапета Мусаелянца за то, что у него дома не оказалось женщины. Въ нашей деревнѣ лежатъ тяжко больные Бала Алексѣнянцъ, два раза пріобщенъ, Авакъ Саркисянцъ, Мимась Муханянцъ и другіе; раньше многіе лежали больными, но теперь уже встали. У однихъ лица въ синякахъ, у другихъ головы обвязаны, у третьихъ руки. Старикъ Муса Тоніевъ, заступившись за свою внучку Нубату, подвергся тяжкимъ побоямъ и внучка все—таки была растлѣна. Избита женщина Таку и Гондехсазянъ въ борьбѣ

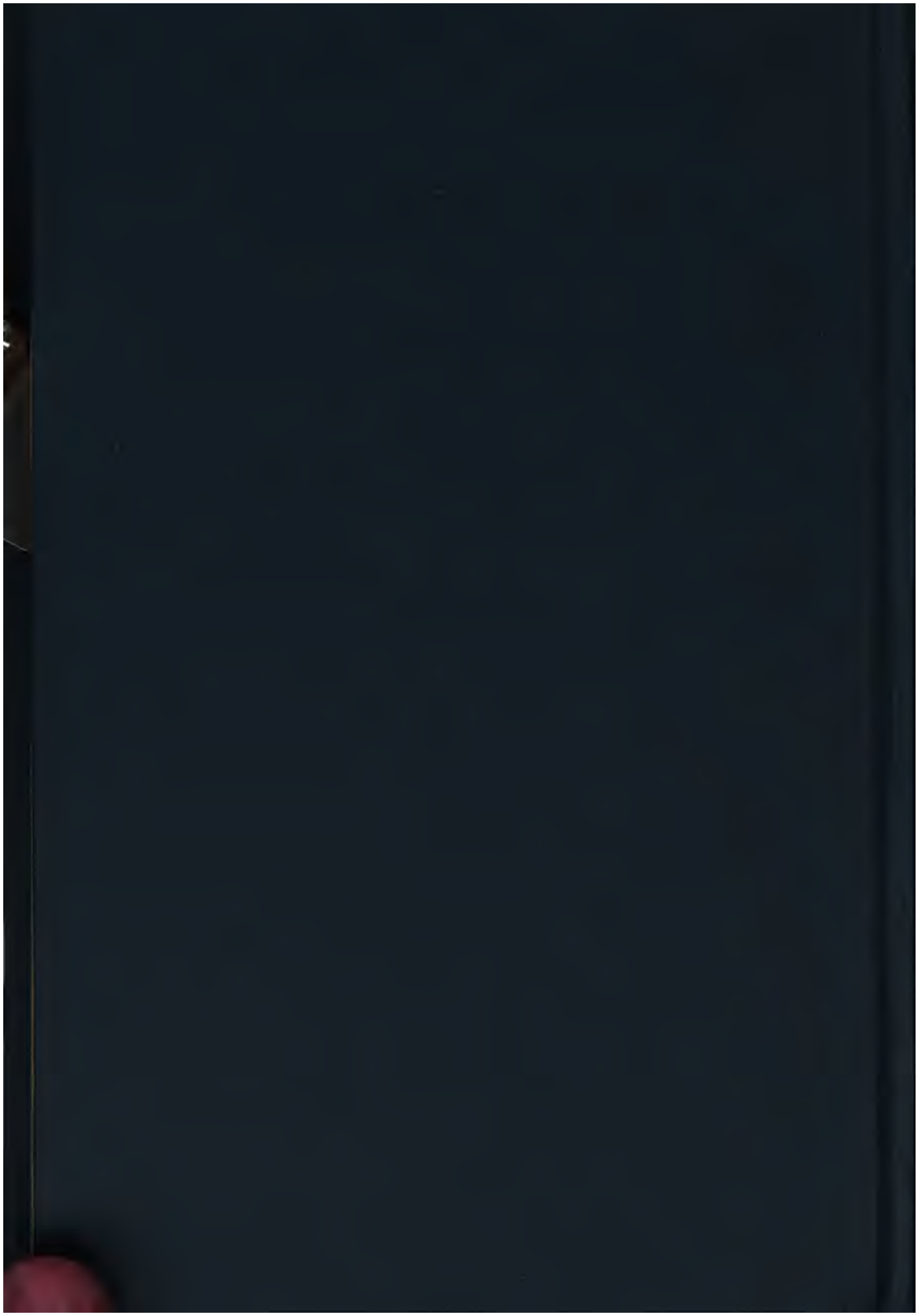


оды. Многія въ отчаяніи говорили: «не лучше ли было, если бы атары насъ вырѣзали, чѣмъ переносить такія обиды отъ казаковъ».

2) *Теръ-Степанъ Баратпянцъ.* Подтвердилъ все и добавилъ лѣдующее: казаки хотѣли ограбить меня, но я не давался, тогда динъ поранилъ мнѣ правую руку саблей тяжко, рука теперь не ѣйствуетъ, рана еще не зажила.

3) *Муса Крикоросъ.* У меня казаки ограбили два ковра, одинъ аласъ. Нѣтъ у насъ ни одного дома, гдѣ бы не были ограблены, женщины почти всѣ подвергались истязаніямъ и побоямъ. Есть акже изнасилованныя женщины, но не всякая признаетъ этотъ озоръ. Въ горахъ родили: Тазана Петросянцъ, Маріама Петросова, егюма Арутюнова, Мина Погосянцъ, Мина Сагянъ, Ануша Сулейанянцъ.

4) *Теводорссъ Мегдетянцъ* заявилъ, что для казаковъ были риготовлены особыя помѣщенія въ нижней части селенія, гдѣ наодятся зимовники и живетъ часть чартазцевъ. Но казаки не прияли и сказали, что они найдутъ себѣ помѣщеніе, и разошлись по омамъ. Ночью насиловали женщинъ, утромъ женщины разбѣжались. азаки поднялись въ верхнее селеніе, откуда женщины успѣли крыться, осталась одна Сара, которая передъ тѣмъ разрѣшилась. азаки не пощадили даже больную Сару и ее изнасиловали. Они отѣли изнасиловать и мать ее, старуху, но нашъ священникъ одоспѣлъ и не допустилъ.

5) *Факты насилія, грабежей, изнасилованія женщинъ* одтверждало *все общество* и указывало, что казаковъ поощрялъ а эти дѣйствія уѣздный начальникъ и мировой посредникъ Ермоаевъ.

6) *Сара Арутюнова* опрошена на дому, и она подтвердила, что азаки ее изнасиловали (Сара лежала больная, а около нея лежалъ оворожденный ребенокъ).